

СЕРГЕЙ НЕКРАСОВ

АПОСТОЛ ДОБРА

Повествование о Н.И. Новикове

Царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дожидаться нам, грешным. Кому не известно, хотя понаслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном, смею сказать, великом человеке!

В.Г. Белинский

ВВЕДЕНИЕ

Живем ли мы уже в просвещенную эпоху? —

Нет, но, несомненно, в эпоху Просвещения.

Иммануил Кант

Глава первая

ИСТОКИ

Николай Иванович Новиков родился 27 апреля 1744 года в Москве. Летом того же года Новиковы переселились в свою подмосковную — село Авдотьино, называвшееся также Тихвинским, по наименованию церкви Божьей Матери, построенной отцом Новикова.

Село это принадлежало предкам Николая Новикова еще с начала XVII века. Из его описания времен новиковского детства мы узнаем, что располагалось оно «на левом берегу речки Северки; церковь каменная Тихвинския пресвятыя богородицы; господский дом деревянный на каменном фундаменте и при нем сад с плодовитыми деревьями. ...Покося хороши, лес строевой и дровяной, крестьяне на пашне»¹.

Словом, типичное имение помещика средней руки, каким и был его владелец Иван Васильевич Новиков, отец просветителя. В молодые годы, в царствование Петра Великого, служил Иван Васильевич во флоте. Позднее, в страшное время бироновщины, исполнял должность воеводы в Алатыре. А как вышел в отставку с чином статского советника — зажил деревенским помещиком в своем родовом имении, лишь изредка наезжая в Москву, где у Новиковых был небольшой деревянный дом близ Серпуховских ворот.

Авдотьино-Тихвинское мало чем отличалось от других дворянских усадеб европейской России; некоторым из них суждено было стать своего рода литературными гнездами нашего отечества, воспетыми несколькими поколениями русских литераторов, начиная с Пушкина, Лермонтова, Боратынского...

Мир родной усадьбы, где прошли годы детства, — это и ностальгически трепетное воспоминание о собственном вхождении в жизнь, первых жизненных впечатлениях и постоянно манящий мир незыблемого патриархального бытия, где все гармонично и располагает к творчеству и размышлениям. И потому опоэтизированный образ усадьбы является в суетной повседневности желанной отдушиной, счастливым

оазисом детства среди жизненных тревог и волнений.

Кульť родового поместья, зарождавшийся в общественном сознании в XVIII столетии, станет характерной чертой мироощущения русских писателей и поэтов XIX века. Вспомним М.Ю. Лермонтова:

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.

«Туманы над полями» — тоже из детских воспоминаний Новикова. А вот села за прудом или рекой не было. За рекой Северкой были нивы и покосы. Село же здесь, на высоком речном берегу, совсем рядом с усадьбой. И общение с крестьянскими ребятами для Николая не редкость. Отсюда, из детства, доброжелательность и сострадание к простому народу, уважение к крестьянскому труду, забота о его нуждах. Отсюда любовь к родному краю. В Авдотьино-Тихвинское, райский уголок своего детства, возвращался Новиков в самые трудные минуты жизни. Здесь, в кругу милых сердцу грез, провел он и свои последние два десятилетия. Сюда приезжали родные, друзья, а иной раз и недруги просветителя — поглядеть, не замышляет ли чего знаменитый чернокнижник и «фармазон».

В доме Новиковых дети воспитывались по-старинному, окруженные с малых лет заботой родителей, мамушек да нянюшек, истых богомолков и сказительниц. Образы народных сказок переплетались в детском сознании с фантастическими повествованиями о житиях святых да с евангелистскими притчами, тревожили и волновали воображение.

Когда пришла пора учиться грамоте, Николая отдали на попечение дьячка Тихвинской церкви. Впрочем, отец строго следил за обучением сына, иной раз занимался с ним сам, благо ребенок был смышлен и понятлив. В воспитании немалое место уделялось религии, занимавшей в жизни новиковской семьи весьма важное

место. Она во многом определяла мировоззрение обитателей Авдотьиного, формировала нравственные основы личности. Недаром в пожилые годы Н.И. Новиков нередко повторял: «Первым моим учителем был Бог». Но приверженность религии отцов не заслоняла реальной жизни, веяний времени, и, когда до Авдотьиного докатилась весть об открытии в Москве Университета, Иван Васильевич Новиков решил тотчас послать туда сына Николая, проявившего уже в стенах родного дома неистребимую страсть к учению и познанию.

Осенью 1756 года Николай Новиков был принят во французский класс дворянской гимназии Московского университета, где проучился три года. В гимназии Московского Университета учились вместе с ним братья Фонвизины, Денис и Павел, одному из которых суждено было стать великим драматургом и сотрудником Новикова, а другому — директором университета. На склоне лет Денис Иванович Фонвизин вспоминал: «...учились мы весьма беспорядочно; с одной стороны, причиной тому была ребяческая лень, а с другой — нерадение и пьянство учителей». С явным удовольствием он рассказывает анекдотические подробности своего обучения, вроде знаменитого экзамена по географии, когда один из учеников заявил, что Волга впадает в Белое море, а другой — что в Черное. Награда досталась самому Фонвизину, который чистосердечно признался, что этого не знает.

Сегодня трудно с уверенностью сказать, насколько соответствуют истине слова Д.И. Фонвизина, поведавшего потомству о своих университетских годах. Вероятно, немалая доля истины в этом есть. Но, пожалуй, не вся истина. Помимо людей случайных и недостойных звания преподавателя, в университете были и настоящие педагоги, подлинны наставники юношества. Не будем сбрасывать со счетов и успехи самообразования, взаимопомощь университетских питомцев, овладение ими истиной в ученых спорах и диспутах. Наконец, важно отметить и то, что в этот период существовал определенный приоритет одних наук, считавшихся более важными и значительными, перед другими, ценность которых казалась сомнительной. И не отражает ли фонвизинский анекдот об уникальных познаниях в географии его соучеников отношение общества к этой науке во времена юности Фонвизина и Новикова? (Вспомним реплику госпожи Простаковой: «Это таки и наука-то не дворянская».) Знание иностранных языков, например, считалось значительно важнее. Кстати, сам Фонвизин вынес из университета хорошее знание нескольких языков. Отличался успехами во французском и Новиков. В майском номере «Московских ведомостей» за 1758 год он был назван в числе лучших учащихся во французском

классе.

Успехи сына радовали родителей. Но особенно желанны были его приезды в родной дом. Правда, покидать Москву и университет студенту Новикову все чаще приходилось, увы, по печальным обстоятельствам. Тяжелая болезнь горячо любимого отца заставляла Николая Ивановича месяцами пребывать в Авдотьино. При этом он нередко забывал предупредить университетское начальство о своем отъезде из Москвы. Однажды, просматривая в Авдотьино «Московские ведомости», в которых регулярно сообщалось об университетской жизни, он с удивлением узнал, что исключен из университета «за ленность и нехождение в классы». Это было обидно, но Новиков не считал нужным исправлять положение. Годы, проведенные в университетских стенах, выработали привычку к упорному самостоятельному труду. Всю жизнь он будет заниматься самообразованием. А сыновний долг велит сейчас быть здесь, в Авдотьино, у постели отца.

К моменту исключения из университета Новикову было 17 лет. Предстояло решить, что делать дальше. Согласно традиции, он еще с детства был записан в лейб-гвардии Измайловский полк и числился в отпуске для получения образования. Это обстоятельство и решило его дальнейшую судьбу.

В декабре 1761 года умерла императрица Елизавета Петровна. На российском престоле ее сменил Петр III, сын дочери Петра I и герцога Голштинского. Новый император Россию не любил, офицерам гвардейских полков не доверял, презрительно именуя их янычарами. Для собственной охраны он выписал из Голштинии своих приверженцев и определил им привилегированное положение в русской гвардии. Впрочем, всем дворянам, бывшим в отпусках, приказал явиться в свои полки, дабы познакомиться с ними поближе. Приказ этот коснулся и Н.И. Новикова. Начались сборы в дорогу. В начале 1762 года Н.И. Новиков прибыл в Петербург.

* * *

Лейб-гвардии Измайловский полк, в котором предстояло служить Н.И. Новикову, был одним из привилегированных гвардейских полков России. Измайловцы, так же как и гвардейцы других полков, Преображенского и Семеновского, несли караульную службу в городе, охраняли царский дворец, участвовали в ежедневных вахт-парадах, страстным любителем которых был Петр III.

В 1762 году полком командовал граф К.Г. Разумовский, совмещавший с этим

занятием должность президента Академии наук. Это в определенной степени отражалось и на быте измайловцев. В полку существовала школа, поощрялись литературные и научные интересы. Впрочем, для тридцатичетырехлетнего графа К.Г. Разумовского гораздо важнее дел научных были дела придворные. А при дворе в ту пору происходили события, имевшие важнейшее значение для всей дальнейшей истории России.

Царствование Петра III то вселяло надежды в сердца русского дворянства, то вызывало горечь, возмущение и негодование. Так, бурный восторг вызвал манифест от 18 февраля 1762 года «О вольности дворянской», освобождавшей представителей благородного сословия от обязательной службы. Правда, среди людей, близких ко двору, существовала твердая уверенность, что это дело рук графа Р.Л. Воронцова да умнейшего секретаря императора Петра III Д.В. Волкова. Именно на рассказ самого Волкова ссылается его знакомый историк князь М.М. Щербатов, сообщая в своем сочинении «О повреждении нравов в России» об этом историческом эпизоде: «Примечательна для России сия ночь, как рассказывал мне Дмитрий Васильевич Волков, тогда бывший его секретарем. Петр Третий, дабы сокрыть от граф. Елизаветы Романовны, что он в сию ночь будет веселиться с новопривозною, сказал при ней Волкову, что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, Государь пошел веселиться с княгиней Куракиною, сказав Волкову, чтобы он к завтраку какое знатное указание написал, и был заперт в пустую комнату с датскою собакою. Волков, не зная ни причины, ни намерения государского, не знал, о чем начать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил нередкие вытверждения Государю от графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства; сядши написал манифест о сем. — Поутру его из заключения выпустили, и манифест был Государем опробован и обнародован»².

Через три дня, 21 февраля 1762 года, вышел в свет еще один важнейший документ, подписанный Петром III. Это манифест об уничтожении Тайной канцелярии, наводившей ужас на население России. Самим ее существованием, как говорилось в манифесте, «злым, подлым и бездельным людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же зlostнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей». В манифесте торжественно было заявлено: «Вышеупомянутая Тайная розыскных дел канцелярия уничтожается отныне навсегда». Люди вздохнули свободно. Но, увы, совсем скоро это учреждение

было восстановлено под названием Тайной экспедиции, в лапы которой суждено было попасть Н.И. Новикову тридцать лет спустя...

Важное значение придавал Петр III закону о веротерпимости, замышляя к тому же реформировать православную церковь в духе протестантизма. Однако это вызвало сильное недовольство в русском обществе, воспринимавшем православие как важный элемент национального самосознания, а действия полунемецкого царя — как покушение на национальную самобытность. Что же касается духовенства, то оно возненавидело императора еще и за попытку отобрать в казну земли и крестьян, принадлежавшие церкви и монастырям, а также за посягательство на отдельные обряды православия и ущемление прав церковных деятелей.

В марте 1762 года Петр III распустил лейб-компанию, любимцев покойной императрицы Елизаветы Петровны, некогда возведших на престол дочь Петра Великого. В гвардии начался ропот — поговаривали, что царь намерен распустить и другие гвардейские части, заменив их своими любимыми служаками, срочно выписываемыми из Голштинии. Когда же император, заключив унижительный мир со вчерашним врагом России, своим кумиром — королем Пруссии Фридрихом II начал активную подготовку к войне с Данией, войне, совершенно чуждой России и выгодной лишь для голштинских родственников царя, ненависть и презрение к новому самодержцу в различных слоях русского общества стали почти всеобщими.

Все чаще взоры духовенства, гвардейцев и вельмож обращались к супруге Петра III Екатерине Алексеевне, далеко превосходившей его умом и образованностью, да к тому же выступавшей защитницей национальных интересов и яркой приверженкой православия. Вокруг Екатерины, втайне уже давно мечтавшей о русском престоле, сложилась группа заговорщиков во главе с братьями Орловыми, состоявшая из нескольких десятков гвардейских офицеров и сановников, недовольных политикой царствования самодержца. В гвардейских полках — Преображенском, Измайловском, Семеновском — шла активная агитация солдат в пользу Екатерины; всеобщее недовольство Петром III и перспектива новой войны немало содействовали успеху заговора. 27 июня был арестован капитан Преображенского полка Пассек, один из активных участников заговора. Это послужило невольным толчком к действию. Было решено, что в ту же ночь братья Орловы доставят Екатерину из Петергофа, где жила государыня, в Петербург. Здесь, по прибытии в Измайловский полк и при поддержке других гвардейских полков, она будет провозглашена царствующей императрицей. Командир лейб-гвардии Измайловского полка граф К.Г. Разумовский этой же ночью

обещал отпечатать в типографии Академии наук официальный манифест о восшествии на престол императрицы Екатерины II.

Ранним утром 28 июня 1762 года в деревянный павильон Екатерининского корпуса дворца Монплеизир в Петергофе ворвался поручик лейб-гвардии Преображенского полка Алексей Орлов. Едва переступив порог екатерининской спальни, он произнес:

— Пора вставать, все готово, чтобы Вас провозгласить.

— Что? — не поняла спросонья Екатерина.

— Пассек арестован, — ответил Орлов.

Екатерина мгновенно осознала, что пришло время действовать. Наспех одевшись, она выбежала вместе с горничной в парк, и вскоре карета, запряженная шестеркой лошадей, уже неслась по дороге к Петербургу.

За несколько верст до городской заставы, когда загнанные Орловым лошади стали сдавать, их встретил его брат, Григорий Орлов, с князем Федором Барятинским. Екатерина пересела в экипаж своего фаворита, в котором подъехала прямо к казармам Измайловского полка.

Волею судеб Новиков оказался первым, кто в лейб-гвардии Измайловском полку встретил будущую императрицу. Он стоял на часах у моста, при въезде на полковую территорию, и видел, как от канцелярии уже спешил ей навстречу командир полка граф Кирилл Григорьевич Разумовский.

Новиков не сводил глаз с Екатерины, которую впервые видел так близко. Какое впечатление произвела она на молодого гвардейца? О чем думал он тогда? Разумеется, этого никто не знает.

Но вот впечатление от первой встречи с императрицей другого выдающегося деятеля русской культуры того времени, впоследствии друга и единомышленника Николая Новикова, архитектора Василия Ивановича Баженова: «...не отрывал я глаз от лица царицы. Не доброе оно, но и жестоким я бы не назвал его, разве глаза только: холодноватые, будто из льдинок, синие, с карим отливом. Ни в губах, скромно поджатых, ни в улыбке уст, обнаруживающих ямочки на ланитах, кои с розою могут быть сравнимы, ничего в лице не таит коварства. Росту невысокого, но станом гибкая, хороша она была на коне в день завоевания царства, и улыбкою ее полки покорялись беспрекословно. А когда встала она, дабы вручить диплом мой, восторг окружающих передался мне, и я, преклонив колени, припал к руке монархини с чувством готовности умножить славу ее художествами». Вероятно, нечто похожее в тот июньский день 1762

года мог испытать и Новиков...

Солдафонские замашки императора, его пьяные и грубые застолья, нелепые выходки, о которых много говорилось в полку (в среде измайловцев активно действовали преданные Екатерине офицеры-заговорщики), создавали устойчивую негативную репутацию царствующему правителю. Полной противоположностью ему казалась умная и просвещенная супруга императора, «ученица Вольтера», как любила именовать себя сама Екатерина, состоявшая, что было известно, в переписке с выдающимися европейскими философами-просветителями. В то утро 28 июня 1762 года Николай Новиков, воодушевленный «восторгом окружающих», приветствовал просвещенную монархиню, с которой, как и многие его современники, связывал воплощение в жизнь принципов гуманизма и просвещения.

В своем манифесте о восшествии на престол Екатерина не скупилась на обещания. В нем были резко противопоставлены пороки непросвещенного, антипатриотического царствования Петра III и наступившего, екатерининского, царства разума, просвещения и истины.

Новая императрица поспешила в Москву, на коронацию, дабы древним религиозным ритуалом в стенах Успенского собора Московского Кремля подчеркнуть связь новых идей, привносимых ею в жизнь страны, с традиционными принципами российского самодержавия.

Коронация прошла пышно и празднично, под звон колоколов, гром песнопений и грохот пушечного салюта. Торжества по поводу коронации продолжались всю осень. Жителям древней столицы надолго запомнился праздничный маскарад «Торжествующая Миневра». Поэты М.М. Херасков и А.П. Сумароков составили аллегорию гибели пороков при воцарении богини мудрости Миневры, под которой подразумевалась новая императрица Екатерина II. Движение двенадцати маскарадных групп, сменявших друг друга, было решено как движение человечества от пороков к добродетели, к золотому веку, миру и благоденствию.

В маскараде в театрализованной форме должен был как бы воплотиться манифест Екатерины II о восшествии на престол, те обещания, что были даны ею российскому народу.

Призванный утвердить торжество справедливости и добродетели маскарад столь ярко рассказывал о гнусности пороков — пьянстве, невежестве, взяточничестве, угнетении народа, — знакомых московским, и не только московским, жителям, что некоторые его хоры пришлось не по вкусу вступившей на престол «Миневре». Так,

А.П. Сумарокову было предложено переделать сочиненный им хор о справедливой заморской стране, в которой побывала некая синица:

Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют.
За морем нет тунеядцев.

Но поэт отказался писать новый текст и заменил рассказ синицы о заморской стране простым и бессмысленным лаем собаки, приплывшей из-за полночного моря:

За морем хам, хам, хам,
Хам, хам, хам...

Н.И. Новиков, как и многие другие, внимательно наблюдал за маскарадом, который в течение трех дней был представлен в Москве. То здесь, то там мелькала фигура стройного всадника с вдохновенным лицом, которого легко было отличить от многочисленных молодцов-гвардейцев, гарцевавших в дни коронационных торжеств по московским улицам. Это был распоряжавшийся маскарадным торжеством Федор Григорьевич Волков, актер и режиссер, которому было поручено, как позднее напишет Н.И. Новиков, «вымыслить и расположить публичный маскарад для увеселения народного». В те дни Волков простудился и заболел. В начале апреля его не стало. Смерть Федора Волкова потрясла Новикова. Позднее, в «Опыте исторического словаря о российских писателях», он посвятит первому актеру русского театра большую статью, исполненную глубокой симпатии и уважения.

Вскоре Н.И. Новикову пришлось пережить и большое семейное горе — после длительной болезни умер отец, Иван Васильевич. С тяжелым сердцем возвращался он после похорон отца в Петербург, где предстояло продолжать гвардейскую службу. Теперь уже в чине унтер-офицера, который Новиков, как и многие другие гвардейцы, получил за участие в дворцовом перевороте 1762 года. Но Николая Ивановича это повышение в чинах вовсе не радовало. Военная служба, муштра да караулы, начинали тяготить. Чем дальше, тем больше сознавал он, что его место — в другом строю. Литература и журналистика неудержимо влекли к себе молодого измайловца. Он чувствовал, что это именно та дорога, на которую нужно сворачивать.

В 1766 году, в феврале месяце, будучи в командировке в Москве, Новиков встретился с университетским книгопродавцем Христианом Людвиговичем Вевером. Они были знакомы давно, еще с тех времен, когда Николай Иванович учился в университете и был частым гостем в книжной лавке Вевера. Практичный книгопродавец и предприимчивый издатель, он внимательно приглядывался к университетской молодежи. Угадав талант сатирика у студента Дениса Фонвизина, поспешил заказать ему перевод басен датского писателя Гольберга. А с Николаем Новиковым еще в университетские времена вел долгие беседы о книгоиздательстве и потому совсем не удивился, когда в сумрачный зимний день появившийся в дверях его лавки гвардеец-измайловец заговорил о деловом сотрудничестве. Новиков просил ссуду для того, чтобы начать собственное издательское дело, обязуясь при этом наладить в Петербурге продажу части тиража книг, издаваемых Вевером. Сделка была взаимовыгодна, и ее участники остались очень довольны друг другом. Новиков взял у Вевера в долг 120 рублей серебром, а также часть книг для продажи в столице, и отбыл в Петербург.

В том же 1766 году состоялся издательский дебют Новикова. Давний его знакомый М.И. Попов перевел французскую книгу «Две повести: Аристоневы приключения и Рождение детей Промифеевых». Новиков решил напечатать перевод. Заложив свое авдотьинское имение, он занял в петербургской конторе дворянского банка сто рублей, и уже в декабре 1766 года «Санкт-Петербургские ведомости» известили читающую публику о выходе в свет «Двух повестей» М.И. Попова. В эти же дни был опубликован манифест о созыве Комиссии по составлению нового Уложения.

На центральных улицах и площадях Петербурга появились специальные щиты, на которых был укреплен текст манифеста. У каждого из этих щитов дежурил полицейский чиновник, в обязанность которого входило чтение и толкование манифеста неграмотным. Н.И. Новикову полицейские комментарии не требовались. Однако, вчитываясь в строки правительственного манифеста, унтер-офицер лейб-гвардии Измайловского полка еще не догадывался о том, какое большое значение в его жизни будет иметь это событие.

* * *

Созыв Комиссии по составлению нового Уложения должен быть послужить свидетельством того, что на российский престол взошла действительно *просвещенная*

монархия.

Неслыханная в самодержавном государстве затея созыва депутатов со всей страны, причем депутатов всех сословий, вплоть до крестьян (кроме крепостных), для выработки нового свода законов, активно стимулировала общественное самосознание. Поэтому, вне зависимости от намерений императрицы и результатов работы Комиссии (практически они были равны нулю), роль Комиссии в общественной жизни России 1760-х годов гораздо более значима, чем иногда принято думать.

Для императрицы, еще далеко не прочно сидевшей на престоле, было чрезвычайно важно укрепление собственного престижа внутри страны и за ее пределами. И в этом смысле на Комиссию по составлению нового Уложения Екатерина возлагала немалые надежды. Императрица всячески стремилась подчеркнуть важное государственное значение деятельности столь представительного собрания и даже собственноручно написала «Наказ» Комиссии, который должен был лечь в основу ее работы. Это была объемная компиляция из трудов западноевропейских просветителей Монтескье и Беккария, приспособленная, насколько возможно, к условиям российского самодержавного государства.

Рассуждая о формах государственной власти на огромных просторах России, Екатерина утверждала необходимость для страны самодержавия, «ибо никакая другая власть не может действовать сходно с пространством столь великого государства». Столь же незыблемым, по ее мнению, является и крепостное право, говоря о котором императрица писала в своем «Наказе»: «Надлежит, чтобы законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвращали, а с другой стороны, предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти».

На основе «Наказа» депутаты Комиссии должны были составить новый свод законов. Прежнее Уложение было создано еще в 1649 году при царе Алексее Михайловиче и давным-давно устарело. Сочиняя свой «Наказ», Екатерина тонко улавливала дух времени. Ведь неколебимым убеждением эпохи Просвещения была вера в силу закона, а путь к счастью просветители усматривали в выработке справедливого и совершенного законодательства и в твердом следовании мудрым предначертаниям законодателей. «Наказ» был переведен на иностранные языки и вызвал одобрение у Вольтера и энциклопедистов. Впрочем, тот же Д.Дидро составил и свои критические замечания на екатерининское сочинение и позднее, приехав в Россию, в Петербург, откровенно излагал их Екатерине, чем вызвал недовольство императрицы.

Однако даже само обращение к просветительской идеологии многим казалось весьма опасным. Граф Н.И. Панин, воспитатель наследника престола Павла Петровича, остроумно назвал «Наказ» собранием аксиом, способных разрушить стены. Видимо, поэтому во Франции, на родине энциклопедистов, сочинение императрицы Екатерины II было запрещено.

* * *

30 июля 1767 года состоялось торжественное открытие Комиссии по сочинению нового Уложения. В этот день около пятисот депутатов, съехавшихся со всей страны в Москву, собрались в Кремле для принесения присяги и поклялись «приложить чистосердечное старание о великом деле сочинения проекта нового Уложения».

Первые дни работы были заполнены чтением основных статей «Наказа» императрицы. Начиная с восьмого заседания Комиссия перешла к депутатским наказаниям. Дебаты депутатов надлежало сохранить для истории, а потому Екатерина предусмотрела немалый штат секретарей, в числе которых оказался и Н.И. Новиков. Он исполнял эти обязанности наряду с другими будущими писателями, например с М.И. Поповым, переводы которого недавно издавал, с Г.Р. Державиным и другими.

Став «держателем дневной записки» Комиссии о «среднем роде людей», а также секретарем Большого собрания, Н.И. Новиков очутился в самой гуще работы Комиссии. Время от времени ему приходилось даже на специальных докладах зачитывать самой Екатерине фрагменты протоколов заседания Большого собрания депутатов.

Вскоре после торжественного и чинного церемониала открытия Комиссии, ее заседания стали обретать весьма бурный и во многом непредсказуемый характер.

Желание создать незыблемую правовую основу российской государственности и вера депутатов в то, что они действительно в состоянии это сделать, значительно стимулировали их гражданскую активность. Большие надежды возлагались и на просвещенную государыню Екатерину II, тем более что именно она была инициатором созыва Комиссии. Ведь многим было памятно, что еще совсем недавно, в 30-е годы, в царствование «престрашного взгляда» Анны Ивановны, за неосторожно сказанное слово можно было угодить на плаху, оказаться в страшных застенках Тайной канцелярии или отправиться по этапу в места не столь отдаленные... Теперь же, в 60-е годы, с самой высокой трибуны Кремлевского дворца в присутствии императрицы

депутаты получали возможность высказать все, что они думают о современном состоянии России, о нуждах различных сословий и групп населения страны. Да и сам «Наказ», где провозглашалась незыблемость закона, равно обязательного для всех подданных, вызывал уважение к его автору. Депутатам был близок и провозглашенный в «Наказе» принцип свободы слова, без которой, по утверждению государыни, граждане России «уму почувствуют притеснение и угнетение». И потому многие депутаты смело ставили острейшие вопросы современной жизни страны — вопрос о характере монархической власти, о положении крестьянства, о развитии городов и промышленности.

Подобный поворот событий явно не устраивал Екатерину. Уж слишком серьезно депутаты принимались за дело, чего обладавшая всей полнотой самодержавной власти просвещенная государыня не могла допустить.

«Пока новые законы поспеют, будем жить как отцы наши жили», — подведет вскоре итог Комиссии императрица на страницах журнала «Всякая всячина».

14 декабря 1767 года заседания в Москве закончились. Екатерина выехала в Петербург, вслед за нею потянулись и депутаты. В работе Комиссии наступил почти двухмесячный перерыв.

Только 18 февраля 1768 года в Петербурге возобновились ее заседания. Депутатам надлежало рассмотреть вопросы юстиции. В ходе их обсуждения была затронута проблема беглых крестьян. Большинство владельцев крепостных душ пытались свести причины крестьянских побегов к порокам самих крепостных. Но тут прозвучали голоса и тех, кто видел причину побегов крестьян в жестокости и произволе помещиков. Так, депутат козловского дворянства Григорий Коробьин, обращаясь к собранию, сказал: «Причиною бегства крестьян, по большей части, суть помещики, отягощающие столь иного их своим правлением. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, как несносные земледельцам, вредные всем членам общества и государству пагубные».

Говоря о крестьянском труде как основе благосостояния страны, он призвал к гуманному отношению к землепашцам в целях благополучия и самих помещиков, и государства в целом. «Земледельцы суть душа общества, следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет».

Речь Коробьина, предлагавшего регламентировать крестьянские повинности, была поддержана всего лишь тремя депутатами. Но она вызвала бурные возражения большинства посланцев российского дворянства, мнение которых достаточно четко

выразил депутат князь М.М. Щербатов. Прежде всего, они не согласились с причинами крестьянских побегов, которые привел депутат Коробьин. По мнению князя М.М. Щербатова, побег крепостных обусловлены, во-первых, различными климатическими условиями на огромной территории России, а потому и крестьяне, мол, ударились в бега, дабы найти более плодородные земли в других районах страны. Во-вторых, важной причиной является желание избежать рекрутского набора. Серьезной причиной побегов князь считал также «обленчивость и худые нравы самих крестьян».

Не отрицая фактов помещичьего произвола, М.М. Щербатов, однако, утверждал, что они единичны, в то время как побег крестьян — массовое явление. При этом он умело интерпретирует указы депутатов, которые, по его мнению, служат подтверждением крестьянского благополучия, а потому никаких изменений в их существовании и быть не может.

«Я шлюсь на всех находящихся здесь господ депутатов, — заявил он, — и утверждаю, что крестьяне час от часу богатеют и благоденственнее становятся. Указы, присланные от городов, полны жалобами на то, что крестьяне своими торгами подрывают купеческие торги. Следовательно, они богаты! Где примечено худое состояние помещичьих людей или недоимки по государственным сборам? Нет таких мест в Российской империи! Крестьяне защищены своими господами, которые о них пекутся. Так надлежит ли нам, право, делать благополучнейшими таких людей, которые все благополучие имеют и коего сверх меры умножение может им во вред обратиться?»³

Спустя годы, известный мемуарист Г.С. Винский, вспоминая о впечатлении, которое произвело в обществе собрание русских депутатов, писал: «Из всего происходившего в сей Комиссии достопамятнейшим может почитаться публичное прение князя Щербатова с депутатом Коробьиным»⁴. Вполне понятно, что Новикова, человека с чутким сердцем и обостренным восприятием любой несправедливости, речи депутатов не могли оставить равнодушным.

Во многих выступлениях депутатов, посвященных проблемам образования и воспитания соотечественников, говорилось о необходимости создания государственной системы образования. Депутат кашинского дворянства Кожин прямо заявил о том, что «недостаток порядочных учителей совершенно препятствует давать дома добронравное и приличное дворянскому званию воспитание». Костромское дворянство в наказе своему депутату указывало, что необходимо «для воспитания и обучения их грамоте и первым основаниям математики и чужестранных языков, особенно же для приличного

воспитания, учредить по губернским и провинциальным городам школы или семинарии». Тульское дворянство предлагало учредить в провинциальных городах небольшие гимназии, считая достаточным на первое время укомплектовать их всего одним профессором и двумя его ассистентами-помощниками. В наказах серпуховского, оболенского и тарусского дворянства также говорилось о необходимости учреждения в городах «школ для бедных дворян, также для приказных и купеческих детей, где учить русской грамоте, арифметике, геометрии, немецкому и французскому языкам».

Депутаты от дворян, горожан, казаков, пахотных и черносошных крестьян, духовенства, иноверцев излагали в комиссии наказы своих избирателей. Легко представить, сколь противоположными были требования различных сословий российской империи. Многим представителям старинных и знатных родов, как, например, князю М.М. Щербатову, казалось, что дворянство «породы» должно получить большие преимущества перед теми, кто «выслужил» себе принадлежность к дворянскому корпусу на основании петровской «табели о рангах», открывавшей возможность проникновения в ряды дворянства лиц из других сословий. Эта идея не получила поддержки у большинства дворянских депутатов. Зато при обсуждении «прав благородных» все депутаты от дворянства потребовали сохранения за ними исключительного права на владение землей и крестьянами.

Но именно права владения крепостными требовали депутаты от купечества. Они возражали также против расширения привилегий дворянства в области торговли и промышленности, настаивали на ограничении крестьянской торговли.

С купеческими депутатами не соглашались представители крестьян, пытавшиеся закрепить за собой право свободной торговли продуктами крестьянского труда, а также поставившие вопрос о малоземелье и бремени крестьянских повинностей.

Время шло. Споры депутатов становились все более острыми. Результатов работы Комиссии по выработке нового свода законов явно не предвиделось.

В конце 1767 года резко обострились отношения между Россией и Турцией. 25 сентября 1767 года русский посол в Стамбуле Обресков был приглашен к великому визирю. Результатом визита явился арест посла, отказавшегося признать правомерность турецких притязаний.

Началась русско-турецкая война. Многочисленные полки русской армии двинулись к южным границам России. Спешно готовились к грядущим военным экспедициям во флоте.

Однако работа Комиссии по сочинению нового Уложения по-прежнему

продолжалась. И лишь 18 декабря 1768 года маршал Комиссии Александр Ильич Бибииков зачитал в Большом собрании указ императрицы о прекращении заседаний на неопределенный срок.

«Ныне, — говорилось в екатерининском указе, — учинено от вероломного неприятеля нарушение мира и тишины, столь нами желаемых, сколь они нужны для приведения к окончанию предпринятого нами поправления гражданских законов. При таких обстоятельствах нам теперь должно быть первым предметом защищение государства от внешних врагов. От сего же самого Комиссии о сочинении проекта не малая приключится остановка, по причине, что многим депутатам к своим должностям надлежит отправиться»⁵.

Так, с отъездом депутатов-офицеров в действующую армию, закончилась работа Комиссии, хотя до выработки каких-либо итоговых результатов было еще далеко. Да и вряд ли можно было сколько-нибудь серьезно на них рассчитывать. Интересы различных слоев общества, представленных в екатерининской Комиссии, были столь противоположны, что в этой разногласии мнений выработать единую точку зрения по важнейшим вопросам русского законодательства оказалось просто невозможно.

Екатерина II, однако, извлекла для себя немалую выгоду от работы Комиссии и была вправе считать себя победительницей.

Созданный ею «Наказ» надолго закрепил за русской императрицей всеевропейскую славу «философа на троне», «просвещенного монарха», радеющего о благе своих подданных. Государыне важно было выяснить действительное положение и настроения различных слоев русского общества, и в этом смысле Екатерина была совершенно права, когда писала: «Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеем и о ком пешись должно». Наконец, Комиссия оказала заметное влияние на всю дальнейшую законодательную деятельность императрицы. Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 года несомненно явились своего рода практическим ответом на указы депутатов от дворянства и городов, обсуждавшиеся в ходе дебатов в 1767–1768 годах.

Работа в Комиссии имела огромное значение и для Н.И. Новикова. Бурные дебаты депутатов, резкие столкновения мнений по важнейшим вопросам современной жизни России глубоко запали в душу. Хотелось сказать свое слово, и сказать его так, чтобы оно было услышано по всей России... Новиков начал всерьез задумываться об отставке.

Новиков, как известно, был первый и, может

быть, единственный из русских журналистов, умевших взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок сильный и господствующий...

Н.А. Добролюбов

Глава вторая ОТЕЧЕСТВУ МОЕМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Тысяча семьсот шестьдесят девятый год отменно счастливо начинаем», — так более чем оптимистично провозглашало новогоднее поздравление вышедшего в свет в первых числах января журнала «Всякая всячина».

Первый его номер, как истинный новогодний подарок, раздавался жителям столицы бесплатно. За последующие надо было платить. Впрочем, не так дорого. Несомненно, это входило в замыслы издателей, пожелавших как можно шире распространить свой еженедельник. Их имен указано не было. Но вскоре стало известно, что деньги на издание журнала поступают от статс-секретаря императрицы Г.В. Козицкого, автора известного и благосклонно принятого публикой «рассуждения о пользе мифологии», некогда сотрудничавшего в журналах «Ежемесячные сочинения» и «Трудолюбивая пчела». Через несколько лет Н.И. Новиков напишет о Г.В. Козицком: «Слог его чист, важен, плодovit и приятен: посему-то некоторые и заключают, что «Всякая всячина», еженедельное сочинение 1769 года, приобретшее толикую похвалу, есть произведение его пера».

Впрочем, широковещательные заявления, с которыми выступила «Всякая всячина», равно как безапелляционность суждений, а иной раз и резкость прямых угроз издателей в адрес своих критиков, наводили на мысль и о высочайшей поддержке журналу. То, что многие современные его читатели интуитивно чувствовали, нашло документальное подтверждение лишь столетие спустя, когда академик П.П. Пекарский обнаружил автографы нескольких статей «Всякой всячины» в бумагах кабинета Екатерины II. Выяснилось, что руководство журналом осуществлялось самой императрицей, которая была и автором многих его статей.

«Всякая всячина» заявила о себе как о «бабушке» новых русских журналов, появления которых она с нетерпением ожидает: «Я вижу бесконечное племя «Всякой

всячины». Я вижу, что за нею последуют законные и незаконные дети; будут и уроды ее место со временем занимать».

«Дети» и «внуки» не замедлили появиться. Менее чем через месяц, в конце января 1769 года, вышел первый номер журнала М.Д. Чулкова «И то и се». За ним последовало издание В.Г. Рубана «Ни то, ни се», «Поденщина» В. Тузова, «Полезное с приятным» И.Ф. Румянцева и И.А. Тельса. «Смесь» некоего издателя, оставшегося в неизвестности.

В названии журнала В.Г. Рубана прозвучала невольная оценка многочисленных материалов этих изданий. Впрочем, это вполне устраивало венценосного автора и руководителя «Всякой всячины». Пока все эти «дети» и «внуки» были тихими и послушными. Хотя и встречались на их страницах критические материалы, но все они были в рамках той «улыбательной сатиры», за которую так ратовала Екатерина II.

К участию в работе журнала «Всякая всячина» приглашались все желающие. «Мы же обещаем, — провозглашали издатели, — вносить в наши листы все то, что нас не введет в тяжбу со благочинием, лишь бы оно чуть сносно написано было».

Вскоре в листовках «Всякой всячины» появились сочинения А.П. Сумарокова, А.О. Аблесимова, А.В. Храповицкого. А.П. Шувалова и других. Впрочем, участие в официозном издании того же Сумарокова или Аблесимова было эпизодическим. С именем А.П. Сумарокова принято связывать одну из самых острых публикаций «Всякой всячины», в которой он обращается с просьбой к издателям журнала найти «эксперимент, коим бы можно перевести подъячих». Автор статьи во «Всякой всячине», подписавшийся псевдонимом «Занапрасно Ободранный», не без иронии повествует: «Я старался и тем от них избавиться способом, которым переводят клопов, блох и всех кровеносных насекомых. Однако ничем не мог оборониться; но, истоща весь свой дом на то, и ныне стражду от кровососов».

Ответ «Всякой всячины» на это письмо был выдержан в духе традиционной екатерининской снисходительности к социальным порокам: «Подъячих не можно и не должно перевести. Не подьячие и их должности суть вредны; но статься может, что тот или другой из них бессовестен. Они менее других исключены из пословицы, которая говорит, что нет рода без уроды, для того, что они более многих подвержены искушению. Подлежит еще и то вопросу: если бы менее было около них искушателей, не умалилася ли бы тогда и на них жалоба».

А затем «Занапрасно Ободранный» получил весьма дельный совет: «Не обличайте никого; кто же вас обижает, с тем любовно миритесь без подъячих,

сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот».

Императрица заявляла о том, что она поддерживает критические выступления, но лишь в общем виде, без указания лиц или учреждений. Главное же — чтоб писатели и критики не занимались очернительством, живописуя лишь негативные явления, а противопоставляли им добрые примеры, своего рода образцы для подражания.

«Добросердечный сочинитель, — убеждала она, — во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы под тем примером каким не оскорбить человечества; но располагая свои другим наставления, поставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостью, описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовью и верностью к Государю и обществу».

Вскоре после выхода в свет первых листов екатерининского еженедельника Н.И. Новиков решил навсегда оставить военную службу, с тем, чтобы посвятить себя литературе и тотчас же выпустить в свет свой журнал. И вот 1 мая 1769 года в благопристойно-понятливый хор «детей» и «внуков» бабушки «Всякой всячины» ворвался «Трутень» с его дерзким эпиграфом из А.П. Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите».

Подобно «Всякой всячине», Н.И. Новиков решил выпускать своего «Трутня» еженедельно. В первом номере, как было заведено, он изложил причины, побудившие его издавать журнал, и краткую издательскую программу. Издатель отмечал, что особым вниманием будут пользоваться «письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, ко исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-то есть мое намерение».

Уже первые номера «Трутня» показали, что в России появился настоящий сатирический журнал, который, как писал позднее поэт И.И. Дмитриев, «в листках своих нападал смело на господствующие пороки; карал взяточников; обнаруживал разные злоупотребления; осмеивал закоренелые предрассудки и не щадил невежества мелких, иногда же и крупных помещиков». Скоро стало ясно, что именно «Трутень» по многим вопросам превращался в главного антипода «Всякой всячины». Бурная полемика, развернувшаяся между двумя журналами, привлекла пристальное внимание читающей публики. Позиция новоявленного «Трутня» не на шутку встревожила Екатерину II, которая решила устами одного из героев «Всякой всячины» напомнить

беспокойному «внуку» основные правила сатиры, к соблюдению которых призывала «бабушка» сатирической журналистики: «1) Никогда не называть слабости пороками. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было и для того. 4) Просить Бога, чтобы нам дал дух кротости и снисхождения. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным нахожу вас просить дать ему место во «Всякой всячине» <...>

Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

Такое понимание сатиры и снисходительного отношения к порокам были абсолютно чужды Н.И. Новикову. В пятом листе «Трутня» им было высказано сильное сомнение по поводу того, «что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные». Письмо в редакцию, излагавшее точку зрения Н.И. Новикова, было подписано неким Правдулюбовым, который не без иронии заметил, что избрал в качестве адресата «Трутень», а не его «прабабку» «Всякую всячину», где были опубликованы правила «улыбательной сатиры», так как она «меланхолических писем читать не любит». «Я сам того мнения, — писал Правдулюбов, — что слабости человеческие сожаления достойны; однако ж не похвал... Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человека обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который им снисходит или (сказать по-русски) потакает».

Екатерина была раздражена этим заявлением и решила пренебречь полемикой с дерзким автором: «На ругательства, напечатанные в “Трутне” под пятым отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потатчиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывались

даже на бумаге, до коей он дотрагивается, нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать».

Новиков поспешил ответить на это объявление в ближайшем седьмом номере своего журнала от 9 июня 1769 года: «Издатель “Трутня” обещался публике в своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения; либо приносящие увеселение. О сем по сие время всевозможное он прилагал попечение; и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего издаека и с улыбкою взирает он на брань “Всякия всячины”, относящуюся к лицу г. Правдулюбова: ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни почему не принадлежит; а только с нетерпеливостью желает он узнать, как таковые наполнения сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут».

Неделю спустя, не удовлетворившись кратким ответом, Новиков решил продолжить эту тему:

«Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называют ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может; а сия вина многим нашим писателям свойственна...

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист “Трутня” уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластием свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право других».

Обратим внимание на фразу Новикова о том, что «госпожа Всякая всячина <...> на русском языке изъясняться не умеет», а также на то, что ее угрозы, «есть слово, самовластием свойственное».

Если учесть, что императрица, как нам сегодня известно, играла определяющую роль в издании «Всякой всячины», а также то, что до конца жизни она так и не смогла в совершенстве овладеть русским языком, то невольно возникает соблазн заявить:

начинающий журналист и издатель Новиков выступает в своих статьях непосредственно против Екатерины.

Конечно, не исключено, что издатель «Трутня», зная об участии во «Всякой всячине» таких лиц, как Г.В. Козицкий, И.П. Елагин, В.И. Лукин, проводивших екатерининскую политику в области культуры, мог догадываться о том, что государыня в какой-то мере причастна к журналу. Однако вряд ли он непременно видел в императрице автора тех статей, против которых выступал на страницах своего журнала. Авторство Екатерины могло быть известно лишь очень узкому кругу придворных литераторов. Сама же императрица предпочитала не распространяться по этому поводу, особенно после ярких статей новиковского «Трутня», в споре с которым «Всякая всячина» явно потерпела поражение.

Острая полемика «Трутня» со «Всякой всячиной», журналом явно официозным — вот уж в этом у Новикова и его сотрудников не было никаких сомнений, — стала важнейшим явлением общественной жизни России 1760–1770-х годов. Новиков, отстаивая идеалы Просвещения, бесстрашно вел эту полемику. И в этом состоит его величайшая заслуга писателя и гражданина перед русской литературой и общественной мыслью.

В том же номере журнала «Трутень» было помещено письмо некоего Чистосердова, в котором он, высоко оценивая «Трутень», пишет о том, что многие знатные особы им недовольны. Автор письма приводит и прямые угрозы издателю одного из близких ко двору лиц: «Сей господчик говорил следующее: «Не в свои-де этот автор садится сани. Он-де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость не что иное, как дерзновение. Полно же, его недавно отпряла «Всякая всячина» очень хорошо: да это еще ничего, в старые времена послали бы де его потрудиться для пользы государственной... но нынче-де дали волю писать и пересмехать знатных и за такие сатиры не наказывают. <...> Знать что-де он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали».

Следует заметить, что и «Всякая всячина» не преминула выразить свое великое неудовольствие по поводу не в меру разговорившихся по ее же инициативе новых русских журналов. «Мы примечаем, — сообщалось в листе от 5 июня 1769 года, — что сей год отменное число слов свету представляет. Мы боимся, не мы ли к тому подали пример или причину. Но, однако, как бы то ни было, мы можем оставить, чтоб нашим

корреспондентам вообще не дати знать, что ни от чего не должно остерегаться, когда имеешь в виду угодить публике сочинением, как от словохотия. Ибо не всегда та трезвость ума, коя заставила писать и коею веселится сочинитель, нравится публике. Сие также нам самим будет служить правилом».

Что ж, в определенной мере «Всякая всячина» была права. Ведь сама Екатерина, заведя свой журнал, предложила русскому обществу следовать ее примеру. Правда, не все литераторы и журналисты пожелали взглянуть на мир глазами «Всякой всячины». Именно в этом официозном журнале возникла крестьянская тема, которая решалась, однако, лишь на уровне пожеланий смягчить жестокосердие суровых владельцев крепостных душ. Да и само изображение крестьян было здесь весьма условным, умозрительным.

Иное дело Новиков. Крестьянская тема наиболее ярко была представлена в «Трутне» в цикле материалов, известных как копии с «отписок» крестьян к своему помещику и копии помещичьего указа. Впервые голос угнетенного российского крестьянства зазвучал со страниц отечественного журнала. Анализируя эти тексты столетие спустя, Н.А. Добролюбов заметил: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?»¹

Вот, например, отписка крестьянина Филатки своему барину. Крепостной умоляет своего господина сжалиться над ним, скостить недоимки, а в обращении называет его отцом. Чуть ниже Н.И. Новиков печатает письмо старосты той деревни своему помещику, в котором мы находим сообщение, что с Филатки, «за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей. И он на сходе высечен. Он сказал: я-де это сказал с глупости, и напредки он тебя, государь, отцом называть не будет... Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал».

Десятилетие спустя в одной из русских комических опер — «Несчастье от кареты» Я.Б. Княжнина эта ситуация как бы оживает вновь. Богатый помещик Фирюлин на обращение к нему крестьянина: «Ты отец...» — разражается грозной бранью: «Что это за тварь? Меня отцом называть смеет! Разве мой батька был твой отец; а я не хочу такому свинье отцом быть. Впредь не отваживайся».

Ощущение подлинности материалов новиковского «Трутня», отмеченное Н.А. Добролюбовым, возникало у читателей журнала не только при чтении крестьянских «отписок». Сочиненные Н.И. Новиковым сатирические «ведомости», в пародийной форме воспроизводившие разделы текущей информации в таких изданиях, как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», также содержали столько

злостных намеков, что читатели без труда узнавали реальные факты, послужившие издателю материалом для того или иного рассказа. Так, 16-й лист «Трутня» от 11 августа 1769 года содержал известие из Кронштадта:

«На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль: на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы и что они, будучи несчастливы во своем отечестве, по разным делам, касавшимся до чести их, приведены до такой крайности, что для приобретения золота вместо Америки принуждены были ехать в Россию. Они в своих рассказах солгали очень мало: ибо по достоверным доказательствам они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полицею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилась. Оно в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однако ж сим господам французам не полюбилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим подбродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учителя французов, не узнав прежде ни звания их, ни поведения».

На первый взгляд может показаться, что это сообщение всего лишь обобщенная сатирическая характеристика французских гувернеров и тех русских родителей, которые непременно желали иметь у себя в доме учителя-француза. Однако восприятие этого листа «Трутня» будет иным, если мы вспомним, что незадолго до этого в Петербурге произошло событие, весьма смутившее многие добропорядочные дворянские семьи и крайне удивившее сотрудников французской миссии. Дело в том, что, выполняя приказ парижской полиции о розыске преступников, бежавших из королевских тюрем, советник французского посольства в Петербурге Мессельер обнаружил кое-кого из беглых каторжников в роли гувернеров в богатых домах российской столицы. Разразился скандал. И сатирическое известие, напечатанное в 16-м листе «Трутня» очень многим напомнило об этом скандале.

Результатом обращения многих дворянских семей к подобного рода «учителям» и было появление на свет *Худовоспитанников*, которых показал своим читателям издатель «Трутня».

1769 год, год издания русских сатирических журналов, год выхода в свет новиковского «Трутня», явился важной вехой в развитии отечественной литературы и общественной мысли.

Журнальная полемика по вопросам сатиры незаметно, но весьма последовательно переходила в борьбу за права писателей выступать против тех явлений общественной и государственной жизни, с которыми сатира была призвана бороться. Эта полемика явилась составной частью борьбы за свободное общественное мнение и потому более всего раздражала Екатерину. Да и сам Н.И. Новиков почувствовал необходимость несколько изменить тональность своих выступлений и вскоре вынужден был сделать определенные выводы. Готовя материалы на новый, 1770 год, он уже учитывал особое внимание к «Трутню» со стороны верховной власти.

* * *

Как быстро летит время! Давно ли январским днем 1769 года безденежно раздавали первый лист «Всякой всячины», а вот уже год прошел, и в выпуске от 5 января 1770 года Н.И. Новиков сам со страниц «Трутня» приветствовал читателей и поздравлял их с Новым годом. «Наконец, следуя обыкновению, — писал он, — пожелаю я моим читателям в Новый год счастья».

И далее Н.И. Новиков давал советы различным категориям своих читателей:

«ВЕЛЬМОЖАМ

Будьте любимы вам подчиненными и простым народом... Будьте добродетельны, тогда вы бедных утеснять не помыслите: делайте им добро по должности всем без изъятия, а не по пристрастию, и пекитесь о благосостоянии их больше, нежели о своем. Не слушайте льстецов, они, обольщая вас, пользуются вашими слабостями и силою вашею других утесняют, а утесняемые почитают то ударом руки вашей...

Добродетельный человек вашего звания назовет себя счастливым, если он сие исполняет, а исполнять вам сие нетрудно, ибо бедный человек и то в знатном добродетелию почитает, когда не делает он ему зла.

СРЕДНОСТЕПЕННЫМ

Состояние ваше требует, чтобы вы были любимы и знатными людьми и бедными. <...> Будьте искренны и с первыми и с последними. Наживайте друзей в настоящем звании <...> ибо знатный редко имеет верного друга.

МЕЩАНАМ

Желаю трудолюбия и праводушия.

БЕДНЫМ

Добродетелей, приличных их состоянию, и чтобы знатные их не угнетали: вот их счастье!

ПОСЕЛЯНАМ

Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил телесных, здоровья и трудолюбия. Имея сие, вы будете счастливы. А счастье ваше руководствует ко благосостоянию всего государства.

Наконец, пожелаю я и себе в новый год нового счастья. Чего же я пожелаю? Г. читатель, отгадай. Я желаю, чтобы желание счастья моим согражданам было им угодно; чтобы издание мое принесло пользу и чтобы меня не ругали».

Листки новиковского «Трутня», выходившие каждую неделю, завоевали огромную популярность у русских читателей. Особенно внимательно следила публика за острой полемикой «Трутня» со «Всею всячиной», явно отдавая предпочтение новиковскому журналу. И недаром в одном из февральских его выпусков было заявлено: «Г.Издатель! Не поверишь, радость, в какой ты у нас моде. Ужесть как все тебя хвалят, и все тобою довольны».

Это было первое столкновение Н.И. Новикова с венценосной сочинительницей. И оно показало, что Екатерине II не удалось овладеть общественным мнением, направить его в угодное для самодержавной власти русло прославления екатерининского абсолютизма. А ведь именно стремлением ограничить литературно-общественную мысль строго очерченными рамками было продиктовано намерение императрицы взяться за издание «Всею всячины».

И вот теперь «бабушка» и «прабабушка» новых русских журналов из-за дерзкой смелости одного из «внуков» вынуждена была прекратить свое существование.

В последнем своем выпуске «Всеякая всячина» собиралась печатать сердитое письмо одного из читателей, да затем, видно, раздумала. Неопубликованный черновик

этого письма сохранился в бумагах Екатерины II:

«Госпожа бумагомарательница “Всякая всячина”! По милости вашей нынешний год изобилует недельными изданиями. Лучше бы изобилие плодов земных, нежели жатву слов, которую вы причинили. Ели бы вы кашу да оставили людей в покое: ведь и профессора Рихмана бы гром не убил, если бы он сидел за щами и не вздумал шутить с громом. Хрен бы вас всех съел».

Однако вслед за закрытием «Всякой всячины» вынужден был закрыть свой журнал и Н.И. Новиков. Впрочем, после прекращения полемики, вызывавшей неизменный интерес читателей, на страницах новиковского еженедельника почти перестали появляться острые сатирические материалы, и вскоре его популярность заметно пошла на убыль.

«Г-н Трутень! Кой черт! Что тебе сделалось? Ты совсем стал не тот, — отреагировали читатели на изменение характера журнальных материалов. — Пожалуй, скажи, для какой причины переменял ты прошлогодний свой план, чтобы издавать сатирические сочинения? <...> я чаю, ты, бедненький, останешься в накладке. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего».

27 апреля 1770 года вышел последний, 53-й, лист «Трутня», в котором Н.И. Новиков извещал читателей: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь <...> Увы! Как перенести сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладеет кровь, и от предстоящего несчастья все члены немеют... Непричесанные волосы мои становятся дыбом; словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях».

Дебют Новикова-сатирика стал ярчайшим событием в истории русской культуры и общественной жизни и сразу же выдвинул его в число первых российских авторов. Но издание «Трутня» тот час создало ему репутацию журналиста очень острого и опасного, готового без оглядки включиться в самую рискованную полемику и критиковать любые статьи и материалы, невзирая на лица. Вот почему для выпуска в свет своего следующего журнала Н.И. Новиков решил прибегнуть к услугам подставного лица — некоего Андрея Фока. Никому не ведомый Фок обратился в академическую канцелярию, в ведении которой находилась типография, с просьбой издавать журнал с весьма невинным названием «Пустомеля». Он должен был выходить уже не еженедельно, а ежемесячно. Н.И. Новиков решил изобразить в своем очередном журнале своего рода идеального положительного героя, который олицетворял бы

лучшие черты передового российского дворянства. В соответствии с основными идеалами философии Просвещения, утверждавшей, что человек есть результат воспитания — хорошего или дурного, — он и создает обобщенные образы провинциального дворянина Добронрава и его сына Добросерда. Изображенные им лучшие представители дворянства, герои повести «Историческое приключение», были своеобразной антитезой героя фонвизинской комедии «Бригадир», весьма популярной в эти годы у русского читателя и зрителя. Впрочем, во многом взгляды Н.И. Новикова и Д.И. Фонвизина совпадали. Это касалось и критики невежества русского дворянства, в среде которых герои новиковской повести были отнюдь не массовым явлением. Это касалось и критики злоупотреблений чиновников, раболепного преклонения перед чужестранцами, особенно французами. Это касалось и их общего интереса к театру, великое значение которого понимали оба выдающихся деятеля русского Просвещения.

Именно в «Пустомеле», в статьях, рассказывающих об успехах ведущих актеров русской сцены Дмитревского и Троепольской, о постановке на сцене придворного театра трагедии А.П. Сумарокова «Синав и Трувор», мы находим первые образцы театральной критики в наших периодических изданиях.

Близость позиций и взглядов Н.И. Новикова и Д.И. Фонвизина обусловила участие великого драматурга в новиковских изданиях. Так во втором выпуске «Пустомели» было помещено знаменитое фонвизинское «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», в котором нарисована беспощадная картина всеобщего обмана:

Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да, сверх того, еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет.
Что нет уже таких кашеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ.
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ.
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудить приняться за обман.

В том же втором номере «Пустомели» Новиков поместил и «Завещание

Юнджена, китайского хана». Это любопытное сочинение, переведенное известным русским исследователем-китаистом А.Л. Леонтьевым, рассказывало о принципах правления, которые существовали в государстве Юнджена и которые он, обращаясь к сыну, завещал ему хранить и беречь.

Китайская тема в русской культуре XVIII века была весьма популярна. Далекая экзотическая страна, отгороженная от всего мира Великой каменной стеной, волновала воображение и давала свободу фантазии. Во дворцах русских императоров и императриц создавались особые китайские комнаты и кабинеты. Обставленные подлинными предметами китайского искусства, они были отделаны, однако, не столько в духе настоящего Китая, сколько в духе европейского о нем представления. И то сочинение, которое предлагал своим читателям «Пустомеля», мало что говорило о самом Китае, но невольно наводило на мысль о России, о ее порядках, столь резко контрастировавших с принципами правления «китайского хана».

Острота критических материалов «Пустомели» привела к тому, что второй его номер стал и последним. Не помогли ни исторические повести с добродетельными героями, ни отказ от своего имени в пользу Андрея Фока. Журналу не удалось удержаться среди других его литературных собратьев. Новикову пришлось на время сделать вынужденную паузу.

Однако пройдет менее двух лет, и он снова предстанет перед читателем, подарив русской периодике одно из лучших сатирических изданий XVIII столетия — «Живописец». Журнал этот издатель посвятил неизвестному автору комедии «О, время!», представленной незадолго до этого на придворной сцене. Впрочем, то, что автором комедии была сама императрица Екатерина II, знали почти все, и Н.И. Новиков тут не был исключением. Обращаясь к «неизвестному автору», издатель нового журнала советовал: «Продолжайте, государь мой, ко славе России, к чести своего имени и к великому удовольствию разумных единоплеменников ваших, продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочинениями: перо ваше достойно будет равенства с Молиеровым. Следуйте только его примеру: взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки: вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось».

Иными словами, уже в посвящении Н.И. Новиков подтверждал свою приверженность сатире, о чем писал и во вступительной статье:

«Автор к самому себе

Ты делаешься Автором; ты принимаешь название живописца; но не такого, который пишет кистью, а живописца, пером изображающего наискровеннейшие в сердцах человеческих поступки.

... Так прости, бедный писатель: с превеликим соболезнованием оставляю тебя на скользкой сей дороге. По малой мере не позабывай никогда слов, мною тебе сказанных: что люди, упорно подвергающие себя осмеянию, никакого не достойны сожаления. Впрочем, я даю тебе совет: избери из своих приятелей друга, который был бы человек разумный, знающий и справедливый: слушай его критику без огорчения; следуй его советам; и хотя оные обидят твое самолюбие, но, однако ж, знай, что они будут иметь действие подобное горьким лекарствам, от болезней нас освобождающим. Наконец, требую от тебя, чтобы ты в сей дороге никогда не разлучался с тою прекрасною женщиною, с которою тебя видал; ты отгадать можешь, что она называется о с т о р о ж н о с т ь ».

Вслед за этим Н.И. Новиков дает весьма выразительные портреты объектов своей сатиры, хулителей просвещения и науки. Среди них особенно выделяется *Х у д о в о с п и т а н н и к*, в самом имени которого мы вновь сталкиваемся с любимой просветительской идеей о порочном невежде как результате дурного воспитания.

Теме просвещения и воспитания, борьбе против слепого преклонения русского дворянства перед Западом, посвящено немало материалов «Живописца». Для Н.И. Новикова все они тесно связаны с актуальными вопросами социально-политической жизни.

Отторжение от национальной почвы в результате неправильного воспитания и полное доверие к заезжим авантюристам, подвизавшимся в России в качестве учителей и гувернеров, приводит к забвению долга человека и гражданина, презрению к крепостному крестьянству, трудом и потом которого создавалось благополучие общества. И потому ведут себя *х у д о в о с п и т а н н и к и* в своих поместьях, как в «неприятельской земле».

Впрочем, и отсутствие иноземных гувернеров еще не гарантия правильного воспитания. Доморощенное невежество ничуть не лучше, что весьма удачно демонстрировали герои сатирических комедий Д.И. Фонвизина. В новиковском «Живописце» выразительной иллюстрацией этому можно считать цикл «Письма к Фалалею». Это своеобразный миниатюрный роман, в центре которого образ богомольного ханжи Трифона Панкратьевича, изгнанного со службы взяточника, корыстолюбивого и жестокого помещика, безжалостно обирающего и истязającego

своих крестьян. Большинство исследователей считают, что этот своеобразный роман в письмах принадлежит перу Д.И. Фонвизина. Некоторые историки литературы склонны считать автором «Писем к Фалалею» самого издателя «Живописца».

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что Н.И. Новикову весьма близки идеи, высказанные в «Письмах к Фалалею». Приведенная автором народная пословица «Вор слезлив, плут — богомолен» как нельзя лучше характеризует главного персонажа сатирических «Писем». Впрочем, Трифон Панкратьевич, отдавая Богу богово и старательно исполняя религиозные обряды, богомолен ровно настолько, насколько это ему выгодно, и ничуть не обольщается по поводу священнослужителей, с которыми имеет дело. Уже в первых строках своего письма он обращается к сыну: «Пиши к нам про твое здоровье: таки так ли ты поживаешь; ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцев, которыми я тебя благословил. Береги их: вить это не шутка: меня ими благословил покойный дедушка, а его — отец духовный, ильинский батька... дедушкины-та, свет, грешки дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами водился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был как полная чаша, да и ту процедили... А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна...»

А терпеть хоть малейший убыток Трифон Панкратьевич не привык. Ему известно немало способов, как можно было разбогатеть в недавние времена, и сам он весьма успешно это делал до того, как вынужден был уйти в отставку и поселиться у себя в деревне. Теперь же только и осталось, что жаловаться на судьбу да давать советы сыну.

«Меня отрешили от дел за взятки: процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть, — недоумевает Трифон Панкратьевич. — Ведь не всякому бог даст клад: а с мужиков ты хоть кожу сдери, так не много прибыли. Я, кажется-таки, и так не плошаю, да что ты изволишь сделать: пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают: секу их нещадно, а все прибыли нет, год от году все больше мужики нищают, господь на нас прогневался, право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать».

Нельзя не отметить, что именно Трифон Панкратьевич по воле автора оценивает листки новиковского «Живописца». В одном из писем к Фалалею он сообщает: «Приехал к нам сосед Брюжжалов и привез с собою какие-то печатные листочки, и, будучи у меня, читал их. Что это у вас, Фалалеюшка, делается, никак, с ума сошли все дворяне, чего они смотрят, да я бы ему, проклятому, и ребра живого не оставил. Что это

за живописец такой у вас появился, какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называет их тиранами, а того, проклятый, и не знает, что в старину тираны бывали некрещенные и мучили святых: посмотри сам в Чети mineи, а наши мужики вить не святые, как же нам не быть тиранами? Нынче же это и ремесло не в моде, скорее в воеводы добьешься, нежели во <святые>. — Да полно, это не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны, эдакая беда, неужто хочет он, чтобы мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели, да этого и господь не приказал, кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: ведь не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: «Друг другу тяготы носите и тако исполняйте закон Христов», они на нас работают, а мы их сечем, ежели станут лениться, так мы и равны. — Да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыха. Дай-ка им волю, так они и не весть что затеют. Вот те на, до чего дожили, только я на это смотреть не буду, ври себе он, что хочет, а я знаю, что с мужиками делать».

Далее в тексте следует пропуск, к которому автор делает примечание: «Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество».

Но, увы, именно такими «мнениями» руководствовались в своей повседневной жизни худовоспитанники, да Трифоны Панкратьевичи, твердо знавшие, «что с мужиками делать».

О том, к каким последствиям приводило господство подобных помещиков, во что они превращали свои владения, читатели могли узнать из напечатанного в журнале «Отрывка путешествия в И Т».

Быть или не быть Н.И. Новикову автором «Отрывка путешествия в И Т»? Этот поистине гамлетовский вопрос отечественного литературоведения уже полтора столетия решают различные исследователи, выдвигая аргументы то в пользу авторства А.Н. Радищева, то — Н.И.Новикова.

«Отрывок» — одно из первых обличительных произведений русской литературы, посвященных крестьянской теме. Недаром издатель снабдил его примечанием, что «это блюдо», которое «приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато».

Путешественник, автор «Отрывка», являющегося как бы своеобразным фрагментом некоего неизвестного большого сочинения, рисует весьма горестную картину своего вояжа по российским деревням и селам:

«Б е д н о с т ь и р а б с т в о повсюду встречались со мною во образе

крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какие помещики тех мест о земледелии прилагали речение. Маленькие покрытые соломою хижинки из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие адоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны».

Обвиняя помещиков, владельцев крепостных душ, в беззастенчивом угнетении и ограблении крестьян, автор подробно описывает одну из повстречавшихся ему на пути деревень:

«Деревня Р а з о р е н н а я поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостью их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижинки, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. При въезде моем в сие обиталище плача я не видел ни одного человека».

В этом рассказе автор не пожалел самых мрачных тонов для изображения картины русской деревни. Кое в чем даже явно злоупотребил ими. Нельзя не согласиться с современным исследователем, справедливо заметившим, что «рассказчик не ограничивается показом какой-то одной ситуации, аргументирующей первоначально заявленный тезис, а вводит все новые и новые, оказывающиеся, по существу, однозначными картинами. Однозначными в том смысле, что каждая последующая не столько разнообразит, сколько лишь усиливает первое впечатление. Автор многократно воздействует на сознание читателя фактами одного и того же смыслового направления. Отрицательное чувство по отношению к виновнику нищеты крестьян все более и более обостряется, но вместе с тем усиливается и впечатление какой-то рассудочности и искусственной патетичности обличения»².

И все же главная мысль автора о горестной судьбе «тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны», оказалось, увы, справедливою, и на много лет вперед.

Пройдет два десятилетия, и другой (а может быть, тот же самый?) путешественник отправится из Санкт-Петербурга в Москву, останавливаясь и беседуя по дороге с крестьянами деревень, подобных Р а з о р е н н о й .

А спустя почти целое столетие из таких же российских поселений «Заплатава,

Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова, Неурожайки тож», семь временнообязанных мужиков пойдут искать, «кому живется весело, вольготно на Руси».

Издателю «Живописца» очень хотелось, чтобы российскому крестьянину жилось «весело, вольготно на Руси». И рассказ путешественника заканчивался обещанием поведать читателю о жизни крестьян деревни Б л а г о п о л у ч н о й : «На другой день, поговорив с хозяином, я отправился в путь свой, горя нетерпеливостью увидеть жителей Б л а г о п о л у ч н о й той деревни: хозяин мой столько насаждал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных».

Правда, в чем состоялся разговор с хозяином крестьянского двора, автор «Отрывка» не сообщает, но делает к этому тексту весьма выразительное примечание: «Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно бы, заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Р а з о р е н н о й деревни и подобных ему».

Однако рассказа о деревне Б л а г о п о л у ч н о й так и не последовало. В третьем издании «Живописца», в 1775 году, издатель вновь уклонился от выполнения своего обещания, заявив, что «продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сей книги». Но так как ни в одном из изданий «Живописца» повествования о деревне Б л а г о п о л у ч н о й так и не появилось, можно с уверенностью сказать, что издатель журнала явно считал появление в России деревень Б л а г о п о л у ч н ы х делом будущего. Хотя такие черты россиян, как трудолюбие, высокие нравственные качества и достоинства, служили для Н.И. Новикова гарантией лучшего будущего русского народа.

Издаваемый Н.И. Новиковым «Живописец» прекратил свое существование в июле 1773 года. Ровно через год, в июле 1774-го, русские читатели познакомились с его новым журналом — «Кошелек».

Это новиковское издание как бы продолжало серию сатирических журналов, но в то же время отличалось и заметным своеобразием. Традиционным было сатирическое изображение щеголей-петиметров, их низкопоклонства перед иностранцами. Своеобразие же состояло в том, что в поисках истоков национального характера и высших нравственных ценностей народа Н.И. Новиков обратился к теме «древних

добродетелей» россиян.

«Отечеству моему сие сочинение усердно посвящается» — таков был эпиграф журнала, избранный издателем. В предисловии к новому еженедельнику Новиков писал: «...будучи рожден и воспитан в недрах отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувству и почтению ко древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают. Я никогда не следовал правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, к стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характера; как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области свойственными климатами их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что одной России, не дав свойственного народу ее характера, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый, никакому народу не свойственный характер, а еще наипаче россиянину: выключая только тех, кои добровольно из разумного человека проделываются в несмысленных обезьян и представляют себя на посмешище всея Европы».

Считая необходимым воскресить добродетели древних россиян, он обращался с призывом к своим современникам: «Желаю читателю моему в жизни сей пользоваться древними российскими добродетелями, приобрести те, которых они не имели, и дойти до того, чтобы если не будет он любить своего отечества, было ему стыдно».

«Кошелек» стал последним сатирическим журналом Н.И. Новикова. Все более увлекаясь отечественной историей, российскими древностями, он отдавал всего себя поискам новых материалов, рассказывающих о жизни древних россиян, дабы, знакомя с ними заинтересованного читателя, стремясь помочь истинным сынам Отечества узнать и полюбить свою родину.

В личной библиотеке издателя появлялось все больше и больше рукописей и старопечатных книг. Многие из них он намеревался опубликовать в сборниках исторических и литературных памятников, к изданию которых приступил параллельно с работой над «Живописцем». Вскоре на последней странице «Живописца» появилась «Роспись книгам, продающимся в Луговой Миллионной улице у книгопродавца К.В. Миллера». Среди предлагавшихся читателям изданий были «Опыт исторического

словаря о российских писателях» и первые выпуски «Древней Российской Вивлиофики», которую современники вскоре назовут «национальным сокровищем».

Бесспорно, Новиков был человек умный и решительный... У него было два заветных предмета, на которых он сосредотачивал свои помыслы, в которых видел свой долг, свое призвание, это — служение отечеству и книга как средство служения отечеству.

В.О. Ключевский

Польза, от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна.

Н.И. Новиков

Глава третья НАЦИОНАЛЬНОЕ СОКРОВИЩЕ

«Словесность наша явилась вдруг в восемнадцатом веке», — заметил А.С. Пушкин. В самом деле, эпоха петровских реформ, столь радикально изменившая привычный уклад русской жизни, определила стремительное развитие новой русской литературы. Разумеется, при этом не следует забывать о многовековых литературных традициях Древней Руси.

Но все же качественно иной характер литературы XVIII века осознавали уже сами ее создатели, в том числе и Н.И. Новиков. Одним из первых он ощутил настоятельную необходимость в сохранении всех сведений о литераторах-современниках, а также о тех, кто своим трудом и талантом готовил успехи русской литературы эпохи Просвещения.

В 1772 году, после нескольких лет тщательной и кропотливой работы, просветитель выпустил в свет «Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков». Словарь этот можно назвать первой литературной энциклопедией России. В нем помещены статьи о 317 русских авторах XV–XVIII веков.

Отнесение начальной исторической границы отечественной литературы к XI веку — несомненная заслуга автора «Опыта исторического словаря», поставившего перед собою цель показать читателю многовековую историю русской литературы.

«Не тщеславие получить название сочинителя, — писал он в “Предисловии”, — но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сей книги меня побудило. Польза, от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна; не может также быть неведомо и то, что все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей. Одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погибелию многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения».

Н.И. Новиков не скрывает, что непосредственным толчком к его работе послужило напечатанное в Лейпциге одним из русских путешественников «известие о некоторых российских писателях, которое в оном журнале на немецком языке напечатано и принято с великим удовольствием. Но сие известие весьма кратко, а притом инде не весьма справедливо, а в других местах пристрастно написано. Сие самое было мне главным поощрением к составлению сей книги; по мере возможности он стремится к наиболее полному и объективному рассказу о русских писателях прошлого и настоящего». «Есть и такие в книге моей погрешности и недостатки, — замечает Новиков, — которые и сам я усматривал; но они остались неисполненными потому, что я не мог никак достовернейшего получить известия».

И потому он особенно старательно собирает возможно полные сведения о творчестве своих современников, стремится наиболее точно определить их литературно-общественные позиции. В своем «Опыте исторического словаря» Н.И. Новиков предпринял попытку дать объективную характеристику крупнейшим русским писателям, независимо от их взаимных критических оценок.

Так, несмотря на далеко не однозначное отношение русского общества к В.К. Тредиаковскому, Н.И. Новиков считает своим долгом подчеркнуть его заслуги в развитии русской словесности, напомнить соотечественникам, что В.К. Тредиаковский «муж был великого разума, многого учения, обширного познания и беспримерного трудолюбия». По мнению автора Словаря, первый русский ученый-филолог, поэт и переводчик В.К. Тредиаковский заслужил право на благодарную память потомства.

«Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу, — пишет Н.И. Новиков, — и первый в России сочинил правила нового российского стихосложения,

много сочинил книг, а перевел и того больше, да и столь много, что кажется невозможным, чтобы одного человека достало к тому столько сил; притом не обинуясь к его чести и сказать можно, что он первый открыл в России путь к словесным наукам, а паче к стихотворству, причем был первый профессор, первый стихотворец и первый положивший толико труда и прилежания в переводе на русский язык преподанных книг».

Большое внимание в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новиков уделяет М.В. Ломоносову и А.П. Сумарокову, справедливо считая их деятельность важнейшим этапом в истории российской словесности. Своими теоретическими работами и всей своей творческой практикой М.В. Ломоносов и А.П. Сумароков создавали условия для дальнейшего развития литературы. Не вдаваясь в анализ полемики между двумя корифеями отечественной словесности, Н.И. Новиков воздает должное каждому из них.

«Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения, — пишет он о М.В.Ломоносове. — Слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен. <...> Стихотворство и красноречие с превосходными познаниями правил и красоты русского языка столь великую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов. Его похвальные оды, надписи, поэма “Петр Великий” и похвальные слова принесли ему бессмертную славу».

Столь же высоки, по его словам, и заслуги А.П. Сумарокова, который «различных родов стихотворными и прозаическими сочинениями приобрел себе великую славу не только от россиян, но и от чужестранных академий и славнейших европейских писателей. И хотя первый из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина. Его эклоги равняются знающими людьми с Виргилиевыми и поднесены еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищем русского Парнаса».

Исполненный желания познакомить широкие круги русских читателей с произведениями отечественных классиков, Н.И. Новиков решил издать полное собрание их сочинений, «одного после другого». Правда, издание Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова взяла на себя Академия наук. Н.И. Новикову, благоговевшему перед М.В. Ломоносовым, не довелось осуществить свою мечту в отношении творческого наследия великого писателя и ученого. Но зато десятилетнее

«Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе» А.П. Сумарокова было издано Н.И. Новиковым и впервые представило читателю практически полностью все произведения «русского Расина».

Стремясь к объективной оценке каждого из писателей, Н.И. Новиков, однако, в необходимых случаях достаточно четко определял свою позицию. В оценке В.П. Петрова, например, просветитель был суров и непримирим. И это несмотря на то, что В.П. Петрову всячески благоволила Екатерина, именовавшая его своим «карманным» поэтом и публично называвшая стихотворца вторым М.В. Ломоносовым. Обычно, говоря о крупном поэте, Новиков прибегал к формулировке: стихи «многими похваляются» или «знающими людьми похваляются». В случае с В.П. Петровым, служившим «при кабинете ее императорского величества переводчиком», автор словаря ограничился замечанием о том, что стихи этого поэта «некоторыми много похваляются».

«Вообще о сочинениях его, — писал Новиков, — сказать можно, что он напрягается идти по следам российского лирика; и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит ожидать важного какого-нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова».

Нельзя не отдать должное гражданской смелости Н.И. Новикова, которому хорошо было известно, кто именно провозглашал В.П. Петрова вторым Ломоносовым. В то же время о каждом писателе, в котором Новиков чувствовал бескорыстную преданность литературе и искру истинного таланта, он сумел сказать самое приветливое и искреннее слово.

Говоря о русских литераторах-современниках, автор находит особые характеристики для каждого из них, во многом обусловленные собственным восприятием их произведений и пониманием их заслуг перед отечественной словесностью. Так, в статье, посвященной С.Г. Домашневу, Н.И. Новиков не только отмечает его поэтические опыты, но и вспоминает о нем как о своем предшественнике в деле создания словаря русских писателей.

«Домашнев Сергей — штаб-офицер полевых полков, писал стихи. Его последние две оды: первая на взятие Хотина, а другая на морское при Чесме сражение, весьма изрядны и заслуживают похвалу. Он сочинил краткое описание некоторых наших стихотворцев весьма не худо». Издатель имеет в виду статью С. Домашнева «О стихотворстве», напечатанную в 1762 году в журнале «Полезное увеселение». В этой

статье в контексте мировой литературы излагалась история русской словесности, представленная именами А. Кантемира, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова и других авторов, о которых спустя десятилетие напишет Н.И. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях».

В «Опыте» содержится верная и глубокая характеристика молодого поэта и драматурга Д.И. Фонвизина: «Сей человек молодой, острый, довольно искусный во словесных науках, также в российском, французском, немецком и латинском языках <...> написал много острых и весьма хороших стихотворений. <...> Его проза чиста, приятна и текуща, так, как и его стихи. Он сочинил комедию «Бригадир и Бригадирша», в которой острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице. Сочинена она точно в наших нравах, характеры выдержаны очень хорошо, а завязка самая простая и естественная. <...> Россия надеется увидеть в нем хорошего писателя».

Большое внимание уделяет Н.И. Новиков популярному поэту 1760-х годов А.А. Ржевскому, автору «стихотворных и прозаических сочинений... Все эти стихотворения, а особливо его оды, притчи и сказки весьма хороши и изъявляют остроту его разума и способность к стихотворству. Стихотворство его чисто, слог текущ и приятен, мысли острые, а изображения сильны и свободны». В заключение отмечается, что А.А. Ржевский считается у соотечественников «хорошим стихотворцем и заслуживает великую похвалу».

Упоминается автором «Опыта» и Я.Б. Княжнин, который «много писал весьма изрядных стихотворений, од, эллегий и тому подобного <...> Наконец, сочинил трагедию “Дидону”, делающую ему честь... В прочем подал он надежду ожидать в нем хорошего трагического стихотворца».

С большой теплотой говорит Н.И. Новиков о своем старшем друге и наставнике М.М. Хераскове: «Человек острый, ученый и просвещенный и искусный как в иностранных, так и в российском языке и стихотворстве. <...> Стихотворство его чисто и приятно, слог текущ и тверд, изображения сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческого огня, сатирические сочинения остроты и приятных замыслов, а “Нума Помпилий” философских рассуждений; и он по справедливости почитается в числе лучших наших стихотворцев и заслуживает великую похвалу».

Н.И. Новиков высоко ценит и В.М. Майкова, отмечая его оригинальность и самобытность. Пьесы В.И. Майкова «написаны в правилах театра, характеры всех лиц выдержаны очень хорошо, любовь в них нежна и естественна, герои велики <...> мысли

изображены хорошо и сильно. Он написал много торжественных од, которые столь же хороши в своем роде, как и его трагедии, и столько же много похваляются: и в них виден стихотворческий дух и жар сочинителя. Также сочинил он прекрасную поэму “Игрок Ломбера” и другую в пяти песнях “Елисей, или Раздраженный Вакх” во вкусе Скарроновом, похваляемую больше первой, тем паче, что она еще первая у нас такая правильная шутливая издана поэма. <...>. Впрочем, он почитается в числе лучших наших стихотворцев и тем паче достоин похвалы, что ничего не заимствовал: ибо он никаких чужестранных языков не знает».

Новиковская характеристика творчества В.И. Майкова в определенной степени предвосхищает пушкинскую оценку главной майковской «ирои-комической» поэмы, о которой великий поэт писал в письме к А. Бестужеву в июне 1823 года:

«Елисей истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!

А любовница Елисея, которая сжигает его штаны в печи,

Когда для пирогов она у ней топилась,
И тем подобною Дидоне учинилась.

А разговор Зевса с Меркурием, а Герой, который упал в песок

И весь седалища в нем образ напечатал.
И сказывали те, что ходят в тот кабак,
Что виден и поднесь в песке сей самый знак, —

все это уморительно. Тебе, кажется, более нравится благовещение, однако ж Елисей смешнее, следственно полезнее для здоровья»¹.

Как явствует из этого письма, А.С. Пушкин даже отдает предпочтение майковскому «Елисею» перед собственной «Гавриилиадой», или, как он ее называет «Благовещенье». И хотя это явное преувеличение, но все же высокой оценки В.И. Майкова оно не отменяет.

Не мог не сказать Н.И. Новиков и о князе М.М. Щербатове, «историческом

писателе», с которым издатель сотрудничал на протяжении многих лет. Именно этот «знаменитый любитель и изыскатель древностей российских и писатель истории своего отечества» предоставил Н.И. Новикову многие уникальные исторические материалы по истории России и рода Щербатовых для публикации в новиковских изданиях. Автор Словаря высоко ценил щербатовскую «Историю России», все его литературное и историческое творчество.

«Сей просвещенный и достойный великого почтения муж, будучи в отставке, упражнялся несколько лет в собирании летописей и приуготовлении к сочинению полной российской истории, не щадя при том ни трудов, ни здоровья, ни иждивения. <...> Бескорыстие его побудило сию историю подарить императорской Академии наук, при которой она и напечатана».

Упоминается в «Опыте исторического словаря о российских писателях» и еще об одном историке и поэте, «главном директоре музыки и театра», И.П. Елагине. По словам Н.И. Новикова, «его переводы по справедливости могут почитаться примерными на русском языке. Его тщанием российский театр возведен на такую степень совершенства, что иностранные знающие люди ему удивляются».

К этой характеристике Н.И. Новиков в сноске добавляет: «В сочиняемой мною истории российского театра о сем будет изъяснено пространнее».

Истории русского театра издатель и сочинитель словаря так и не написал. Однако подробные характеристики русских актеров и драматургов, которые даны просветителем на страницах издаваемых им журналов, а также в «Опыте исторического словаря», свидетельствуют как об увлеченности Новикова отечественным театром, так и о глубине его познаний и суждений в этом виде искусства. Деятелям русского театра отведено на страницах новиковского Словаря большое место. С особой любовью пишет он об основателе русского театра Федоре Волкове, который «умел заставить восчувствовать пользу и забавы, происходящие от театра, и самых тех, которые ни знания, ни вкуса во оном не имели».

Подробно излагая биографию Ф. Волкова, Н.И. Новиков подчеркивает, что он был не только талантливый актер и режиссер, но и оригинальный писатель. «Сочинения его весьма много имеют остроты», — утверждает Новиков, и в качестве доказательства приводит «известную мне эпиграмму сочинения г. Волкова, которая хотя малое подаст понятие о его стихотворстве тем, которые его сочинения не читывали».

ЭПИГРАММА

Всадника хвалят: хорош молодец!
Хвалят другие: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь и детина
Оба красивы; да оба скотина.

Существует мнение, что эта эпиграмма написана на одного из могущественных вельмож екатерининского двора графа А.Г. Орлова.

Немало проникновенных слов сказано Н.И. Новиковым и о другом великом русском актере XVIII века. «Дмитриевский Иван — придворного российского театра первый актер, писал много весьма изрядных мелких стихотворений». Кстати, именно И.А. Дмитриевского считали одним из наиболее вероятных авторов «Известия о некоторых русских писателях», напечатанного в Лейпцигском литературно-художественном журнале в 1768 году.

Крупнейший русский актер, человек высокой культуры, И.А. Дмитриевский по заданию Российской академии напишет

«Историю российского театра», которая, наряду с некоторыми другими его литературными произведениями, послужила основой для его избрания в члены академии. Правда, это будет много лет спустя после выхода в свет новиковского «Опыта исторического словаря о российских писателях».

Верный просветительской идее внесословной ценности человека, Новиков весьма подробно и обстоятельно характеризует писателей-разночинцев, представителей демократических кругов русского общества. Это вызывало недовольство и раздражение у многих читателей новиковского сочинения, в том числе и у тех писателей, кто был упомянут в Словаре. Самый яркий тому пример — «карманный» поэт императрицы В.П. Петров, отозвавшийся на выход в свет новиковского издания стихотворением «Послание из Лондона»:

Коль верить Словарю, то сколько есть дворов,
Столь много на Руси великих авторов.
Там подлый наряду с писцом стоит алырщик,
Игумен тут с клюкой, тут с мацами батырщик;
Здесь дьякон с ладаном, там пономарь с кутьей;
С баклагой сбитеньщик и водолив с бадьей...

.....

А все то Авторы, все мужи имениты,
 Да были до сих пор оплошностью забыты:
 Теперь свет умному обязан молодцу,
 Что полну их имен составил памяту;
 Такой-то в едаком писатель жил году;
 Ни строчки на своем не издал он роду;
 При всем том слог имел, поверьте, молодецкой;
 Знал греческий язык, китайской и турецкой.
 Тот умных столько-то наткал проповедей:
 Да их в печати нет. О! был он грамотей.
 Словарник знает все, в ком ум глубокий, в ком мелок;
 Разсудков и доброт он верный есть оселок.
 Кто с ним ватажился, был друг ему и брат,
 Во святцах тот его не меньше, как Сократ.

 Оставь читателей судьями дум твоих,
 Есть Аполлоновы наследники и в них.

Разгневанный В.П. Петров не ограничился стихами и пожаловался на Н.И. Новикова самой Екатерине. Свое недовольство выразили также Ф. Козловский и А. Шлецер. Но все эти суждения недовольных не могли ни в коей мере изменить высокую оценку русским обществом «Опыта исторического словаря о российских писателях». Правда, коммерческого успеха это издание, увы, не имело.

Словарь, изданный Н.И. Новиковым, явился своеобразным подведением итогов развития русской словесности, смотром сил отечественных писателей эпохи Просвещения. Он на долгие годы стал самым авторитетным биографическим справочником по истории русской литературы. Недаром одной из немногих книг, которые вывез из России великий французский просветитель Д. Дидро, гостивший здесь в 1773–1774 году, был «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова. Большая часть собранного Новиковым ценнейшего материала о русских писателях вошла в последующие биографические словари.

* * *

Россия исстари славилась своим гостеприимством. И почти все иностранцы, ее

посещавшие, неизменно отмечали эту привлекательную черту россиян. Французский астроном аббат Ж. Шапп д'Остерош не был исключением. Совершив путешествие по России, посетив Сибирь, где ему по поручению Французской академии наук предстояло наблюдать «переход Венеры по Солнцу», этот гость в полной мере испытал доброжелательность и хлебосольство хозяев. В то же время ученый француз не мог не содрогнуться при виде рабского состояния угнетенных крепостных, жестокости помещиков, полицейского произвола. Правда, аббат не сумел или не захотел познакомиться с богатой русской историей и культурой, и его впечатления о России оказались весьма тенденциозными и предвзятыми. Поэтому, когда в 1768 году в Париже вышла книга аббата де Шаппа «Путешествие в Сибирь», автор не поскупился на многие презрительные эпитеты в адрес России и ее народа. Сочинение аббата, отличавшееся, по словам А.С. Пушкина, «смелостью и легкомыслием замечаний», вызвало возмущение в самых различных кругах русского общества.

За перо взялась сама Екатерина, выпустившая в свет критический разбор книги французского астронома под названием «Антидот, или Разбор дурной», великолепно напечатанной книги под заглавием: «Путешествие в Сибирь по приказанию Короля в 1761 г.», содержащее в себе нравы, обычаи Русских и теперешнее состояние этой Державы». Справедливо отмечая оставшуюся вне поля зрения аббата одаренность русского народа, его духовно-нравственное здоровье, автор «Антидота» утверждает: «Если бы у нас были столь же тщеславны, как в известных странах, если бы у нас так же хвастались всем, то, быть может, не было бы страны, которая предоставила бы более примеров патриотического усердия и великих деяний, чем наша. Это не пустые слова; можно бы привести сотню примеров всех доблестей гражданских, военных и нравственных».

Правда, это утверждение требуется ему главным образом для того, чтобы далее подчеркнуть: «Наше правительство, далекое от того, чтобы подавлять ум, таланты и чувства всякого рода, занято исключительно лишь тем, что поощряет и награждает ум, таланты и все чувства честные и полезные обществу».

Отмахнувшись таким образом от замечания аббата де Шаппа о том, что абсолютизм душит ум и талант народа, императрица с уверенностью парировала и его заявление о тяжелой доле российских крепостных: «Русские крестьяне во сто раз счастливее и достаточнее, чем ваши французские крестьяне».

Уверая, что крестьяне России могут позволить себе есть курицу, когда им того захочется, императрица в одном из писем к Вольтеру не преминула отметить, что с

некоторых пор они предпочитают индейку. Если вспомнить, что аббат де Шапп путешествовал по стране в 1761 году, то есть за год до восшествия на престол Екатерины II, то намек становится достаточно понятен — та «некоторая пора», которая определила столь заметное улучшение жизни русского крестьянина, — это, бесспорно, 1762 год, начало екатерининского царствования. Как известно, скромность не была главной чертой в характере российской монархии.

С этим утверждением, однако, соглашались далеко не все. Со страниц сатирических журналов Н.И. Новикова, например, вставала совсем другая картина. Достаточно вспомнить крестьянские «отписки» в «Трутне» или знаменитый «Отрывок путешествия в И Т», напечатанный в «Живописце».

Но если по вопросу о положении крепостных в Российской империи Н.И. Новиков расходился с Екатериной II и вынужден был признать справедливость заключений аббата де Шаппа, то предвзятость и недопустимое высокомерие французского автора в отношении страны, гостеприимством которой он с удовольствием пользовался, возмутили и оскорбили просветителя.

Н.И. Новиков любил Россию. Мечтал не только сам стать достойным ее сыном, но и помочь другим своим соотечественникам вполне ощутить себя россиянами, пробудить в них чувство национальной гордости за страну предков, ее героическую историю и культуру. Так возникла мысль об издании своеобразного свода старинных памятников русской истории, литературы и быта, дабы и иноземные путешественники, да и свои сограждане имели возможность познакомиться со старинными документами российской державы.

И вот в 1773 году русские читатели получили первую часть десяти томного издания под названием «Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российские Посольства в другие Государства, редкие Грамоты, описания свадебных обрядов и других Исторических и Географических достопримечательностей и многие сочинения древних Российских стихотворцев, в 10 частях состоящая, издаваемая ежемесячно г. Николаем Новиковым».

Это была своего рода библиотека российских древностей, адресованная всем тем, кого интересовала древняя русская история, быт и нравы народа.

«Не все у нас еще, слава Богу! заражены Франциею, — писал Новиков в предисловии к своему новому изданию, — но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употребляющихся, с не меньшим удовольствием увидят некое начертание нравов и

обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов; но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными».

В предисловии издатель не преминул отметить, что своей позицией может навлечь на себя гнев «подражателей клеветы А <ббата-> де Ш <аппа>».

Но он уверен в том, что легкомысленным и высокомерным суждениям французского автора необходимо противопоставить подлинные документы древней российской истории, которые с радостью и интересом прочтут истинные патриоты России.

«К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей; для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд; ты можешь собрать с сего полезные плоды и употребить их в свою пользу».

К кому же обращался Новиков? Кого он мог иметь в виду? И кто мог помочь ему в этом деле? Еще со времени службы в Комиссии по сочинению нового Уложения Николаю Новикову был известен князь М.М. Щербатов. Как «держатель дневной записки» Н.И. Новиков подробно фиксировал в журнале речь депутата от ярославского дворянства князя М.М. Щербатова и его спор с депутатом от козельского дворянства Коробьиным. По справедливому замечанию современного исследователя, «благодаря Щербатову Новиков смог за короткий промежуток времени опубликовать большое количество ценнейших древнерусских памятников, имеющих важное значение для судеб русской культуры конца XVIII — начала XIX вв.»².

Немало материалов было получено Н.И. Новиковым от директора Московского архива Коллегии иностранных дел

Г.Ф. Миллера, с которым у него были давние добрые отношения. В год выхода в свет первого тома «Древней Российской Вивлиофики» Новиков издал книгу Г.Ф. Миллера «О народах, издревле в России обитавших». В известной нам собственноручной записке Н.И. Новикова к Г.Ф. Миллеру содержится просьба издателя предоставить ему:

- «1. Копии с грамот.
2. — с трактатов.
3. — с посольских наказов и описаний посольств.
4. — с церемониалов в Архиве находящихся и с других

достопамятных вещей, по рассмотрению г.Миллера,
к печатанию годных»³.

Большой интерес к работе Н.И. Новикова проявила и Екатерина II. Сохранился указ императрицы от 26 октября 1773 года «О сообщении господину Новикову из здешнего архива копии с посольств, разных обрядов и других достопамятных и любопытных вещей». Кроме того, она оказала существенную материальную помощь, приказав выдать на издание «Вивлиофики» около двух тысяч рублей. Государыня не только открыла Н.И. Новикову доступ в архивы, но и предоставила издателю некоторые материалы из своей личной библиотеки.

Многотомным изданием «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новиков ввел в научный оборот огромное количество разнообразных исторических документов и материалов. Им впервые были опубликованы грамоты и договоры Великого Новгорода, ярлыки ханов Золотой Орды, древние царские указы, грамоты об избрании на царство Бориса Годунова и Михаила Романова, «Сказка о Стеньке Разине». В «Древней Российской Вивлиофике» были напечатаны и родословные русских аристократов — Голицыных, Щербатовых, Масальских, Куракиных, Одоевских, Шаховских, Репниных и других. К некоторым из них Н.И.Новиков приложил генеалогические таблицы.

Опубликовал Н.И. Новиков и «Древние феатральные сочинения» — притчу о блудном сыне, комедию о Навуходоносоре, некоторые пьесы из репертуара русского театра Петровской эпохи, например, такую, как «Ужасная измена сластолюбивого жителя, с прискорбным и нищенным в Евангельском Пиролобце и Лазаре изображенная».

В «Вивлиофике» были помещены многие памятники русского народного быта, свадебных и погребальных обрядов, описания царской охоты, коронационных торжеств. В ряду описаний свадебных празднеств Иоанна Грозного или первого царя из рода Романовых — Михаила Федоровича Новиков поместил и свадебную церемонию Лжедмитрия I и Марины Мнишек, или, как обозначено в новиковском издании, описание свадьбы «Розстригина, что назывался царем Дмитрием, на Маринке» 8 мая 1606 года.

К Н.И. Новикову потянулись любители российских древностей. Они поверили в него и оказали просветителю всемерную помощь и поддержку. К издателю стали поступать материалы от историка М.М. Щербатова, сотрудников Московского архива иностранных дел Г.Ф. Миллера и Н.Н. Бантыш-Каменского, документы из собрания графов Шереметевых и князей Кантемиров, от обер-прокурора сената Н.И. Неплюева,

от многих духовных лиц, хранивших старинные грамоты и манускрипты. Шесть подлинных документов XV–XVI веков вручил Н.И. Новикову его знакомый по лейб-гвардии Измайловскому полку В.П. Ознобишин. Обладатель прекрасного собрания российских древностей заводчик-миллионер коллежский ассесор П.К. Хлебников передал Н.И. Новикову для публикации ценнейшие материалы своей коллекции, в том числе список «Книги Большого чертежа». Этот памятник был настолько интересен, что просветитель решил издать его отдельной книгой.

В 1773 году одновременно с первым томом «Древней Российской Вивлиофики» в столичных книжных магазинах появилась «Древняя российская гидрография», содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладезей, и какие по ним города и на каком расстоянии». В предисловии к этому изданию Н.И. Новиков подробно обосновал основные приемы и методы своей работы с историческими документами.

«Получа сей список от коллежского асессора П.К. Хлебникова, — сообщает издатель, — нашел я его весьма достойным напечатания как для сохранения самого сего списка, так и для удержания в памяти имен некоторых бывших городов, урочищ и прочих достопамятных известий, в сей книге находящихся, а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг, кроме церковных, да и то будто только служебных».

Русская археография еще только зарождалась, но Н.И. Новиков уже демонстрирует в своей работе владение основными ее приемами и правилами, главные из которых сохраняются и по сей день.

«Предприняв издать во свет сей список, но не утверждаясь на одном мною полученном, я старался отыскивать другие и нашел в библиотеке императорской Академии наук два списка, один старинный, а другой новым письмом писанные: у одного из оных не находится заглавия и до пятидесяти страниц начала, а другой под заглавием: «Описания Московского государства», но оба весьма неисправно переписанные. Потом получил я еще из Москвы три таковые же списка, старанием моего друга отысканные: первые два из библиотеки покойного Александра Григорьевича Собакина, а третий, исправнейший всех, список, на котором подписано: «Список со списка, находящегося в патриаршей ризнице». Прочитав все оные списки, нашел я, что полученный мною от г. Хлебникова список старше всех, и потому решился я издавать по оному, исправив только против других находившиеся в нем описки и

погрешности».

Два года спустя в одном из номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» Н.И. Новиков еще более конкретизирует свои требования к публикации древних памятников: «...желали бы мы, чтобы при издании подобных сим Записок, каковые составляют Древнюю Российскую Вивлиофику, наблюдаемо было следующее: чтобы прилагаемы были ко всякой части алфавитные росписи находящимся во оной части материям, которые при книгах сего рода весьма нужны, для приисквания желаемых вещей; чтобы сколько возможно делаемы были примечаниями на темные и невразумительные места и слова; чтобы в летоисчислении всегда прибавляем был год от Р<ожества> Х<ристов>»; чтобы древнее правописание не было изменяемо на новое, а наипаче, чтобы ничего прибавляемо, убавляемо или поправляемо не было, но напечатано было бы точно так, как обретається в подлиннике; и наконец, чтобы означаемо было точно, откуда получен список, где находится подлинник и каким почерком писан, старинным или новым».

27 января 1777 года в четвертом номере «Санкт-Петербургских ученых ведомостей» появилась пространная рецензия на «Древнюю Российскую Вивлиофику». Здесь дана высокая оценка издания: «Древняя Российская Вивлиофика, по содержащимся в ней разным достопамятным Запискам, по справедливости достойна быть вмещена в число полезных и нужных книг для Истории Российской».

Заканчивая в 1775 году издание «Древней Российской Вивлиофики», Н.И. Новиков представил Екатерине II «Объявление о новом историческом сборнике «Сокровище российских древностей».

«Издатель Древней Российской Вивлиофики, — говорилось в нем, предпринял сообщать во свет новое издание под именем Сокровища российских древностей. Во оном печататься будут:

1-е. Описания о построении всех в России соборов, монастырей и приходских церквей, когда и кем оные построены, что в них достойное примечания и также собраны будут все надписи надгробные и прочие достопамятности.

2-е. При каждой части сего издания будет портрет одного из российских государей в медальном виде, с приобщением краткого описания жизни того государя.

3-е. Сообщаемы будут гербы российских царств, княжеств и прочих городов с их описаниями.

4-е. Если обстоятельства допустят, то сообщены будут древние российские

монеты, с их описаниями.

5-е. При каждой части сообщаемы будут известия о выданных на российском языке книгах, касающихся до истории и географии российской.

Все сии части снабжены будут по возможности историческими и географическими примечаниями.

Подписка делается на 8 частей, каждая часть состоять будет из 15 листов и выходить в свет будет через два месяца. Которые особы подпишутся и заплатят наперед деньги, тем уступаемы будут все 8 частей за 6 рублей, то есть каждая часть по 75 копеек; продаваться же будет каждая часть по рублю.

По окончании же сих первых осьми частей, если сие издание принято будет благосклонно, тогда оное и еще продолжаться может.

Подписка на сие издание начнется с его объявления, в С.-Петербурге у книгопродавца Миллера, живущего в Луговой Миллинной улице, а в Москве у книгопродавца Ридигера в Академической книжной лавке у комиссара Борисякова и у переплетчика Никиты Дмитриева, живущего близ Кузнецкого моста»⁴.

Обращение к императрице не было для Н.И. Новикова случайным. Затраты на издание исторических документов, опубликованных в «Древней Российской Вивлиофике», были весьма значительны, и дальнейшая работа по их публикации могла продолжаться лишь при реальной материальной помощи Екатерины. Об этом Н.И. Новиков откровенно писал статс-секретарю императрицы Г.В. Козицкому: «...отъезд двора произвел в делах моих такое замешательство, что я не знаю, как могу окончить «Вивлиофику» на нынешний год, ибо не только что не прибавляются подписчики, но и других книг почти совсем не покупают. Приложенное здесь объявление о подписке на Сокровище российских древностей покорнейше прошу донести Ее Императорскому Величеству и, употребля старание ваше в пользу моих изданий, оказать еще новый опыт ваших ко мне милостей. Без сий же помощи я нахожусь в крайнем принуждении бросить все мои дела неоконченными. Что делать, когда усердие мое во оказание услуг моему отечеству согражданами моими так худо приемлется!»⁵

Увы, финансовые трудности давали знать о себе все чаще. Число любителей российских древностей было невелико, и его издания исторических памятников расходились плохо. Приходилось снижать цены, искать меценатов, отказываться от многих ранее задуманных изданий.

К изданию «Сокровищ российских древностей» он пытается привлечь наиболее близких ему людей. Как свидетельствует будущий сотрудник Новикова поэт М.Н.

Муравьев в одном из писем, «издатель «Российской древней вивлиофики» пригласил меня к изданию одного ежемесячного сочинения, которое будет по большей части из переводов, касающихся вообще до нравоучения и истории... Заглавие оного есть «Сокровище российских древностей».

Однако заявленного издания так и не вышло. Сохранился лишь оригинальный экземпляр его первого выпуска, посвященного памятникам Московского Кремля, который сравнительно недавно был обнаружен в наших архивах. В этом своеобразном путеводителе по Московскому Кремлю содержались сведения о кремлевских соборах, старинных рукописях и книгах, хранившихся в них, предметах прикладного искусства. По каким причинам издание так и не появилось — трудно сказать. Исследователи высказывают весьма вероятное предположение о том, что сама атмосфера общественной жизни в период подавления крестьянского восстания под предводительством Е. Пугачева не способствовала сатирическим, гражданственно-патриотическим и другим просветительским изданиям. Недаром в том же 1775 году было приостановлено и издание «Древней Российской Вивлиофики». Несомненно, сказались и финансовые трудности. Просветителя обступали долги. С этим, увы, нельзя было не считаться.

Все чаще Н.И. Новиков размышлял о необходимости объединения вокруг общего издательского дела людей, разделяющих его взгляды на роль журналов и книг в воспитании истинных патриотов, сынов Отечества.

Еще в 1768 году в Петербурге было учреждено «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг». Его возглавил один из братьев Орловых — Владимир Григорьевич, директор Академии наук. Екатерина распорядилась ежегодно отпускать на нужды «Собрания» пять тысяч рублей. Статс-секретарь императрицы Г.В. Козицкий руководил его работой: подбирал литераторов и переводчиков, составлял и подносил на рассмотрение государыни перечень тех «хороших иноязычных книг», которые надлежало переводить.

Впрочем, Г.В. Козицкий был слишком занят по должности статс-секретаря, да и Екатерина вскоре охладела к делам «Собрания». Изданные же переводы подолгу стояли на полках книжных лавок нераспроданными, а деньги из казны для оплаты трудов переводчиков поступали с большим опозданием. Очень скоро дела у «Собрания» пошли все хуже и хуже. И в этот момент Н.И. Новиков предложил К.В. Миллеру, крупнейшему петербургскому издателю той поры и владельцу петербургских книжных лавок, превратить «Собрание» в «Общество, старающееся о напечатании

книг». Был определен и девиз новой кампании: «Согласием и трудами». Любопытно, что, взявшись за дело, Н.И. Новиков, стремившийся возродить «Общество» к новой жизни, изложил свое понимание его задач, свою просветительскую программу на страницах «Живописца». Программа эта заметно отличается от других тем, что учреждаемое «Общество» не только заботилось об издании книг, но и стремилось наладить книжную торговлю в различных городах страны. Чтобы подробно и всесторонне изложить свою программу, Н.И. Новиков печатает в «Живописце» сочиненное им письмо от имени некоего ярославца Любомудрова и тут же помещает ответ издателя. Вот эти заметки:

«Господин Живописец!

Как мне известно, что в ваших хвалы достойных листах не упускаете никогда являть свету все, что оно заслуживает презрения, дабы чрез то возбудить в сердцах сограждан ваших должное отвращение к худым делам; я думаю, не пропустите случая дать знать всем мыслящим россиянам (ибо вы для них только, я думаю, пишете) о наипохвальнейшем и наипольнейшем учреждении, о каком токмо честным людям помышлять дозволяется. Я хочу здесь говорить о недавно учрежденном Обществе, старающемся о напечатании книг. Статуты оно Общества вам, как человеку, всегда в свете обращающемуся, может быть, известны; но я, читая оные, столь много восхитился, усмотря их доброе намерение и долженствующую из оногo учреждения истекати пользу для всего российского народа, что не мог удержаться, чтобы не восхотеть об оных дать знать всему свету. Между тем как я постараюсь сообщить все статьи оногo учреждения, намерен теперь вам поговорить о оногo в рассуждении народного просвещения и о пользе его как Общества, до торговли касающегося.

...Что касается до пользы сего Общества в рассуждении просвещения разумов, то кто оную, так сказать, не ощущает? Печатание книг, сближая веки и земли, доставляя всем сведение о изобретенном и о происшедшем, есть наиважнейшее из всех изобретений, разуму человеческому подлежащих. Что может более, коли не печатание книг, расплодить единую истину, в забвении бы быть без оногo определенную, и родить, так сказать, столько же прямо мыслящих голов, как сам изобретатель той истины, сколько есть читателей? Печатание соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведение, чрез то очищает общество от заблуждений и предрассудков, всегда вредных; ибо я не того мнения, чтобы оные некогда полезны быть могли; польза их бывает мгновенна, но вред, от оных происходящий, отрывается, если могу так сказать, чрез целые веки.

Вот что я вам имел сообщить о наипольнейшем нашего века учреждении частных людей. Пожалуй, внесите сие письмо в ваши листы; ибо сведения о таком Обществе побудит, может быть, иных к учреждению какого другого, гораздо полезнее наших клубов, ассамблей и

тому подобных сходбищ. А вы, ревнители истины, продолжайте путь ваш. Вам Россия долженствовать будет. <...>

Ваш покорный слуга Л ю б о м у д р о в ».

Сразу же за письмом из Ярославля следовал ответ издателя:

«Г. Любомудров! я помещаю ваше письмо в листах моих со удовольствием, ведая, что оно немало послужит к ободрению учредителей Общества, старающегося о напечатании книг, в их предприятии. И хотя план учреждения сего мне неизвестен, однако ж я согласно с вами мышлю, что намерение сие весьма полезно для единоземцев наших. Торговля книгами, по существу своему, весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оных в нашем отечестве, нежели как было доньше. Но, по моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг...

Ее императорское величество учредила Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык, и определила ежегодно по пяти тысяч рублей для зарплаты переводчикам за труды их. Сим одним действием много сделалось пользы: упражняющиеся в переводах приобрели через сие честное и довольное приумножение своих доходов, а тем самым поощрены они ко прилеплению к наукам гораздо более, нежели как бы определенным жалованьем: где должность, тут принуждение; а науки любят свободу и тем более распространяются, где свободнее мыслят. Сколько же проистекло пользы от переведенных книг под смотрением сего Собрания? Беспристрастный и любящий свое отечество читатель, тебе сие известно. Но сколь большей пользы ожидать надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам? Но о распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно.

Вот, государь мой, чистосердечное мое мнение о сей материи, о которой вы в письме своем писали!»

Однако хорошо задуманное и широкое разрекламированное «Общество, старающееся о напечатании книг» просуществовало всего около двух лет. К 1775 году оно распалось, главным образом, из-за того, что расходы явно превысили доходы. Уже в который раз Н.И. Новиков убеждался в необходимости бескорыстной поддержки меценатами любого серьезного культурного начинания. И тут в жизни просветителя произошло событие, о котором необходимо рассказать особо, ибо с 1775 года оно во

многим определяло всю его дальнейшую судьбу.

Новиков был одной из тех великих личностей в истории, которые творят чудеса на сцене, по необходимости погруженной во тьму, — одним из тех проводников тайных идей, чей подвиг становится известным лишь в минуту их торжества.

А.И. Герцен

Он решился отвлечь умы современников от рассеяния к размышлению; средством к тому употребил издание книг.

С.Н. Глинка

Глава четвертая К ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЕ

Главным побудительным мотивом деятельности Н.И. Новикова было патриотическое служение России, ее народу. Боль за родную страну звучит в гневных сатирических материалах «Трутня», «Живописца», «Пустомели», «Кошелька».

Любовью к отечеству, к добродетелям древних россиян проникнуты его публикации в «Древней Российской Вивлиофике». В этих архивных материалах, древнейших актах русской истории, пытался он отыскать наилучшие формы нравственного воспитания сограждан, дабы воскресить их души, вдохновить замечательными примерами далекого прошлого.

Обретший в своих исторических изысканиях немало свидетельств славы и доблести народа, Новиков с тревогой следил за современными ему событиями в жизни страны. На восточных окраинах России ширилось мощное народное движение, перераставшее в Крестьянскую войну под предводительством яицкого казака Емельяна Пугачева.

По словам А.С. Пушкина, «мятеж... поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов ... доказал правительству необходимость многих перемен»¹. Эти перемены, разумеется, не касались основ самодержавного устройства страны, хотя грозный призрак пугачевщины навсегда сохранился в памяти

тех, кому довелось стать свидетелем и участником кровавых событий. О.А. Поздеев, один из тех, с кем судьба свела Н.И. Новикова в 1780-е годы, много лет спустя писал: «Во время бывшего бунта Пугачева в 74 году, когда граф Панин был послан для усмирения, я при нем тогда правил дежурство, то мне все эти дела известны. Наши русские мужички таковы, что они и младенца из утробы матерней вырезывали, то судите — это паче нежели звери. Да кем же их усмирять? Солдатами? Да солдаты ведь из их же. То кем усмирять? Ведь внутренняя война хуже внешней, страшнее: тогда и с кем идешь усмирять и того страшишь. С бригадира Толстого под Казанью кожу содрали, то вот что наши мужички, как им дать вольность?»²

Но именно землей и волей, «водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, селами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали» обещал одарить своих «подданных» новоявленный мужицкий царь Пугачев, дерзостно «всклепавший на себя» имя некогда убитого в Ропше императора Петра III. Выполнить эти обещания Пугачеву не удалось. Мощь народной стихии была подавлена силою регулярной армии, предводительствуемой именитыми военачальниками А.И. Бибиковым, П.И. Паниным, А.В. Суворовым. Сам Е.И. Пугачев был выдан царским войскам и доставлен в Москву, где после многочисленных допросов и пыток приговорен к смертной казни.

9 января 1775 года протоиерей Архангельского собора Московского Кремля Петр Алексеев в последний раз увещевал приговоренных к смерти Е. Пугачева и его сообщников. На следующее утро им предстояло взойти на эшафот, сооруженный на Болотной площади древней русской столицы.

Среди тех, кто присутствовал при казни и оставил нам ее описание, были будущие сотрудники Н.И. Новикова: друг Н.М. Карамзина поэт И.И. Дмитриев и известный мемуарист А.Т. Болотов, которые подробно и почти бесстрастно изложили события того памятного дня.

И.И. Дмитриев: «Это происшествие так врезалось в память мою, что я надеюсь и теперь с возможною верностью описать его, по крайней мере, как оно мне тогда представлялось.

В десятый день января тысяча семьсот пятого года, в восемь или девять часов пополудни приехали мы на Болото; на середине его воздвигнут был эшафот, или лобное место, вокруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб по причине жестокого мороза. Тут же находился и обер-полицмейстер Н.П. Архипов, окруженный своими чиновниками и ординарцами.

На высоте, или помосте, лобного места увидел я с отвращением в первый раз исполнителей казни. Позади фронта все пространство Болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг все восколебалось и с шумом заговорило: “Везут, везут!” Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной величины сани, и в них сидел Пугачев; насупротив духовник его и еще какой-то чиновник, вероятно, секретарь Тайной экспедиции. За санями следовал еще отряд конницы.

Пугачев, с непокрытою головою, кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах лица его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином.

Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: на караул, и один из чиновников начал читать манифест; почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицмейстер спрашивал его громко: “Ты ли донской казак Емелька Пугачев?” Он отвечал столь же громко: “Так, государь, я донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев”. Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: “Прости, народ православный: отпусти мне, в чем я согрубил перед тобою; прости, народ православный!” При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его, сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаны. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы»³.

А.Т. Болотов: «Москва вся занималась во сие время одним только Пугачевым. Сей изверг был уже тогда в нее привезен, содержался окованный на цепях, и вся

Москва съезжалась тогда смотреть сего злодея, как некоего чудовища, и говорила об нем...

... Мы нашли уже всю площадь на Болоте и всю дорогу на нее, от Каменного моста, установленную бесчисленным множеством народа. <...> И мы вскоре за сим увидели молодца, везомого на превысокой колеснице в сопровождении многочисленного конвоя из конных войск. Сидел он с кем-то рядом, а против него сидел поп.

<Эшафот> в некотором и нарочито великом отдалении окружен был сомкнутым тесно фрунтом войск, поставленных тут с заряженными ружьями, и внутрь сего обширного круга не пускаемо было никого из подлого народа. Но товарища моего, как знакомого и известного человека, а при нем и меня, пропускали без задержания, к тому же мы были и дворяне, а дворян и господ пропускали всех без остановки; и как их набралось тут превеликое множество, то судя по тому, что Пугачев наиболее против них восставал, то и можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем»⁴.

Оба мемуариста с радостью восприняли известие о поимке Пугачева и пожелали присутствовать при его казни. Правда, И.И. Дмитриев подчеркивает, что причиной его интереса к этому «позорищу, для всех чрезвычайному», была «не жестокость моя, но единственно желание видеть, каковым бывает человек в столь решительную, ужасную минуту». А.Т. Болотов, судя по его запискам, был весьма доволен «истинным торжеством дворян», как он справедливо назвал казнь Е. Пугачева, и не счел нужным делать какие-либо оговорки, считая смерть на эшафоте «изверга» и его сообщников вполне справедливым наказанием за совершенные жестокие преступления.

Н.И. Новикова, как и многих других, ужасали кровавые события пугачевщины. И хотя издатель «Трутня» и «Живописца» достаточно хорошо знал положение угнетенного крепостного крестьянства и мог догадаться о причинах бунта, однако стихия народного гнева, уничтожавшая и правых, и виноватых, представлялась ему крайне опасной, а мученическая гибель невинных людей, стариков, женщин и даже детей от рук ослепленных гневом пугачевцев, не могли не вызвать в его душе бурю негодования.

Но в жестоком усмирении народного восстания Н.И. Новиков также никакого торжества не видел. И казнь Пугачева его не радовала. Кровавая гражданская междоусобица тяжким грузом легла на сердце. Новиков искренне страдал. И мучительно думал о том, как бы предотвратить подобные страшные столкновения

соотечественников. Ему были хорошо известны многочисленные примеры «жестокосердия» помещиков, и издатель гневно заклеил их в своих сатирических произведениях. Но одной сатиры явно было недостаточно. В душе Н.И. Новикова крепло убеждение в том, что необходимо найти путь к сердцу каждого человека, показать ценность каких-то очень важных идеалов и помочь человеку в их достижении. Только тогда возможно воспитать в обществе истинных граждан, патриотов своей страны, которым будет чуждо дикое и унижительное низкопоклонство перед чужеземцами, для которых станет нормой гуманное отношение к крестьянам, как к собственным детям.

Но что это за идеалы? Как их обрести и воплотить в жизнь? На все эти вопросы просветитель так и не мог найти ответа. Ортодоксальная вера отцов, знакомое с детства православие, уже не давало новиковской душе былой уверенности в гармонии мира и человека. Напротив, творения Вольтера — поэмы и философские повести, содержавшие остроумные обличения ортодоксальной религии и церкви, сильно влекли к себе молодого журналиста.

Может показаться странным, что Новиков, человек глубоко религиозный, любивший в старости повторять, что первым его учителем был Бог, отдал дань так называемому вольтерьянству, то есть религиозному вольнодумству, критике церкви и ее служителей. Но это странно лишь на первый взгляд. В жизни каждого мыслящего человека наступает период идейных и нравственных исканий, переоценки ценностей, который иной раз ведет даже к отказу от прежних убеждений и идеалов.

В идейном развитии Новикова отказа от веры отцов и дедов не было. Но пребывание «на распутье» в середине 1770-х годов отмечено им самим. С одной стороны, сильны были идеи просветительского свободомыслия, с другой — крепко давала себя знать религиозная традиция. Сам Новиков впоследствии вспоминал: «Находясь на распутье между вольтерьянством и религией, я не имел точки опоры, или краеугольного камня, на котором мог бы основать душевное спокойствие».

Что же это было за общество, в которое «неожиданно» попал Н.И. Новиков? Ответить на этот вопрос чрезвычайно важно потому, что в судьбе Н.И. Новикова, как никого другого из русских писателей XVIII века, его принадлежность к масонству (а именно в это общество вступил просветитель в 1775 году), сыграла важнейшую роль.

Сложность идейной борьбы эпохи, отражающая противоречия развития общества в XVIII веке, не могла не сказаться на взглядах многих видных его представителей, в том числе на воззрениях многих передовых деятелей русской

культуры, к которым, бесспорно, принадлежит и Новиков. Сам Н.И. Новиков на следствии так определил свое представление об «истинном» масонстве: «Под именем истинного масонства разумели мы то, которое ведет посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем по стезям христианского нравоучения».

Неудовлетворенность современным положением внутренней жизни России, желание его изменить и в то же время боязнь революционного взрыва определили вступление просветителя в число франк-масонов (в переводе с французского — «вольных каменщиков»), активно пропагандировавших идеи нравственного самосовершенствования, самопознания и «переустройства» мира путем духовного возрождения каждого отдельного человека. Было и еще одно существенное обстоятельство, соединявшее Новикова с масонством. «Орден, — отмечает Г.П. Макогоненко, — объединив множество просвещенных и влиятельных людей русского общества, был значительной силой. Бескорыстие многих «братьев», искреннее их желание творить добро, избегать зла и пороков не могли не привлекать Новикова... Тем более должна была привлечь его к себе самостоятельная попытка русского общества найти средства и формы к объединению единомышленников в рамках одной организации. Нравственная сторона масонства еще более укрепила его связь с этим обществом»⁵.

Все это говорит о том, что в, казалось бы, неожиданном обращении Новикова к масонству была определенно проявившаяся закономерность. Поэтому и поиски «истинного масонства» становились для него столь остры и мучительны.

* * *

Тяжелая, обитая черным сукном дверь медленно отворилась, и в полумрак коридора, осторожно ступая, вышел человек в круглой шляпе с накинутой на плечи епанчой. Вслед за ним неуверенной походкой, опасаясь поранить себя острием шпаги, приставленной к его обнаженной груди, шагнул полураздетый мужчина с плотно завязанными шелковым голубым платком глазами. «Шпага, приставленная к груди твоей, — вещал человек в епанче, — может вонзиться в нее, как скоро сделаешь один ложный шаг; ибо ты не видишь теперь пути, куда идешь, ни препинаний, на нем лежащих. Ведет тебя рука, которой ты, однако, не видишь. Есть ли ею оставлен будешь, погибель твоя неизбежна. Так страсти и слабости наши, затмевая внутренний

свет, влекут нас в ослеплении по неизвестным нам стезям, — есть ли бы невидимая рука не путеводительствовала нами, мы бы давно погибли. Ищи познать сего Путеводителя».

Так фрагмент канонически утвержденного текста масонского ритуала воскрешает обряд посвящения в масонство, или братство «вольных каменщиков». Из «черной храмы», или «храмы размышления», своего рода подготовительной комнаты для вступающего в ложу, через полутемный коридор спотыкающегося на каждом шагу, полураздетого неопита с завязанными глазами вели в помещение ложи, и весь этот путь должен был символизировать трудное движение человека из тьмы заблуждений и пороков к торжеству света истины и добродетели...

Н.И. Новиков кое-что слышал о масонах, знал многих из них — ведь в число членов масонских лож входили И.П. Елагин, М.М. Херасков, В.И. Майков, М.М. Щербатов, В.И. Лукин и многие другие деятели русской культуры, в том числе близкие друзья Новикова. Ему было известно, что в ложах объединяются люди, испытывающие потребность в нравственном самосовершенствовании, а также в филантропии, служении ближнему. Правда, ему было не совсем понятно, для чего эти гуманные и столь близкие христианству принципы нужно скрывать под покровом символов и аллегорий в тайных собраниях масонских лож. Хотя говорили, что масоны еще с библейских времен хранят некую великую тайну, познать которую возможно, лишь достигнув вершин масонской иерархии.

Для себя просветитель твердо решил: он не станет участвовать в мишурной интермедии вступления в ложу, да и согласится стать членом ордена лишь «на таких условиях, чтобы не делать никакой присяги и обязательства», а также сохранить за собой право, «ежели я найду что противное совести, то чтобы не считать меня в числе масонов».

Знакомство Н.И. Новикова с «работами» первых трех масонских степеней убедило его вступить в число «вольных каменщиков». Масонское движение в России набирало силу, и Новиков надеялся обрести в нем не только «точку опоры» для своего душевного спокойствия, но и союз единомышленников, опираясь на которых он смог бы в невиданных дотоле масштабах развернуть издательскую и благотворительную деятельность на благо России.

* * *

В сложном взаимодействии основных направлений общественной мысли России второй половины XVIII века масонству принадлежит немаловажное место. Без понимания этого оригинального и противоречивого явления эпохи Просвещения, без уяснения позиции просветителей, в том числе и прежде всего Н.И. Новикова, в отношении масонства невозможна объективная и всесторонняя характеристика идейной борьбы эпохи, отразившейся в произведениях художественной культуры того времени. Как и любое другое идейное движение, масонство XVIII века было обусловлено закономерностями развития своей эпохи.

Однозначная оценка масонства не может выразить всей сложности его реальных проявлений, его идейной и социальной неоднородности, позволявшей использовать масонские организации как в прогрессивных, так и в реакционных целях¹⁶.

Как идеологическое течение масонство получает распространение в Европе в начале XVIII века. Декларировавшее идеи всеобщего братства, нравственного самосовершенствования и ненасильственного переустройства общества путем его нравственного перевоспитания, масонство привлекало к себе немало передовых людей своего времени. Полулегальные союзы «братьев» — ложи, ордена — были первыми организациями единомышленников, нередко объединявшихся не только на основе общности взглядов, но и на основе родственных сопереживаний. Вступление в члены ложи и дальнейшее продвижение в иерархии масонских степеней (градусов) облекались в соответствующие церемонии и ритуалы, связанные отчасти с символикой средневековых строительных объединений, почему масоны именовались также «вольными каменщиками».

Неудовлетворенность реальной действительностью — а чаще отдельными ее сторонами, — неясное осознание позитивных идеалов в сочетании с воспитанием в традициях религиозного мышления и боязнью радикальных изменений и преобразований насильственным путем существующего социального порядка приводили к тому, что консервативная масонская оппозиционность обретала характер поиска «истинной» религиозно-этической доктрины вне рамок официальных конфессий. Поэтому масонские ложи были организациями, своеобразно сочетающими в себе как признаки общественно-политической партии, так и черты религиозной секты. В условиях российской действительности конца XVIII века они стали весьма

¹ Масонство как таковое не является предметом нашего интереса. В повествовании о жизни и деятельности Н.И.Новикова важно показать лишь, как сам просветитель понимал это явление, что его в нем привлекало, что отталкивало, каковы были последствия вступления в орден одного из выдающихся деятелей русской культуры и Просвещения XVIII в.

заметным и значимым явлением.

Философские воззрения масонства характеризуются эклектизмом: в процессе выработки собственной идеологии русское масонство ассимилировало элементы различных, подчас весьма противоположных идейных течений. Этим, в частности, можно объяснить тот факт, что в масонстве наряду с мистицизмом и обскурантизмом наличествуют и просветительские тенденции.

Противопоставляя революционному преобразованию общества утопическую альтернативу его религиозно-нравственного перерождения, масонство утверждало идею нравственного самосовершенствования в качестве главного средства решения всех жизненных проблем.

Характерной особенностью масонства вообще и русского масонства в частности является то, что, с одной стороны, оно выступает как идеологическая система, а с другой — как организационная форма. Поэтому первоначально многие представители русского дворянства, в том числе видные деятели культуры, усматривали в масонских ложах главным образом готовую форму организации и объединения наиболее нравственно ценных и культурно значимых сил страны. Этим и объясняется то обстоятельство, что большинство деятелей русской культуры XVIII века принимали активное участие в «работах» масонских лож или были связаны с ними в различные периоды своей жизни. Но не следует также забывать, что масонские организации при тайном характере их деятельности уже в первые десятилетия своего существования нередко становились прибежищем различного рода авантюристов и проходимцев, искателей приключений и политических интриганов.

Идеологические тенденции в масонстве середины XVIII века не были еще достаточно четко дифференцированы: становление идеологии русского масонства происходит несколько позднее организационного оформления лож. Сама же идеология русского масонства никогда не была единой и целостной, поэтому ее необходимо рассматривать в развитии, учитывая как особенности ее развития в середине XVIII века, так и происходившую в ней сложную эволюцию в последующий период.

Если масонство 1750–1770-х годов, развивающееся под воздействием идей Просвещения, обнаруживает немало точек соприкосновения с просветительскими идеалами эпохи, то с середины 1770-х годов наблюдается процесс усиления мистических исканий, намечается сближение вырабатываемых масонских доктрин с традиционной христианской религией.

В масонстве странным образом переплелись, казалось бы, несовместимые,

противоположные идеи и принципы, что отметил еще А.С. Пушкин, говоря о русских масонах-мартинистах²: «Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Нельзя отрицать, чтобы многие из них принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франмасонских ужинах»⁷.

Первые упоминания о появлении в России масонских лож относятся к 30–40-м годам XVIII столетия. Из многочисленных масонских систем, функционировавших в России, наиболее важное значение получили система английского (елагинского) масонства, рейхелевская (шведско-берлинская) система, шведская система (строгое наблюдение) и розенкрейцерство.

Необходимо отметить, что, несмотря на иностранное происхождение всех указанных систем, на русской почве они обрели определенное отличительное своеобразие в соответствии с конкретными условиями социальной и идеологической жизни России, а потому не являются абсолютно тождественными соответствующим системам западного масонства.

В организационном плане русские ложи оказывались в подчинении у своих западных руководителей, что вызывало недовольство и было двусмысленным как в глазах самих масонов, так и в глазах правительства. При этом следует отметить, что руководители западноевропейских масонских систем, занимавшие, как правило, высшие государственные посты в собственных странах, нередко пытались использовать свое масонское влияние, с тем, чтобы подчинить политическую жизнь России собственным интересам. Особенно активны были в этом отношении главы шведской системы и розенкрейцерства, хотя добиться каких-либо заметных результатов на этом пути ни масонам Швеции, ни масонам Пруссии так и не удалось. Неудивительны их сетования на то, что важнейшие, с их точки зрения, цели ордена в России «большею частью упускаются из виду».

«Повиновение Великому Мастеру, — писал по этому поводу И.В. Лопухин, — и откровенность ему я и все, сколько мне известно, благомыслящие <члены> общества

² Название «мартинисты» происходит от имени мистиков Мартиниса Паскуалиса и Сен-Мартена, сочинения которых были популярны в среде московских масонов, единомышленников Н.И.Новикова.

нашего принимали только в смысле, до науки (масонской. — *С.Н.*) касающемся; если же бы кто стал от меня требовать чего противного моим обязанностям христианина и верноподданного, то я не только бы отбежал от него, как от опаснейшего врага, но и открыл бы его правительству... И после во всех актах <ордена> не видел ничего, которое бы могло открыть мне хотя тень подозрения на то, чтобы оные обеты <розенкрейцарская присяга> учреждены были в виде обращения их на отношения политические, и ежели б одну тень оную приметил, то возгнушался бы всем институтом, яко богопротивным»⁸.

Отталкиваясь от предлагаемых западноевропейским масонством общих теоретических положений и принципов, воспринимая масонство как разновидность внецерковного религиозно-этического учения, члены русских лож стремились к созданию собственной его версии.

Для русских масонов было характерно настороженное отношение к попыткам их иноземных начальников влиять на мировую политику, а неуклонно возраставший интерес к сближению с православно-христианской традицией определяли стремление к обособлению от всевропейской организации масонства, выразившееся в неоднократных попытках освободиться от зависимости высшего западного орденового руководства и придать русским ложам характер национальной организации.

Если сравнить масонство середины XVIII века, центром которого был Петербург и которое имело ярко выраженный аристократический характер и «вольтерьянские наклонности», с масонством 1780–1790-х годов с центром в Москве и имевшем столь же ярко выраженный мистический характер, то необходимо отметить, что московское масонство стало менее европеизованным и более демократичным по своему социальному составу.

В московском масонстве конца XVIII века можно выделить две основные категории лиц. С одной стороны — это представители родовитого дворянства (Лопухин, Татищев, Трубецкие, Херасков)³.

Другая группа масонов может быть условно обозначена как своего рода демократическая. Сюда следует отнести таких деятелей, как Гамалея, Походяшин,

³ Наиболее показательная фигура среди этой аристократической верхушки масонов — видный идеолог мистического масонства И.В.Лопухин. По происхождению он принадлежал к знаменитому боярскому роду; воспитан Лопухин был в отличие от большинства своих современников в патриархально-религиозном духе приверженности и глубокого уважения к старине, а потому, несмотря на то видное положение, которое он занимал в стремящемся к европеизации русском дворянском обществе, своими симпатиями он был заметно обращен к православной и национальной традиции. Лопухин является наиболее характерной фигурой в «боярском» направлении русского масонства 1780–1790-х гг.

Баженов, Багрянский, Невзоров, Колокольников и другие, не принадлежавших к потомственному дворянству, а также значительную группу студентов университета и семинарий, созданных масонами, которые слушали лекции профессора Шварца, излагавшего масонское понимание основных мировоззренческих вопросов, участвовали в масонских журналах и тем самым распространяли масонские идеи.

И именно не стремящаяся к европеизации разночинная группа масонов-мистиков оказывалась движущей силой тех общественных начинаний, что проводились в жизнь русскими масонами. Г.В. Плеханов, заметив, что в активной общественно-филантропической «деятельности Новикова и его ближайших сподвижников дала себя почувствовать молодая энергия нашего «среднего сословия», т.е. собственно разночинцев», в то же время справедливо указывал на неразвитость общественных отношений в России как на причину невозможности восприятия этим сословием идеалов Просвещения: «Дорожа просвещением, оно хотело, чтобы просвещение было старательно очищено от французского свободомыслия».

Разночинцы этого типа, бесспорно, были ближе к национальным истокам и православной традиции, в которой видели своеобразную отличительную особенность от Запада, нежели «вольтерьянствующие» аристократы, составлявшие ложи петербургского масонства и нередко бравирующие своим безбожием и космополитизмом,

Интерес к национальным истокам и тенденция к сближению с православной традицией определили также стремление русских масонов к обособлению от всеевропейской организации масонства.

С середины 1780-х годов в стране наблюдается возникновение тайных национальных лож сугубо русской ориентации, тяготеющих к сближению с православно-христианской традицией, вне связи с организациями европейского масонства, что было, несомненно, реакцией на зависимость русского масонства от Запада.

Одной из важнейших причин, обостривших интерес к православию и национальным истокам, была для масонов их ненависть к французской революции. Гневные обличения «бедствий» Франции и активных деятелей революции, которая была объявлена «заговором чудищ», как из рога изобилия посыпались из-под пера русских масонов, начавших с этого времени со все большей симпатией взирать на свою страну и противопоставлять ее «развращенной» Европе. Как заметил Г.В. Плеханов, масоны в этот период занимали «самое видное место между теми европеизованными

русскими людьми, которые стали отрицательно относиться к Западу, опасаясь революционного воздействия его на Россию»⁹.

Весьма популярной у русских масонов была мысль, которую позднее сформулировал М.М. Невзоров, воспитанник по ордену И.В. Лопухина, обучавшийся на его средства за границей: «Любезные юноши! Уважайте просвещенных и добродетельных иностранцев, но не перенимайте всего того, что водится, делается и славится в чужих краях, а следуйте во многом простодушным своим предкам»¹⁰. Считая губительным влияние Запада на Россию, и прежде всего в нравственном отношении, он высказывает мысль о том, что все западноевропейское развитие привело только к ужасам революционного взрыва и что можно лишь сожалеть о европейских странах (недаром в переписке масонов этого времени Франция чаще всего именуется «несчастной», «страной бедствия» и т.д.), а потому избавление европейским странам придет именно от России, от которой «пролиется свет истинного просвещения на Европу и другие страны мира»⁴.

В середине 1770-х годов господствующей масонской системой в России была так называемая английская система масонства, возглавляемая «Великим Провинциальным мастером для всей России» И.П. Елагиным.

Ложь этой системы нередко превращались в своего рода полусветские клубы, где, как вспоминает сам И.П. Елагин, «открылась мне только та истина, что... со степенным видом в открытой ложе шутить и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятные реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится праздеством Бахусу». Исходя из этого, понятно, что тот же Елагин в этот период считал масонские ложь «совершенно игрушкой, для препровождения праздного времени выдуманною»¹².

Почти теми же словами отзывался о раннем английском масонстве и Новиков: «Сперва, покуда упражнялись в английском масонстве, то почти играли им, как игрушкой; собирались, принимали всякого, без разбору, говорили много, а знали мало»¹³. Однако тот же Г.В. Вернадский весьма убедительно показал, что масонские ложь середины XVIII века были организациями «вольтерьянцев», их своеобразным сообществом, в котором «вопросы новой религии и морали серьезно занимали адептов Елагина масонства, несмотря на всю внешнюю пустоту собраний лож, несмотря на

⁴ Выделив эту мысль, Г.В. Плеханов счел необходимым указать, что в дальнейшем она вошла, «как один из составных элементов, в учение славянофилов»¹¹.

То, что масонство приводит к генезису славянофильства, отмечал и исследователь русского масонства Г.В.Вернадский.

подчас ироническое отношение братьев к ритуалу»¹⁴. Крайне малое количество документов о деятельности лож этой системы затрудняет характеристику идеологии елагинского масонства. Однако сохранившиеся сочинения и записки русских масонов, прежде всего самого И.П. Елагина, фрагменты масонских речей, произнесенных в ложах, тексты масонских песен зафиксировали тяготение масонов этого периода к философии Просвещения, скептицизм в отношении христианства, а также попытки построить, исходя из «естественной природы» человека, особую систему морали в духе идеалов Просвещения.

Правда, воздействие на русских масонов философии Просвещения не следует преувеличивать. Для многих из них было типично искреннее признание крупнейшего русского масона И.В. Лопухина: «Никогда не был еще я постоянным вольнодумцем, однако, кажется, больше старался утвердить себя в вольнодумстве, нежели в его безумии, и охотно читывал Вольтеровы насмешки над религиею, Руссовы опровержения и прочие подобные сочинения»¹⁵.

С середины 1770-х годов масонство обретает все более мистический характер, а формирующая идеология мистического масонства, по сути, становится разновидностью религиозного мировоззрения. В 1776 году состоялось объединение лож елагинской и рейхелевской систем на основе идеологических принципов рейхелевского масонства. Данное объединение стало своего рода официальным оформлением того перехода от просветительского рационализма к иррационализму и мистике, что совершалось в русском масонстве, становившемся в своих исканиях на путь иного, мистического миропонимания.

В связи с идеологической переориентацией русского масонства происходит и качественное изменение его состава. Усиление мистических поисков в масонской среде приводит к отходу от масонства многих, прежде проявлявших к нему интерес представителей русского общества. В то же время ложи начинают заполнять мистически настроенные искатели «откровения» в познании природы, человека и Бога.

Данное объединение было во многом компромиссным, и потому вскоре значительная часть русских масонов начинает искать пути создания новой системы. Первым шагом в этом направлении стала поездка князя А.Б. Куракина в Стокгольм, во время которой глава масонства шведской системы герцог Карл Зюдерманландский принял его «во все градусы масонские» и выдал «акты и диплом на все российские ложи». В декабре 1777 года был создан «Капитул Феникса» — высший орган правления русскими ложами шведского обряда, а в 1779 году в Петербурге состоялось

открытие Великой Национальной ложи шведской системы. Обращает на себя внимание ярко выраженный аристократический характер масонства шведской системы, последователи которой Панин, Куракин, Гагарин и другие чрезвычайно мало интересовались проблемами нравственного самосовершенствования и поиском «истинной» религии, зато все свои надежды в вопросах «исправления нравов» и утверждения «неизменных законов» связывали с наследником престола Павлом Петровичем.

С момента возникновения первых лож шведской системы русские масоны ощутили возможность присутствия в них элементов политической интриги. Барон Рейхель отзывался о ней как о политической и предлагал воздерживаться от контактов с ее представителями. «После сего я еще осторожнее сделался противу шведского масонства... которого барон Рейхель крайне не любил», — свидетельствует Новиков. Не менее красноречива и позиция Елагина, принимавшего участие в организации шведской системы масонства, затем долго колебавшегося, умышленно затягивающего ее введение в России и наконец отказавшегося от намерения связать себя с масонской системой, становящейся «партией» цесаревича.

Екатерина крайне настороженно восприняла появление в России «насквозь политической» системы шведского масонства. К тому же ее весьма беспокоили слухи о том, что великий князь Павел Петрович во время своего первого заграничного путешествия был принят в число «вольных каменщиков» прусскими масонами.

Императрица сочла за благо принять необходимые меры.

В начале 1781 года отправился в свою деревню граф Н.И. Панин. Князь Г.П. Гагарин (глава Великой Национальной ложи шведской системы) получает повеление следовать в Москву, к новому месту службы. Павел Петрович и Мария Федоровна по желанию императрицы и без видимого собственного желания выезжают в заграничное путешествие, причем Екатерина сама назначила их свиту, продолжительность их отсутствия и наметила страны, которые им предстояло посетить. Разумеется, в числе этих стран не было ни Швеции, ни Пруссии, и когда великокняжеская чета выразила желание побывать в Берлине, то получила решительный отказ Екатерины.

Современники свидетельствуют, что Мария Федоровна при отъезде скорее напоминала «положение особы, осужденной на изгнание, чем готовящейся к приятному и поучительному путешествию. Великий князь находился в таком же состоянии. Сев на карету, он опустил шторы и велел кучеру ехать как можно скорее»¹⁶.

По просьбе Павла Екатерина включила в его свиту князя А.Б. Куракина, тем

самым удалив его из России, по возвращении же Куракин (так же как и масон С.И. Плещеев, находившийся в свите Павла) получил повеление следовать в свои деревни. Поводом для устранения Куракина могло послужить письмо к нему П.А. Бибикова, извещавшего своего адресата о российских Новостях и выражавшего недовольство современным положением дел, в частности тем, что Н.И. Панин утрачивает свое былое значение. Письмо это было доставлено к Екатерине, Бибиков был заточен в крепость, затем осужден и выслан в Астрахань.

Вместе с тем, разоряя гнездо шведского масонства в России — прежде всего в Петербурге, — императрица подчеркнуто тепло и вежливо обращалась с Павлом и его супругой. Период, предшествовавший великокняжескому заграничному путешествию — лето 1781 года, в отсутствие графа Панина, — был ознаменован некоторым сближением матери и сына.

Однако уже в следующем, 1782 году, в России была введена новая масонская система — розенкрейцерство, — представители которой также попытаются в будущем связать свою организацию с наследником российского престола.

Учение розенкрейцеров было весьма эклектичным, представляя собой соединение отдельных философских положений гностицизма и неоплатонизма, древнееврейской кабалы и средневековой алхимии. Как религиозно-мистическое течение розенкрейцерство обращалось и к древнеегипетским мистериям, и к идеям средневекового мистика Я. Беме, а также к интерпретаторам его идей в XVIII веке, таким, как Сен-Мартен, Эм. Сведенборг и пр. Идеиное влияние розенкрейцерства на русское масонство 1780-х годов было весьма значительным. Рассматривая все предыдущие системы только как первые, начальные ступени масонства, розенкрейцерство претендовало на степень высшей, итоговой масонской системы. В определенной степени так оно и было. Во всяком случае, в России именно московское масонство 1780–1790-х годов, испытав на себе сильнейшее воздействие розенкрейцерской идеологии, сумело окончательно выработать достаточно четкую идеологическую систему, которую большинство русских «братьев» и приняли за то «истинное масонство», которое они столь мучительно искали на протяжении десятилетий.

В противовес официальной церкви, сосредоточившей свое главное внимание на внешней стороне богослужебной практики, розенкрейцерство призывало своих адептов последовать Христу прежде всего путем практического воплощения в реальной жизни христианских этических заветов.

Наиболее яркий пример жизни согласно идеям «истинного христианства» среди русских масонов бесспорно представляет ближайший друг Н.И. Новикова С.И. Гамалея. Гамалея прожил свою жизнь так, что историк В.О. Ключевский считал возможным назвать ее «житием».

Русские масоны видели в Гамалее нравственный идеал, который был признан и рядовыми участниками масонства, и его идеологами. И.В.Лопухин, например, испытывал к нему глубокое уважение, как бы наглядно убеждаясь на его примере в возможности реализации тех идей, осуществить которые в практической жизни ему самому было не под силу. Поэтому для Лопухина, по собственному признанию, становилось радостью не только реальное общение с ним, но даже «встреча» во сне.

Сами масоны дали Гамалею имя «Божьего человека». И действительно, в практической этике этот видный деятель русского масонства как бы воплощал идеи евангельской нравственности, которые активно проповедует масонство, призывая к последованию и подражанию Иисусу Христу.

Рассказывали, как однажды на него напали разбойники-грабители, требуя денег. Он безропотно отдал все деньги, да еще вдобавок и часы, а дойдя до ближайшей церкви, стал молиться только о том, чтобы грабители не употребили их на злые дела. Единственный слуга Гамалея, которому нрав хозяина также был хорошо известен, обокрал его и скрылся. Когда же вора поймали, то господин произнес только: «Видно, брат Семен, мне не суждено Богом иметь людей», — подарил ему украденные 500 рублей и выдал вольную.

В соответствии со своими убеждениями Гамалея не считал возможным быть хозяином крепостных душ. Весьма показателен поэтому тот ответ, которым был мотивирован его отказ от награды за отличие в службе. Екатерина пожаловала ему триста душ. Гамалея отказался, заявив: «Велика милость монархини, но я имею одну собственную душу, да и с тою не могу справиться; что же мне делать с тремястами душ посторонних»¹⁷.

Указав на примеры из жизни С.И. Гамалея, Г.В. Плеханов отмечал: «С.И. Гамалея поступал так, как в наши дни советовал поступать, — но сам не поступал, — гр. Л.Н.Толстой. Гамалея проповедовал нечто весьма похожее на учение о непротавлении злу насилием»¹⁸.

Действительно, идеи, господствовавшие в среде русских масонов в конце XVIII века, — прежде всего поиски «царства Божия» внутри себя и истинного христианства, выражающиеся в практической этике, — заставляют вспомнить Толстого, для которого

также была актуальной задача «очистить» первоначальное христианство от позднейших наслоений, выделив прежде всего его этические заветы.

Разработанная масонством система самосовершенствования и самопознания должна была способствовать созданию нового человека — нравственно совершенного, избавленного от пороков и заблуждений, мистически «просветленного» («ментального»). Успехи приближения к «ментальной», духовной сущности человека, отмечаемые продвижением в иерархии масонских степеней, не только обеспечивали движение масона к постижению таинственной сущности божества, но и создавали возможность мистического слияния с ним.

Своеобразным центром соединения Бога и человека должна стать «внутренняя церковь», создание которой в собственном сердце было для каждого «вольного каменщика» одной из главных целей его религиозно-мистической деятельности. «Внутренняя церковь», однако, понималась масонством не только как «храм премудрости», который должен воздвигнуть в своем сердце каждый масон, но и как избранное сообщество «истинных» христиан, примером которого и должно было служить масонское братство. Масонство неустанно пропагандировало мысль о том, что только в ложах возможно обрести реальные пути познания «истинного христианства», так как, по масонским убеждениям, «Богочеловек Иисус есть наш Спаситель, наш ходатай, наш един друг и учитель; друг душ наших, Б <рат> наш, купно и Господь и Мастер наш... Сей Богочеловек Иисус непосредственно есть глава святого ордена нашего»¹⁹.

Это положение как бы утверждало несомненную истину масонских религиозных познаний, ее право на безусловную свободу от опеки господствующей церкви, выражая характернейшую черту масонской психологии — уверенность в собственной исключительности.

Психология избранничества, характеризующая масонское учение, проявляет себя и в резком противопоставлении «вольных каменщиков» всему остальному немасонскому миру; дабы подчеркнуть то значение, которое имеет для человека его приобщение к ордену, масонство даже давало ему новое имя, что символизировало его своеобразное второе рождение, подобно тому, как это практиковалось при пострижении в монахи⁵.

⁵ Вместе с тем вне ложи орденские имена не употреблялись, а потому весьма ограниченному кругу лиц из числа московских розенкрейцеров было известно, что «брат КОЛОВИОН» — это Н.И.Новиков, «брат ФИЛУС» — И.В.Лопухин, «брат ПОРЕКТУС» — Н.Н.Трубецкой, «брат РАМЗЕЙ» — Н.М.Карамзин и т.д.

Поиск «истинного христианства» русским масонством XVIII века и его стремление создать, не порывая с официальной церковью, собственное религиозно-мистическое учение, в какой-то мере предвосхищают некоторые направления внецерковного православно-христианского реформаторства в России в XIX — начале XX века, представленного религиозными исканиями славянофильства, Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, а в начале XX века — группой нехристиан. Масонское понимание христианства как религии, «освобожденной» от догматически-ортодоксального диктата и государственной опеки, а также учение о «внутренней церкви» впоследствии оказалось во многом созвучным и религиозным исканиям Л.Н. Толстого, проявлявшего к русскому масонству XVIII — начала XIX веков немалый интерес.

Общественная деятельность русского масонства неотделима от имени Н.И. Новикова. В отличие от большинства русских масонов, увлекавшихся мистико-алхимическими исканиями, он считал необходимым развивать прежде всего именно издательскую и общественно-филантропическую деятельность.

Нельзя забывать, однако, что все начинания просветителя проводились в жизнь при самой активной поддержке многих членов лож; более того: без этой поддержки — материальной, организационной — большинство предпринимавшихся им мероприятий было бы неосуществимо. Еще Г.В. Вернадский указал на многочисленные факты активности и широкого размаха общественно-филантропической деятельности русских масонов²⁰. Училища, школы, приюты, «Педагогическая» и «Переводческая» семинарии, больницы, аптеки, в которых практиковалась «раздача лекарств бедным безденежно», наконец, помощь голодающим крестьянам в 1787 году, осуществленная путем сбора средств среди членов лож и проведенная в жизнь благодаря энергии Н.И. Новикова, согласно идеям, ранее высказанным на страницах масонских сочинений, представляющихся многим лишь нагромождением «бредуумствований», — все это характеризует деятельность русских масонов в 1780-е годы, наряду с распространением алхимических «знаний» и мистицизма. Сложное переплетение, казалось бы, несовместимых идей и действий не поддается упрощению.

«Стремление ряда исследователей противопоставить издательско-филантропическую деятельность кружка мистико-алхимическим увлечениям, — справедливо заметил Ю.М. Лотман, — к сожалению, не подтверждается фактами... надо осторожно говорить об антимасонском характере тех мероприятий, связь которых с идеями масонского кружка подтверждается документами»²¹.

Попытки некоторых исследователей оторвать Новикова от масонства, придать его деятельности антимасонский характер не представляются убедительными. В советской науке уже давно указывалось на неправомерность взгляда на масонство Новикова только как на «ловкий маневр, как случайный блок с идейно чуждыми ему людьми». Как верно заметил Л.Б. Светлов, Новиков «мог во многом расходиться с масонами, чуждаться масонских таинств и язвительно высмеивать алхимические и кабалистические бредни», но ему, без сомнения, были близки «идеи о необходимости нравственного самосовершенствования, о самопознании как средстве к достижению духовного расцвета человеческой личности»²². А потому закономерно не только его обращение к масонству, но и его дальнейшее пребывание в нем. Как уже отмечалось выше, он стал масоном, обусловив следующее: «ежели я найду что противное совести, то чтобы не считать меня в числе масонов».

Оговорив возможность выйти из состава членов ложи, Новиков, однако, этой возможностью не воспользовался, что вполне понятно, так как, по справедливому замечанию Г.П. Макогоненко, «доктрина масонства в ее общем виде была не только близка Новикову, но и определяла во многом его мировоззрение»²³.

Эта близость воззрений просветителя со взглядами многих масонов позволяла объединить усилия для совместной практической деятельности. Следует отметить также, что, как уже было показано в работах отечественных ученых, «во многом Новиков не являлся исключением среди масонов»²⁴.

Другое дело, что масштаб личности просветителя, его публицистический талант, неутомимая энергия и редкостные организаторские способности резко выделяют его среди прочих членов лож.

Новиков не был сторонником революционных идей. Он считал, что нравственное перерождение человека, воспитание в нем высоких и благородных чувств и понятий сможет дать более весомые результаты. В поисках нравственного идеала Новиков обращался и к добродетелям древних россиян, и к масонским откровениям. Причем важно отметить, что его понятия о нравственности, добродетели всегда были связаны с темой служения родине, России: «Новиков неустанно проповедовал мысль об обязательной «патриотической ревности» на благо отечеству, доказывая, что только служение делом, служение, направленное на благо народа, делает человека истинным гражданином»²⁵.

Масонские ложи были готовой формой объединения единомышленников; Новиков активно пытался внести в эту форму просветительское содержание. Его

мировоззрение было противоречивым: в нем сочетались как просветительские, так и религиозно-мистические, масонские идеи. Но, заполняя вакуум масонской фразы, «он умел отвлеченным идеям, которые для других часто бывали лишь платоническим кабинетным мечтанием или неосознанно-лукавой формой примирения совести и действительности придать черты реального, широко и умело поставленного общественного дела»²⁶.

Эта позиция просветителя была направлена против тех, для кого провозглашение принципов морального самосовершенствования, братства людей, их равенства перед нравственным долгом, становилось ритуальным пустословием, а все масонство сводилось к обрядности и мистико-алхимическим исканиям.

Новиков был в масонстве своего рода «тroyанским конем» Просвещения. Но не борьба с масонством, от которого, несмотря на тенденциозные попытки отдельных авторов, невозможно отторгнуть Новикова, а желание реализовать близкие ему идеи и принципы путем их практического воплощения было определяющим в позиции просветителя.

Объединив вокруг себя лучшие масонские силы, Новиков, последовательно проводя в жизнь с их помощью и при непосредственном их участии свои просветительские начинания, тем самым становился главою своего рода просветительского направления в русском масонском движении⁶.

Важнейшим событием 1777 года стало для Н.И. Новикова издание философского журнала «Утренний свет». Организационной его основой явилось объединение петербургских масонов, в числе которых были известные литераторы М.М. Херасков, В.И. Майков, И.П. Тургенев, А.М. Кутузов и другие (со многими из них Н.И. Новиков был давно и хорошо знаком). Это обстоятельство наложило заметный отпечаток на проблематику журнала, на страницах которого пропагандировались как просветительские, так и религиозно-мистические масонские идеи. Близость новиковских воззрений со взглядами русских масонов позволяла объединить усилия для совместной практической работы.

Умело подобранные оригинальные и переводные материалы, публиковавшиеся в журнале, достаточно полно иллюстрировали важнейшие положения масонской идеологии и морали. Во вступительной статье, написанной Н.И. Новиковым, был задан

⁶ Подобную же картину, впрочем, можно наблюдать и в масонстве других стран. В той же Германии, откуда пришло в Россию розенкрейцерство, существовало гуманистическое, просветительское направление масонства (Лессинг, Гердер, Гёте) и реакционное, представленное именами мистиков и политических интриганов типа Шрепфера, Бишофсвердера.

тон всему журналу. Здесь была заявлена основная его проблематика: о нравственном значении литературы и философии в жизни общества, о моральной ответственности писателя, о потребности самосовершенствования и самопознания, о ценности благотворительности. Столетие спустя именно эта вступительная статья издателя «Утреннего света» привела в восторг строгого моралиста и во многом духовного наследника Н.И. Новикова Л.Н. Толстого.

Издание журнала было, однако, только частью задуманного. «Утренний свет» должен был превратиться в организационный центр благотворительной деятельности, заниматься которой издатели журнала приглашали всех своих читателей. В «Предуведомлении» сообщалось о том, что «все выручаемые деньги от продажи сего журнала определили к содержанию училищ для бедных детей». Вскоре два училища — Екатерининское, а чуть позднее и Александровское — открыли свои двери для малолетних сирот и детей неимущих родителей.

Казалось, русское общество только и ожидало приглашения к участию в широкой филантропической деятельности. Многие подписчики перечислили в фонд журнала суммы, в пять — семь раз превышавшие стоимость его годовой подписки. А известный библиофил и меценат П.К. Хлебников, некогда предоставивший Н.И. Новикову для издания «Древней Российской Вивлиофики» рукописи и редкие исторические документы своего собрания, пожертвовал сто пудов бумаги, «потребной для печатания „Утреннего света“».

В числе подписчиков журнала были вельможи двора и представители просвещенного духовенства, знатнейшие русские аристократы и выдающиеся деятели культуры. Но, пожалуй, впервые отечественный журнал столь активно поддерживали читатели-разночинцы. Как справедливо заметил И.Ф. Мартынов, «едва ли можно найти какой-нибудь другой русский журнал XVIII века, со столь демократическим составом подписчиков. И это неудивительно. Третье сословие справедливо увидело в Новикове выразителя своих интересов. Если многим титулованным вельможам масонские «выдумки» зачастую представлялись всего лишь очередной модной забавой, то для сотен мелких чиновников, купцов и мастеровых народные училища, приюты и больницы были гарантией более счастливого будущего их детей, последним убежищем в случае разорения, болезни, старости. Поэтому каждый из них, будь то просвещенный издатель-коммерсант С.Л. Копнин, мастера шпалерной мануфактуры С.В. Куликов и М.И. Пучиков или малограмотные купцы из захолустной Епифани, охотно внес посильную лепту в общую филантропическую копилку.

Примечательна география «Утреннего света». Косная и глухая провинция словно на мгновение пробудилась от векового сна. В 58 городах и местечках России, куда порой и газеты приходили с полугодовым опозданием, у Новикова нашлись добровольные помощники и восторженные почитатели. <...> Такой широкой читательской аудитории не имел еще ни один русский журнал!»²⁷

Общедоступных школ и училищ, в которых могли бы получить образование представители демократических слоев населения, в эту пору в России не существовало; в десятках городов страны подписчики журнала крупными пожертвованиями активно поддерживали инициативу издателей «Утреннего света», что, несомненно, свидетельствовало об ее актуальности.

Столь реальная поддержка широкими кругами русской общественности новиковской инициативы вызвала недовольство Екатерины II. Но, несмотря на недоброжелательство императрицы и высших сфер чиновной бюрократии, «Утренний свет» расходился немалым для второй половины XVIII века тиражом более тысячи экземпляров.

Центральной проблемой журнала, как и всей философии второй половины XVIII века, была проблема человеческой личности. Поэтому содержание большинства его статей было направлено к тому, чтобы «дать восчувствовать, что человек есть нечто возвышенное и достойное». Эта тема со всей определенностью заявлена уже в «Предуведомлении», написанном Н.И. Новиковым. Л.Н. Толстой пометил в своем дневнике: «Читая философское предисловие к журналу “Утренний свет”, который он издавал в 1777 году и в котором он говорит, что цель журнала состоит в любомудрии, в развитии человеческого ума, воли и чувства, направляя их к добродетели, я удивлялся тому, как могли мы до такой степени утратить понятие о единственной цели литературы, — нравственной, что заговорите теперь о необходимости нравоучения в литературе, никто не поймет вас»²⁸.

Нравственное самосовершенствование и самопознание личности находили свое определенное завершение в решении проблемы бессмертия.

Наиболее глубоко эта проблематика разрабатывалась философами Германии.

В произведениях немецких идеалистов, приверженцев школы Х. Вольфа, таких, как Баумейстер, Мендельсон, Гердер, современники находили близкие им идеи о высоком назначении человека — высшей ценности мира.

На одном из философских сочинений Х. Вольфа М.Н. Муравьев, начинающий поэт и сотрудник «Утреннего света», сделал многочисленные пометы и написал

четверостишие:

Вольф, Лейбниц и Ньютон —
Судеб пророки превелики,
И с нами всех премудрых лики
Дают природы нам закон.

Неудивительно, что уже в первых номерах «Утреннего света» печатается перевод известного трактата М. Мендельсона «Федон, или О бессмертии души», в котором, при помощи типичной вольфианской аргументации, предпринимается попытка доказать возможность посмертного существования души человека, неуничтожимость его личности.

Вослед Платону Мендельсон утверждает, что все изменения в мире являются переходом от одной противоположности к другой, и приходит к выводу, что «природа не может произвести никакого уничтожения». По аналогии с явлениями, имеющими естественнонаучное объяснение, Мендельсон выводит и решение проблемы жизни и смерти. Смерть, по его мнению, также переход человека из его настоящего состояния в противоположное. А так как в природе не происходит никакого уничтожения и не может быть скачка из бытия в небытие, считает Мендельсон, то и смерть в действительности не уничтожение, а начало нового этапа существования. Содержание мендельсоновского «Федона» не исчерпывается «доказательствами» возможности бессмертия человеческой души. Величие человека, богатство и красота его нравственного облика, потребность самопознания — все эти идеи, нашедшие свое отражение в сочинении М. Мендельсона, привлекали не только издателей журнала, но и его читателей, среди которых нашлось немало поклонников «Федона». Любопытно отметить, что и много лет спустя в передовых кругах русского общества сохраняло свое значение именно нравственное звучание сочинения М. Мендельсона.

«Мы радуемся успеху “Федона”, — писал Н.Г. Чернышевский, — не потому, чтобы он мог в наше время считаться основательным трактатом о бессмертии души, а потому, что знакомство с сочинениями людей таких честных и благородных душою, возвышенных по уму и образу мыслей, как Мендельсон, приносит несомненную пользу читателям, хотя бы эти сочинения уже устарели»²⁹.

Сочинение М. Мендельсона, помещенное в «Утреннем свете», как бы «обрамляется» двумя статьями, имеющими с ним определенную логическую связь. Так,

предваряя «Федона», в первой части журнала, непосредственно после новиковского «Предуведомления», мы находим статью «Житие и свойства Сократовы», а сразу же после завершения публикации последней части трактата Мендельсона, в четвертом (декабрьском) номере — статью Н.И. Новикова «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру».

Целью статьи о Сократе было не только ознакомление читателей с жизнью крупнейшего философа античности. Сократ, поставив в центр философии человека, разрабатывал преимущественно этические проблемы. Это особенно влекло к нему русских масонов, религиозно-этическое учение которых во многом следовало его принципу: «Познай самого себя». В то же время Сократ в указанной статье представляет человека, нравственные принципы которого служат основой общественно-полезных поступков, направленных на благо его сограждан. Это вполне соответствовало позициям масонов — издателей журнала, которые таким образом как бы еще раз пропагандировали собственное миропонимание. Так как Сократ является главным действующим лицом «Федона», то статью о жизни Сократа правомерно рассматривать как своеобразное введение к нему. В определенной степени заключением становится в этом случае проникнутая пафосом величия человека — «венца творения» — статья Н.И. Новикова с характерным названием: «О достоинстве человека в отношениях к Богу и миру».

«Очевидно, что бог сотворил нас и содержит для того, дабы нами свое величие, силу, славу и премудрость вселенной предъявити, — пишет Новиков. — Мы дело рук его: а дело превозносит творителя своего».

Таким образом, все главные материалы первого года издания журнала (сентябрь — декабрь 1777 года) пронизаны единой мыслью, составляющей центральную философскую проблему эпохи, — мыслью о человеке как высшей ценности мира, о его неисчерпаемых возможностях, достоинстве и величии.

Статьи, помещенные в «Утреннем свете», наглядно отражали противоречия развития русской философской мысли, взаимоборьбу ее материалистической и идеалистической тенденции. Поэтому, например, восходящий по основным своим идеям к Платону трактат М. Мендельсона «Федон, или О бессмертии души», помещенный в первой части журнала, сменяется в четвертой части произведением «Закон Псаммита, мудреца некоего селения в благополучной Аравии», где кратко излагаются этические принципы Эпикура. Поэтому, наряду с откровенно идеалистическими сочинениями, в журнале появляются и произведения философ-

материалистов. Примером могут служить фрагменты сочинений Ф. Бэкона, в частности напечатанный в «Утреннем свете» перевод «О мудрости древних», где намечен интересный подход к проблеме мифотворчества. Автор утверждает, что одной из главных причин религиозно-мифологического объяснения мира было отсутствие подлинных о нем знаний, а потому «изобретения человеческого разума и заключения, теперь всякому известные... были исполнены всякого рода басен, загадок, притчей и подобных».

Перевод глав из Ф. Бэкона служил своеобразным ответом тем, кто стремился утверждать мистическую теорию регресса современной науки, подобно автору письма «К издателям „Утреннего света“», опубликованного в 8-м (февральском) номере журнала за 1780 год, где яростно отстаивается правомерность масонской точки зрения⁷.

С годами религиозно-мистический элемент публикуемых на страницах журнала сочинений заметно усиливается, а его этическая проблема явно трансформируется в масонскую. В русле общего религиозно-мистического направления трактуется и проблема человека. Примером может служить сочинение, напечатанное под названием «Мнения Паскаля».

Человек — главный объект интереса Паскаля. Именно это и привлекает к нему масонов, которым близок самый метод исследования человека — метод рефлексии, углубленного самосознания, принятый Паскалем, считавшим в данном случае естественнонаучный подход непригодным. Однако внечувственное самоуглубление, непосредственное постижение сути самого себя, приводит к скептическим выводам относительно связи человека и вселенной. Природа бесконечна, человек конечен. В разуме, мысли усматривает Паскаль силу и истинное величие человека, хотя разум и уверяет его в конечности бытия и всех следующих отсюда несчастиях. Но и в самом несчастье, ничтожестве человек способен обрести уверенность в собственном величии, обрести именно осознанием своего бедственного положения. Это убеждение Паскаля смыкается с: масонским пониманием человека как истинно свободной внутренней личности, противопоставляющей себя жестокому и несправедливому, враждебному миру зла и черпающей силы и нравственную свободу именно в своем чувстве и

⁷ Как было установлено и последнее время, автором письма «К издателям „Утреннего света“» был один из крупнейших, авторитетнейших масонов И.А.Штарк. «Пропагандист наиболее реакционных воззрений, Штарк увидел в Новикове серьезного идеологического противника, с деятельностью которого нельзя не считаться. Полемика, перенесенная на страницы журнала «Утренний свет», тем и интересна для нас, что даст возможность очертить своеобразное место Н.И.Новикова в масонстве». (См. М е д о в о й М.И. «NN иностранец» и «Всезнающий». // Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени, Л., 1976. С. 168.)

сознании: «Таков есть не ложно свободный человек, таков должен быть всяк, кто носит имя человека. Сам над собою царь, ни чьей власти не подвержен, как токмо по силе внутреннего своего закона»³⁰.

Человеческая мысль, составляющая величие человека, совершает замечательные открытия в науке; но, с другой стороны, конечность человеческого бытия в бесконечности вселенной не может доставить ему необходимых условий для полного познания мира. Поэтому Паскаль склоняется к выводу: «Ученые <....> чем больше открывают, тем больше сомневаются, и столь дерзновенны, что хотят испытать непостижимую волю Божию, отчего пребывают всегда с некоторым неудовольствием по их рассудку». Данное противоречие служит основой авторского скептицизма. Преодоление же его возможно, по убеждению Паскаля, только с помощью религии, причем доказательств бытия бога средствами и доводами разума вовсе не требуется, так как данные науки вовсе не в состоянии обосновать возможность его существования: «...умствование не делает веры более непрекратительной: ибо, истинно веруя, отметить надобно все рассуждения и веровать слепо»³¹.

Популярнейшим в масонской среде сочинением были и «Ноши» английского поэта Э. Юнга, переведенные для «Утреннего света» масоном А.М. Кутузовым, где главной являлась тема одиночества человека в чуждом и враждебном ему мире, тема неизбежности смерти, ее торжества не только над каждым отдельным человеком, но и над всем сущим. «О смерть, всех вещей великий владетель! твоя есть власть истреблять всякое владычество человеков, твоя власть звезды угашать и само солнце по твоему токмо соизволению нас освещает; но и оное свергнешь ты некогда со сферы его», — звучала со страниц «Утреннего света» проповедь Юнга, не лишенная эсхатологической окраски. Произведения христианских моралистов типа Паскаля и Юнга выражали основу идейной направленности «Утреннего света», господствующей тенденцией которого была пропаганда идеалистических и мистических идей, пропаганда учений Мендельсона и Геллерта, Паскаля и Юнга, в которых масоны черпали аргументы для борьбы против «правил вольномыслия» просвещения и для создания собственного религиозно-этического учения.

«Утренний свет» был первым из русских периодических изданий, посвященных почти исключительно философским и этическим вопросам. Он сыграл очень важную роль в знакомстве русских читателей с основной проблематикой философской мысли эпохи. Несомненно, большое значение имела постановка нравственных проблем: недаром именно эта сторона вопроса привлекала внимание и вызывала сочувствие к

материалам журнала со стороны передовых деятелей русской культуры даже спустя почти целое столетие. «В „Утреннем свете” помещались рассуждения о бессмертии души, о назначении человека, Федон, жизнь Сократа и т.д. Может быть, в этом была и крайность, но теперь впали в худшую», — писал Л.Н.Толстой³².

Наконец, открытое осознание и провозглашение внесословной ценности человеческой личности, несомненно, имело огромное значение для современников Н.И. Новикова; проблема человека, более всего волновавшая людей эпохи Просвещения, — главная тема всех материалов журнала.

Все это дает основание говорить об «Утреннем свете» как о явлении, весьма значимом в истории русской общественной и философской мысли.

* * *

Вспоминая дни своей литературной молодости, член Российской академии поэт М.Н. Муравьев писал: «...в школе Хераскова и Майкова думал я почерпать волшебные струи дарования и восторга. После моего незаметного явления в литературе российской счастливейшие разумы выросли в исполинов. Бессмертный творец Фелицы не сиял еще в полудни славы своей. Рассказчик “Бедной Лизы” и “Натальи, дочери боярской” не видал еще Боннэта и Виланда, Дмитриев не написал “Сизого голубка” своего. Но Богданович писал тогда плавание Венеры, добрый Княжнин ескисировал трагедии Метастазия Косорукого. Гордый Петров приневоливал Вергилиеву музу пить невскую воду, Фонвизин унижал свое колкое остроумие “Посланием к Ямщикову”, Капнист ссорился с рифмокропателями, Хемницер... сплетал простосердечные басни, Львов писал своего “Сильфа”. Ханыков переводил “Арийну, или Игралище Папской туфель”. Новиков наполнял “Утренний свет” мечтаниями новых и древних нравоучителей. Майков писал аллегорические повести. Вот эпоха моей недолговечной Музы. От 1772 по 1784»³³.

Михаил Никитич Муравьев прибыл в Петербург из Твери для прохождения службы в лейб-гвардии Измайловском полку в октябре 1772 года. Знакомство с известным стихотворцем В.И. Майковым, а позднее с М.М. Херасковым, который с тех пор неизменно ему покровительствовал, помогли М.Н. Муравьеву довольно скоро стать своим человеком в кругу столичных литераторов. Новиков не мог не заметить одаренного юношу поэта, владеющего иностранными языками, и, когда в августе 1777 года подбирал сотрудников для журнала «Утренний свет», решил пригласить туда и

Муравьева. 8 августа 1777 года Муравьев впервые переступил порог новиковского дома. Разговор шел о литературе, о перспективах издания нового журнала, в котором главная «материя должна принадлежать или к морали, или к истории». Большое человеческое обаяние Н.И. Новикова притягивало к нему многих. Муравьев не был исключением. «Не знаю, что побуждает меня к нему зайти, — сообщает он в одном из писем к родным. — Минута, которую думал я провести у него, нечувствительно задлилась».

Им было о чем поговорить уже в тот первый день знакомства. Вспомнили гимназию Московского университета, где оба в разное время учились, лейб-гвардии Измайловский полк, в котором некогда служил Новиков. И так, слово за слово, просидели, проговорили все утро. Муравьев хотел было спросить, не Новиков ли издает «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Интерес молодого поэта вполне понятен: он послал в журнал несколько стихотворений, не указав своего авторства. И теперь, когда журнал почему-то долго не выходил, не мог не интересоваться их судьбой. Однако спрашивать Новикова об этом не решился. Раз издатели не хотят обнародовать своих имен, то, вероятно, на это есть свои причины.

Вскоре между Новиковым и Муравьевым установились самые добрые дружеские отношения. «Ежели долго не побываю, — пишет Муравьев, — неотменно пришлет к себе звать». Умевший хорошо разбираться в людях, Николай Иванович очень дорожил общением с молодым одаренным сержантом лейб-гвардии Измайловского полка. 25 октября 1777 года, в день своего двадцатилетия, Муравьев был приглашен к Новикову на обед. Здесь он встретил поэта и драматурга Я.Б. Княжнина, с которым познакомился вскоре после своего приезда в Петербург. Вновь говорили о литературе, о том, каким видят собеседники «Утренний свет». Новиков тут же обратился с просьбой к Муравьеву переслать в Тверь несколько объявлений для подписки на новое ежемесячное издание. «Быть может, не только ваш батюшка, но и кое-кто из знакомых изволят подписаться, — заметил Новиков. — Я думаю, что будут охотники». В этот же день 25 октября исполнилось 44 года Михаилу Матвеевичу Хераскову, близкому другу и сотруднику Новикова, заботливому наставнику Муравьева. Прямо из дома Новикова все трое отправились к Хераскову. В тот день двоюродная сестра М.М. Хераскова, княжна Е.С. Урусова, читала свои стихи на смерть А.П. Сумарокова, и Муравьеву непременно захотелось прочесть свои. Но при гостях он этого делать не стал, а заглянул к Хераскову через несколько дней.

Михаилу Матвеевичу стихи понравились. «Вы любите чисто и рельефно

вырабатывать мысли», — сказал он и рекомендовал обратиться к Новикову, с тем, чтобы тот их напечатал. Окрыленный похвалой Хераскова, Муравьев уже на следующий день был у Николая Ивановича. Однако Новиков отсоветовал молодому автору их публиковать. Сам Муравьев об этом говорит так:

«Читаючи их, припали нам некоторые рассуждения, которые нас поостановили. <...> Причины Новикова приносят честь его образу мысли. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворчестве и невозможно. Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов»³⁴. Нравственный и литературный авторитет Новикова был для Муравьева чрезвычайно высок, и он, не вполне соглашаясь с новиковским взглядом на поэзию и сомневаясь в возможности требовать «точности в стихотворстве», тем не менее от публикации своих стихов отказался.

Летом 1778 года Новиков по семейным делам ездил в Москву и на обратном пути побывал в Твери у отца М.Н. Муравьева, Никиты Артамоновича. Извинился, что «Утренний свет» нерегулярно распространяется в Твери. (Из-за невнимательности почты экземпляры тверских подписчиков были отправлены в Москву, а там, за отсутствием адресатов, их вернули в Петербург. И лишь после этого, с большим опозданием, доставили тверитянам.) Новиков был очень рад услышать, что, несмотря на это, все готовы продлить подписку на будущий год. На Никиту Артамоновича Новиков произвел самое приятное впечатление, о чем он и уведомил сына в начале сентября 1778 года. Михаил Никитич был рад узнать, что его мнение о Новикове — «он еще более честный и постоянный человек, нежели хороший писатель», — разделяют отец и сестра.

25 октября 1778 года в Петербургском доме Н.И. Новикова вновь праздновали день рождения М.Н. Муравьева. Вспоминали прошлогоднее веселье в доме М.М. Хераскова, который уже третий месяц жил в Москве. В июле 1778 года он был назначен куратором Московского университета и с радостью вернулся в любимую им древнюю столицу. А вскоре М.Н. Муравьев узнал, что и сам Н.И. Новиков задумал переселиться в первопрестольную. Типография Московского университета влчила жалкое существование, и М.М. Херасков, став куратором, предложил Н.И. Новикову взяться за ее возрождение. Он был уверен, что опытный издатель сатирических журналов и исторических манускриптов не устоит перед соблазном проявить себя в столь перспективном и нужном отечеству деле. И не ошибся. Хорошенько подумав, познакомившись с университетской типографией и взвесив свои возможности, Н.И.

Новиков согласился и подписал контракт на аренду типографии сроком на десять лет — с 1 мая 1779-го по 1 мая 1789 года. Согласно контракту к издателю переходило все оборудование университетской типографии, каменный дом у Воскресенских ворот, в котором находились книжные склады, а с октября 1779 года — и университетская книжная лавка да два книжных киоска на Красной площади.

Закончив все дела в Петербурге, Н.И. Новиков окончательно переселился в Москву, где ему предстояло создать мощный издательско-просветительский центр, которому суждено было сыграть столь важную роль в литературно-общественной жизни России.

Типографщик, издатель, книгопродавец,
журналист, историк литературы, школьный попечитель,
филантроп, Новиков на всех этих поприщах оставался
одним и тем же — сеятелем просвещения.

В.О. Ключевский

Глава пятая НОВИКОВСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В середине 70-х годов в обеих российских столицах распространилась эпиграмма неизвестного остролова:

Иван Иванович Бецкий
Человек немецкий
Носил мундир шведский
Воспитатель детский
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур
Набитых дур

Так был отмечен первый выпуск Смольного института благородных девиц, первого в стране женского учебного заведения, в создании которого немалую роль сыграл видный деятель русского Просвещения Иван Иванович Бецкий (или Бецкой).

И.И. Бецкой был внебрачным сыном князя И.Ю. Трубецкого; долгие годы жил и воспитывался за границей и, кажется, в самом деле, одно время носил иноземный мундир. Екатерина II относилась к нему с большим доверием и вниманием, что даже порождало в придворной среде немало толков, особенно если учесть заметное сходство Ивана Ивановича Бецкого и самой государыни. Совпадение во взглядах на возможности путем воспитания создать «новую породу людей» обеспечивало Бецкому полную поддержку императрицы во всех его педагогических начинаниях. Именно он явился автором многих государственных документов и официальных педагогических трактатов, в которых подробно разрабатывались основные направления деятельности

учебно-воспитательных учреждений России, среди которых Смольный институт занимал особо важное место.

Отношение к воспитанницам института у многих современников было ироническим, что, в частности, отразилось и в эпиграмме о выпущенных в свет шести десятках «набитых дур». Однако несправедливость подобного высокомерного взгляда становится очевидной уже при первом внимательном знакомстве с программой обучения и воспитания девушек в Смольном, где была поставлена задача «обучать российскому и чужеземным языкам, дабы на оных исправно читать, писать и говорить умели; арифметике, географии, истории, стихотворству и отчасти архитектуре и геральдике, а в художествах наставлять рисованию, миниатюре, танцеванию, музыке вокальной и инструментальной, шитью всякого рода, вязанию и плетению шелковому, нитяному, шерстяному и бумажному, а к сему присовокупить надлежит и все части экономии»¹.

Закончившие курс Смольного института восемнадцатилетние воспитанницы становились, вне всякого сомнения, образованнейшими среди своих современниц. Так, из всех дочерей обер-прокурора сената А.А. Дьякова, получивших прекрасное домашнее образование и воспитание, заметно выделялась Александра Алексеевна, выпускница Смольного института. (Впоследствии она стала женой поэта В.В. Капниста, две другие сестры вышли замуж за Н.А. Львова и Г.Р. Державина.) По словам мемуариста Ф.Ф. Вигеля, встреченная им в провинции смолянка «женщина умная... в ней можно видеть разницу между просвещением и образованием. Занятия ею жизни были новостью для пензенских барышень; она любила много читать и даже переводить книги, сама учила детей, украшала свой сад, выписывала редкие растения».

Но дело не ограничивалось образованием. Большое внимание уделялось именно просвещению, формированию мировоззрения и душевных качеств воспитанниц, их подготовке к будущей семейной жизни, непростому искусству быть хозяйкой дома, женой, матерью, воспитательницей будущих граждан страны.

От вас науке ждем и вкусу мы наград
И просвещенных чад, —

писал по этому поводу А.П. Сумароков.

Неудивительно, что многие молодые дворяне, желавшие обеспечить себе удачную семейную жизнь, стремились жениться на смолянках, или монастырках, как

тогда называли воспитанниц Смольного института. Вот признание одного из них, известного мемуариста, поэта И.М. Долгорукого: «Привыкнув к обращению с ними, я пленялся их воспитанием, простосердечием, добродетельными побуждениями души и здравым рассудком. Они не умели притворяться и лукавить; всегда были открыты со всяким и никакого не показывали кокетства в поведении. Мне всегда хотелось, когда я помышлял о женитьбе, выбрать монастырку...»

Долгоруков действительно был дважды женат на выпускницах Смольного института, и оба его брака оказались счастливыми. Образцом самопожертвования и самоотверженной преданности может служить выпускница Смольного Е.В. Рубановская, жена А.Н. Радищева, которая не задумываясь отправилась за ним в сибирскую ссылку, как бы пролагая путь для замечательных русских женщин — жен будущих декабристов. Все годы своего добровольного изгнания Е.В. Рубановская переписывалась со своей близкой подругой по Смольному институту, которую по старой привычке звала Алымушкой, хотя Глафира Ивановна Алымова, опекавшая в отсутствие Радищева его несовершеннолетних сыновей, давно вышла замуж за поэта А.А. Ржевского, стала матерью четверых детей и уже весьма мало была похожа на девушку-арфистку, изображенную некогда живописцем Д.Г. Левицким.

Воспитанные на идеях Просвещения, большинство смолянок сумели выработать в себе высокие принципы и убеждения и следовать им в течение всей жизни, несмотря на трудности и испытания, выпадавшие на их жизненном пути, к которым смолянки были, как правило, не готовы. Многие из них стали верными женами выдающихся деятелей русской культуры XVIII века.

Живя в Петербурге, Новиков изредка встречал смолянок на прогулках по Неве и в Летнем саду, в залах Эрмитажа, на спектаклях и концертах в самом Смольном институте. Переехав в Москву, Николай Иванович стал часто бывать в доме известного московского масона князя Николая Никитича Трубецкого, где вскоре познакомился с его племянницей, недавней выпускницей Смольного Александрой Егоровной Римской-Корсаковой. Александра Егоровна, не в пример многим чопорным московским барышням, держала себя свободно и естественно, с благородным достоинством вела беседу с важными гостями дома Трубецких, была внимательна и приветлива к Николаю Ивановичу, общение с которым доставляло ей немало радости. Они говорили о книгах, издававшихся Новиковым, о его сатирических и исторических журналах, которые Александра Егоровна читала еще в Петербурге, а также о планах будущих изданий. Беседуя как старые и добрые знакомые, молодые люди время от времени вспоминали и

о спектаклях в Смольном институте, на которых, как выяснилось, иной раз бывал и Новиков.

С каждым новым визитом в дом князя Н.Н. Трубецкого в душе Н.И. Новикова крепло желание соединить свою судьбу с этой милой, кроткой, застенчивой девушкой, отличавшейся умом и образованностью, хорошим вкусом и добронравием. Вскоре он сделал официальное предложение. Князь Н.Н. Трубецкой, бывший опекуном бедной сироты, с готовностью согласился, и весной 1781 года сыграли свадьбу. Через год в семье Новиковых появился первенец — Ваня, а еще через год — дочь Варя. Осенью 1782 года Новиков купил за тринадцать тысяч рублей двухэтажный каменный дом на Лубянской площади близ Никольских ворот, перестроил его и поселился с семьей. Здесь же он разместил университетскую типографию и открыл книжный магазин. А когда в январе 1783 года специальным екатерининским указом частным лицам было разрешено заводить «вольные типографии», в доме Н.И.Новикова появилась и «вольная типграфия» самого хозяина. Тогда же были созданы еще две типографии московских масонов — «вольная» в доме И.В. Лопухина и «тайная» в доме И.Г. Шварца у Меншиковой башни.

* * *

Вспоминая много лет спустя о важнейших и достопамятнейших событиях своей долгой жизни, известный русский мемуарист А.Т. Болотов писал: «Стараниями Новикова весьма многим, одаренным склонностью к наукам и способностью к писанию и сочинениям, отворен был путь и преподан случай и возможность к оказанию своих способностей и сил разума, так что чрез самое то сделались они потом сочинителями и такими авторами, которые ныне истинную честь приносят своему отечеству»².

К числу тех авторов, которые «истинную честь приносят своему отечеству» и которым оказал помощь и поддержку Н.И. Новиков, А.Т. Болотов без преувеличения мог бы отнести и самого себя.

Встреча Новикова с Болотовым состоялась осенью 1779 года и была для них взаимовыгодной и «благоприятной». Серьезный знаток сельского хозяйства, родоначальник русской агрономии, А.Т. Болотов внимательно следил за новинками в иностранных журналах, выписывал и переводил интересовавшие его статьи, уделял немало времени и сил сельскохозяйственной практике как в собственном небольшом имении, так и в имениях дворцовой Богородицкой волости, управителем которой он

был. Имя А.Т. Болотова было известно русским читателям. Его статьи печатались в журнале Вольного экономического общества в Петербурге, а позднее он сам стал готовить еженедельник «Сельский житель», за издание которого взялся издатель и книгопродавец Московского университета Ридигер. Поначалу журнал имел немалый успех, но вскоре число «пренумерантов» поубавилось, и Ридигер решил прекратить издание, грозившее стать убыточным. Поэтому как только Болотов выбрался в Москву, он тотчас отправился в университетскую типографию к своему издателю Ридигеру. Здесь-то он и узнал, что отныне арендует типографию Н.И. Новиков, знакомство с которым стало очень важным событием в его жизни.

Н.И. Новиков с пониманием отнесся к заботам А.Т. Болотова и предложил возобновить издание журнала, положив ему при этом вдвое большее вознаграждение. Новиков обещал быть «несравненно лучшим комиссионером и издателем, нежели каков был немчура Ридигер». Новый журнал стал называться «Экономический магазин». Работая у Новикова на столь выгодных условиях, Болотов вскоре сделался «известным и именитейшим экономическим писателем». Свою удачу он справедливо связывал с деятельностью Новикова, хотя и понимал это несколько своеобразно. «Как человек сей, как я после узнал, — пишет Болотов, — был какою-то заметною и важною особою у масонов и имел обширные связи и превеликое знакомство, то и имел в том далеко уже не такой успех, как прежний немчура Ридигер».

Впрочем, масонские связи Новикова несколько насторожили осторожного и боязливого Болотова, хотя для скуповатого и расчетливого Андрея Тимофеевича реальные деньги, которые он получал за свой журнал от Новикова, были гораздо более значимы, чем темные слухи о масонах, носившиеся в среде московских обывателей. И потому в свой следующий приезд в Москву в январе 1781 года Болотов тотчас поспешил к знакомому дому, где его радушно встретил гостеприимный хозяин. Новиков провел гостя в «просторнейшие и порядочно убранные комнаты» верхнего этажа. Здесь он нашел «стол и вкусной и изобильной и довольное за ним общество». По свидетельству Болотова, неоднократно затем посещавшего Новикова, «у него всякий день обедало по несколько человек из его знакомых, оказывающих ему отменное уважение». Как вспоминал Андрей Тимофеевич, в свой первый же визит к Новикову, «продолжая обращаться с ним просто и дружески, имел при сем свидании случай переговорить с ним кое-что о нашем деле и о издаваемом „Экономическом магазине“». Это неопределенное «кое-что» из беседы с Новиковым сам Болотов излагает в своих записках достаточно подробно.

— Судите сами, — шутливо обратился он к своему издателю, — я должен работать один-одинехонек и писать такое множество.

— Хорошо, — подхватил Новиков, — я не прочь от того и прибавлю вам еще на первый случай 50 рублей, а там посмотрим, как пойдет наше дело впредь, и, буде хорошо, прибавлю вам и еще.

Болотов с удовольствием посещал дом Новикова и пользовался его гостеприимством и хлебосольством. И, пожалуй, только «знаменательный разговор» 8 января 1781 года вновь заставил его насторожиться. В этот день хозяин завел с ним беседу о масонстве и, по твердому убеждению прагматичного А.Т. Болотова, «с тем бесомненно намерением, чтоб чрез то, как гранметру своей секты, сделать и меня своим с сей стороны подчиненным и приобрести во мне дарового работника».

Андрей Тимофеевич подробнейшим образом повествует об этом разговоре, о том, как Новиков, «заведя меня в свой кабинет, начал меня расспрашивать, не принадлежу ли я к какому-нибудь ордену?». Болотов холодно отвечал, что не принадлежит и не принадлежал, а на предложение вступить в общество близких Новикову собратьев-масонов ответил категорическим отказом, не дав «прельститься» себя выгодами братства, дружества и добродетели». Слова Новикова о возможности участвовать в деле помощи ближнему, самосовершенствования и самопознания не произвели на Болотова никакого впечатления.

«Нет, батюшка Николай Иванович, — твердо заявил Болотов, — дружбу и приязнь иметь с вами готов. А что касается до предполагаемого вами, так покорно прошу меня от того уволить, что вы ни говорите в похвалу вашему обществу, мне давно известно, и вы не первый, а меня уж многие старались преклонить ко вступлению в масонский орден и в другие секты общества; но я дал с молодых лет на себя зарок и сам себя заклил, чтоб отнюдь не вступать ни в какой тайный орден и сокровенное общество!» — «Но для чего же?» — подхватил он [Новиков] — «А для того, что, зная существенно, чем и как обязует нас и один наш христианский закон, думаю, что нам и тех должностей и обязанностей довольно, какими он нас к исполнению обязует, нет никакой нужды обязывать себя какими-либо другими должностями, а дай нам Бог, чтоб и те только исполнить, которыми образует нас христианская вера!»

Новиков поспешил заверить собеседника, что их орден не противоречит христианству и что можно одновременно быть верным христианином и масоном.

«Знаю, батюшка, — отмахнулся Болотов, — и слышал много раз все сие, но

опять повторяю, что как бы то ни было, но меня покорно прошу от того уволить и в рассуждении меня никакого счета не делать.

Скажу вам прямо, что я клятвы своей до сего времени держался и впредь всегда держаться буду, и потому все ваши убеждения будут относительно до меня тщетны и труды, употребленные к сему, напрасны; а что касается до моего к вам искреннего почтения и дружбы, то я вам ее обещаю и без того, и вы найдете во мне человека, которым будете довольны, и о том перестанем говорить».

«Ну так и быть! — заключил Новиков. — Что мне с вами таким упрямым делать? Но по крайней мере испрашиваю я от вас продолжение начатого вашего дружества и любви».

На том и закончилась эта беседа. Новиков вскоре вручил Болотову его гонорар за «Экономический магазин» и сказал, что М.М. Херасков «восхотел его лично узнать и просил приезжать».

А.Т. Болотову было лестно познакомиться с куратором Московского университета, известным писателем и вельможей, который принял его «без наималейшей гордости и спеси» и «упросил даже вступить с ним в ученую переписку». Правда, общение с московскими знаменитостями никак не устраивало А.Т. Болотова: все они так или иначе были связаны с масонством. Потому и бывать у Хераскова Андрей Тимофеевич вскоре также перестал.

«Со всем тем, — вспоминал он впоследствии, — как слыхнулось мне, что принадлежал и сей вельможа к масонскому ордену и по сей части был в связи с Новиковым, то хотя и обещал по требованию и желанию его продолжать с ними знакомство, но положил и в рассуждении его принимать возможнейшую осторожность и приезжать к нему не слишком часто».

Вскоре Болотов покинул Москву. Вернувшись домой, он отыскал сделанный им еще в Кенигсберге перевод проповеди «О безумии идущих против Бога и неверующих Провидению» и отправил его своему издателю.

Новиков напечатал болотовский перевод в «Московском ежемесячном издании».

* * *

В том самом 1779 году, когда Н.И.Новиков переселился в Москву, в Московском университете появился новый профессор — Иоганн Георг Шварц,

которого его коллеги-преподаватели и студенты именовали на русский манер Иван Егорович. Отличавшийся глубокой религиозностью и фанатично преданный идеям масонства, Шварц вскоре занял важное место в среде московских масонов, а его связи с курляндскими и немецкими «братьями», в ложах которых он состоял уже много лет, предопределили роль посредника между русским и западноевропейским масонством.

Шварц был талантливым педагогом, обладал сильной волей и даром прирожденного оратора, что сделало его весьма популярным в среде московского студенчества. Не ограничиваясь рамками официальных занятий в университете, Шварц читал на дому приватный курс философских лекций, в которых стремился опровергнуть материализм и утвердить идеи христианского мистицизма. Мистическая пропаганда энергичного проповедника давала вполне реальные результаты.

«Простое слова Шварца, — вспоминал А.Ф.Лабзин, — исторгало из рук многих соблазнительные и безбожные книги и поместило на их место Святую библию». Считая масонство единственным учением, способным привести человечество к счастью, Шварц страстно обличал пороки современного общества, стремясь убедить своих слушателей в необходимости обращения к практике масонских работ». Один из воспитанников профессора вспоминал: «Сила, с которой он говорил, смелость (скажу даже безрассудная дерзость), с которой он, невзирая ни на что, бичевал политические и церковные злоупотребления, были удивительны»³.

Шварц был искренне уверен, что занимается великим делом просвещения России. Что касается организации системы образования, создания совместно с Н.И. Новиковым школ и семинарий, издания и распространения общеобразовательной литературы и тому подобных предметов, то так оно и было.

Отношения Н.И. Новикова и И.Г. Шварца были неоднозначны. «В одно утро, — вспоминал Новиков, — пришел ко мне немчик, с которым поговоря стал я неразлучен до конца жизни». И это правда. Новиков испытал на себе обаяние личности Шварца. Он очень ценил его помощь в организации многих совместных масонских и типографских дел, его глубокую религиозность и самоотверженную преданность масонским идеям, которые увлекали и самого Н.И. Новикова. Когда после ухода из университета Шварц вынужден был отказаться от казенной квартиры, Новиков предложил ему поселиться в собственном доме, а после смерти Шварца приютил у себя его семью, постоянно затем проживающую в Авдотьино.

Однако Новиков, поддерживая дружеские отношения, далеко не всегда разделял взгляды Шварца, а потому нередко выступал его противником. Так, например, он

отверг предложение сделать Шварца управляющим университетской типографией, рекомендовав на эту должность другого сотрудника, выражал резкое недовольство по поводу сближения с немецкими масонами, о чем очень хлопотал И.Г. Шварц, не одобрял некоторых крайностей мистицизма, активно пропагандировавшихся Шварцем в его лекциях и печатных изданиях.

Авторитет И.Г. Шварца в среде русских масонов во многом базировался на его долголетней масонской биографии, связях с западноевропейским масонством, которое, как считали русские братья, достигло невиданных успехов в деле обретения масонских мистических откровений. Вот почему, когда в 1781 году Шварц в качестве воспитателя сына одного из московских богачей — Петра Татищева, отправился в заграничное путешествие, русские масоны дали ему весьма важное для них поручение. «Наставление дали ему такое, чтобы он искал и старался получить акты истинного масонства, — вспоминал об этом Н.И. Новиков, — которого начала получили мы от барона Рейхеля, но стрикт-обсервантских, французских и вообще имеющих какие-нибудь политические виды не принимал бы; но ежели тут не найдется того, то старался бы узнать, где найти оное можно». Кроме того, Шварцу поручалось использовать все свои масонские связи для того, чтобы добиться независимости русского масонства от западного руководства, прежде всего от Швеции, откровенно пытавшейся втянуть своих подопечных в России в политические интриги.

Как уже отмечалось, особенность русского масонства состояла в том, что оно вовсе не стремилось к участию в «работах» всемирной организации масонского «братства» и к влиянию на мировую политику. Русские люди, входившие в ложи, пытались те общие принципы масонства, что имели, по их мнению, гуманистический характер, претворить практически, непосредственно в русской жизни, направить их на благо родной страны. С этим связаны неоднократные попытки русских масонов освободиться от своих западных «руководителей», добиться независимости от высшего руководства тех систем, у которых были заимствованы масонские формы объединения.

Шварцу удалось добиться освобождения русского масонства от шведских лож, чему в немалой степени содействовал герцог Фердинанд Брауншвейгский; именно при посредничестве герцога Брауншвейгского представители русского масонства были приглашены на Вильгельмсбадский масонский конвент, и здесь в июле 1782 года Россия была провозглашена самостоятельной восьмой масонской провинцией всемирного ордена. Но эmissар русских масонов И.Г. Шварц тут же «вывез» для своих русских «братьев» акты новой системы — розенкрейцерства, с подчинением

берлинскому розенкрейцерскому руководству.

«Услышавши сие от профессора Шварца, — свидетельствует Н.И. Новиков, — мы все были крайне недовольны и сказали ему, что это совершенно против нашего желания, что мы сих связей и союзов не искали и не хотим»⁴.

Заявление Н.И. Новикова было совершенно искренним. Русские масоны рассматривали обращение к герцогу Брауншвейгскому лишь как шаг на пути к освобождению от иностранного влияния и к обретению реальной масонской самостоятельности, что и должен был подтвердить Вильгельмсбадский конвент. Русские масоны высказывались об этом достаточно определенно: «Когда мы искали ордена и провинции в России, то намерение наше клонилось токмо к тому, чтобы показать чужестранным бр<атьям>, что Россия, подобна им, есть корпус масонский и что потому ею, как трепицею, посужаться (как то до того времени было) невозможно, ибо нам казалось и кажется стыдно, что Россия, занимающая большую часть Европы пространством своим, долженствует зависеть от другого, меньшего ею государства»⁵.

Отстаивая идею независимости масонства России от иностранных «опекунов» и утверждая ее в сознании русских «братьев», Н.Н. Трубецкой писал: «Сие-то мнение нужно, чтобы русские бр<атья> впечатлели в свое сердце и перестали бы волочиться за всяким побродягой, который, быв ничего в ордене, выдает себя здесь за великого»⁶.

Кроме того, активные контакты с герцогом Ф. Брауншвейгским и немецкими руководителями розенкрейцерства были весьма подозрительны для русского правительства. Недаром десять лет спустя эти контакты были предъявлены Н.И. Новикову в качестве одного из важных пунктов обвинения. Как мы видим, Новиков и сам отнесся к ним очень подозрительно. Однако Шварц уверял Николая Ивановича, что речь идет лишь о сугубо масонских, религиозно-мистических поисках, чем в определенной мере и сумел его успокоить. Кроме того, наедине с Н.И. Новиковым и Н.Н. Трубецким Шварц более подробно рассказал о своих встречах в Германии. Он пояснил, что они были совершенно необходимы, что он встречался не только с герцогом Фердинандом Брауншвейгским, но и с руководителями берлинских розенкрейцеров Вельнером и Теденом (крупными мистиками и политическими авантюристами того времени. — *С.Н.*) и что именно от них получил акты «истинного масонства», о которых так просили его московские собратья по ордену. В частности, Шварц предъявил официальный документ на право называться верховным представителем «теоретической степени» в России. Еще один документ утверждал в должности заместителя Шварца Н.И. Новикова, также получившего «теоретическую

степень», только рангом ниже. Своими рассказами о давних традициях западноевропейской, прежде всего германской, «герметической» науки, на которых основан «теоретический градус» — преддверье истинного масонства, Шварц во многом смел убедить Н.И. Новикова и Н.Н. Трубецкого.

Безграничные возможности в познании Бога, природы и человека, тайны алхимии, открывающие невиданные перспективы для тех, кто путем самосовершенствования и самопознания достигнет высших степеней розенкрейцерства, привлекали русских масонов.

Шварц уговаривал их написать берлинским руководителям личные прошения о принятии в высшие степени розенкрейцерства, сопроводив их крупным денежным пожертвованием. Новиков и его единомышленники колебались. Понимая, как важна в этом вопросе позиция великого русского просветителя, Шварц употребил все свое красноречие, чтобы убедить Николая Ивановича в необходимости этого шага.

«При сем случае спросил я его, — вспоминал Н.И. Новиков, — чтобы он дал мне верное понятие об Ордене и какой его предмет; на что он мне отвечал: что предмет его познание Бога, натуры и себя кратчайшим и вернейшим путем. Я спросил: нет ли чего в Ордене противного христианскому учению? Он отвечал: нет! Орден в своем учении идет по стопам христианского учения и требует от своих членов, чтобы они были лучшими христианами, лучшими подданными, лучшими гражданами, отцами и проч., нежели как были они до вступления в Орден. Я спросил: нет ли чего против государей? Он отвечал: нет! и поклялся в этом. Я написал прошение от себя и, взяв от других, отдал ему...»

Таким образом, составилось тайное братство «теоретического градуса» московских масонов-розенкрейцеров в лице И.Г. Шварца, Н.И. Новикова, С.И. Гамалеи, И.В. Лопухина, И.П. Тургенева, А.М. Кутузова, В.В. Чулкова, А.И. Новикова, князей Трубецких, князя К.М. Енгальчева, П.А. Татищева, М.М. Хераскова и других. Тесный круг ближайших единомышленников, казалось, поверил в успех своего масонского предприятия в деле обретения высших мистических истин и ценностей масонства. Но все-таки Н.И. Новикова не покидало ощущение настороженности в отношении новой, «Вельнеровой связи», да и многие идеи Шварца он встречал уже без былой уверенности в их справедливости. Обо всем этом сам Николай Иванович впоследствии скажет: «Между профессором Шварцем и мною частые были неудовольствия, так что произошла между ними холодность и недоверчивость, продолжавшаяся до смерти его. Он меня подозревал в холодности к масонству и

Ордену потому, что я, быв совершенно занят типографскими делами, упражнялся в том урывками; а я, ведая пылкость его характера и скорость, удерживал его, опасаясь, чтобы в чем не проступить, и с великою осторожностью смотрел на все, что он делал, сколько мне было возможно».

Впрочем, во многих практических делах Новиков и Шварц выступали единомышленниками. Так было, например, в 1782 году, когда создавалось Дружеское ученое общество — филантропическая и просветительская организация, со своими учебными заведениями, библиотекой, а позднее и типографией.

Торжественное открытие Дружеского ученого общества было назначено на 6 ноября 1782 года. К этому дню Новиков отпечатал в университетской типографии и разослал приглашения многим москвичам. В пригласительном билете говорилось:

Дружеское
Ученое Общество
с достодолжным высокопочитанием
приглашает сим и просит
именитейших
любителей наук
и покровителей учености
удостоить своим присутствием
Торжественное
его
Открытие
имеющее быть в доме
Его Высокородия
Петра Алексеевича
Татищева
Ноября 6 дня, 1782 года

Далее следовало подробное изложение целей и задач нового объединения. Опираясь на примеры из древней истории, говорилось об общественной значимости правильного употребления свободного времени. Учредители предлагали, «учинив выбор друзей, знаменитых разными дарованиями и добродетелями, составить Общество; и сим способом подкрепить себя взаимной помощью, дабы тем удобнее труд и упражнение свободного нашего времени обратить в пользу и к сведению

многих, что все вне нашего союза было бы слабо и осталось во тьмою неизвестности покрыто».

В приглашении указывалось, что под эгидой общества уже учреждена Филологическая семинария на тридцать пять человек, выпускники которой после трехлетнего обучения вступят в «учительское звание».

Дабы не возникло сомнений в лояльности властей к новому сообществу, подчеркивалось, что ему покровительствует главнокомандующий Москвы и Московской губернии генерал-фельдмаршал З.Г. Чернышев, архиепископ Московский Платон, кураторы университета И.И. Мелиссино и М.М.Херасков, а также многие другие именитые любители наук и просвещения. Выражалась надежда и на возможное высочайшее покровительство самой Екатерины, в царствование которой, как было заявлено в приглашении, «Ее подданные доведены до того, что могут они наслаждаться свободным временем и спокойствием и упражняться в науках».

В таком же духе были выдержаны и выступления членов нового общества на церемонии его открытия, состоявшейся в большом парадном зале особняка известного московского богача П.А. Татищева у Красных ворот.

На церемонии присутствовал московский главнокомандующий З.Г. Чернышев и другие знатные особы. Ожидали прибытия архиепископа Платона, но тот в последний момент передал, что приехать не сможет.

Был оглашен протокол о делах членов новиковского кружка до момента его преобразования в Дружеское ученое общество, а также определены основные задачи на ближайшие годы. Учредители общества и его питомцы произносили речи, читали стихи, после чего Новиков поднес каждому из присутствующих свои новые издания. По незыблемой традиции XVIII столетия на открытие нового общества были написаны стихи. Наиболее удачной Новиков и его друзья сочли оду члена Дружеского ученого общества Федора Петровича Ключарева, которому и было предложено огласить ее в день торжества:

Объемлет чувства огонь священный,
Мой дух стремится воспарить,
Во храм, от смертных сокровенный,
И книгу промысла открыть!

Я тако вижу восхищенный,

Здесь красную весну наук
Се мужи, в подвиг устремленны,
Вступают в их обширный круг.
Я чистым воздухом дышаю,
Огнем священной дружбы таю;
Отныне буду их певец!
Они, что в древности читают,
То в пользу ближних направляют
И цепь слагают из сердец!

Своеобразным комментарием к стихам Ф.П. Ключарева стала последовавшая за ними речь П.И. Строхова о пользе учения и заключительное слово самого Н.И. Новикова.

Торжества открытия прошли как нельзя лучше. Казалось, очевидная польза Дружеского ученого общества обеспечивала ему наилучшие возможности дальнейшей работы. Поначалу так и было. Известный поэт И.И. Дмитриев вспоминал в своих «Записках» о том, «как Дружеское Ученое Общество в полной безопасности процветало, как члены его с общего согласия носили явно кафтаны одинакового покроя и цвета, голубые с золотыми петлицами». В дополнение к Филологической, или Педагогической, семинарии, в задачу которой входила подготовка учителей для школ и училищ, была создана Переводческая семинария, где готовили переводчиков для работы в новиковских типографиях.

На Садово-Спасской улице разместилась огромная аптека Дружеского ученого общества, в которой работали известные фармацевты, приглашенные из-за границы. Все новейшие медицинские препараты, появляющиеся в различных европейских странах, выписывались для аптеки на Садово-Спасской. При этом лекарства отпускались по весьма низким ценам, а бедняки и вовсе получали их бесплатно. Капитал общества был составлен из добровольных пожертвований его участников. Вклады были довольно крупные, и это дало возможность в период неурожая и голода бесплатно раздавать хлеб бедным и неимущим, спасая тем самым многих людей от голодной смерти и хищных лап спекулянтов. «Во всех этих предприятиях, — писал А.И. Герцен, — Новиков пользовался огромной поддержкой франкмасонов, будучи великим мастером масонской ложи. Каким великим делом оказалась эта смелая мысль — объединить во имя нравственного интереса в братскую семью все, что есть

умственно зрелого, от крупного сановника империи, как князь Лопухин, до бедного школьного учителя и уездного лекаря!»⁷

На основе Дружеского ученого общества вскоре была создана «Типографическая компания», в задачу которой входило издание самой разнообразной печатной продукции. Душой «компании» стал Н.И. Новиков. Ежегодно в Москве, в арендуемых им типографиях, выходило около полутора сотен книг, многотомных собраний сочинений, десятки различных журналов.

Будучи «ревнителем просвещения», Новиков заботился о том, чтобы русские читатели получили сочинения лучших отечественных писателей — А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, Я.Б. Княжнина, труды профессоров Московского университета Д.С. Аничкова, С.Е. Десницкого. В переводах сотрудников Н.И. Новикова были изданы произведения Вольтера, Дидро, Руссо, Даламбера, Свифта, Фильдинга, Лессинга и многих других европейских авторов.

Помимо чисто литературных, научных и философских сочинений выходили также книги мистические, в которых читателю внушалась необходимость обращения к изучению так называемых «тайных наук». Печатались они главным образом в типографии И.В. Лопухина.

Вообще в течение 1779–1792 годов в пяти типографиях Н.И. Новикова и Типографической компании было издано более тысячи книг и журналов, или почти треть (!) всей печатной продукции России за этот период.

Одним из самых популярных новиковских изданий стала газета «Московские ведомости».

На страницах «Московских ведомостей» были поставлены многие актуальные вопросы политической жизни страны.

«Век наш, просвещенный более прежних столетий, во всех предметах, подлежащих познанию человеческому, — писал Н.И. Новиков в “Московских ведомостях”, — есть такая эпоха, в которой просвещеннейшие государи и министры пекутся о политическом благосостоянии граждан».

Тема «просвещеннейших государей» — одна из важнейших в русской культуре и общественной мысли 1760–1780-х годов. Для России этого времени она была тесно связана с именами Петра I и Екатерины II.

В общественном сознании XVIII века образ Петра I служил своего рода эталоном мудрого и великого монарха. Именем Петра клялись участники дворцовых переворотов, «кровь Петрову» воспевали поэты, приветствовавшие воцарение его

потомков, например Елизавету Петровну и Петра III. На исходе столетия подчеркнет свое родство с великим преобразователем России Павел I, демонстративно противопоставив скульптуру К.Б. Растрелли, установленную перед Михайловским замком, знаменитому «Медному всаднику» Фальконе. «Прадеду — правнук» — такую надпись велел выбить Павел I на постаменте памятника Петру Великому, которым намеревался любоваться из окон своего нового дворца.

И сам памятник, и надпись на нем были демонстративно противопоставлены екатерининскому «Медному всаднику», украшенному лаконично величавой фразой А.П. Сумарокова «Петру Первому — Екатерина Вторая». Сумароковское выражение весьма импонировало Екатерине; оно воспринималось как признание равновеликости заслуг Петра I и Екатерины II. «Великому — равная» — таков ее подтекст. Для Екатерины было чрезвычайно важно подчеркнуть свою преемственность с делом Петра. Этим оправдывалось само пребывание на престоле императрицы, не имеющей кровного родства с прославленным русским монархом и занявшей его после насильственного свержения ничтожного, но все-таки родного внука Петра I. Екатерина подчеркивала свою связь с Петром постоянно, в большом и малом. Так, одним из любимых предметов обихода государыни была табакерка с изображением Петра I. Наполненная душистым табаком, который специально для нее выращивали в садах Царского Села, табакерка постоянно находилась на рабочем столе императрицы. Как вспоминали современники, Екатерина во время деловых приемов постоянно обращалась к ней и, указывая на миниатюрный портрет царя, заявляла присутствующим, что старается продолжать дело Петра, править страной, как бы мысленно советуясь с ним.

С точки зрения официальной идеологии, величие Петра состояло прежде всего в проведении в стране прогрессивных реформ и в создании могущественной армии и флота, благодаря чему Россия сделалась сильнейшей мировой державой. И если Петра прославляли главным образом как реформатора и полководца, то величие Екатерины усматривали прежде всего в сфере законодательства. Созыв Комиссии по составлению нового Уложения, «Наказ», созданный Екатериной для работы этой Комиссии и широко разрекламированный по всей Европе, служили екатерининским панегиристам основанием для безудержного восхваления императрицы.

В 1767 году, вскоре после опубликования «Наказа», сенат и депутаты Комиссии по сочинению нового Уложения предложили государыне титул «Великой, Премудрой, Матери Отечества». Это был второй случай в русской истории: в 1721 году, по

окончании Северной войны, сенат в знак признания заслуг Петра поднес ему официальный титул «Отца Отечества» и «Великого». От лестного предложения Екатерина отказалась. Но сама идея о том, что у России есть «Отец Отечества» — Петр I и «Мать Отечества» — Екатерина II, императрица активно поддерживала.

Неудивительно, что почти во всех стихотворных произведениях того времени рядом с именем Петра возникает и имя Екатерины. Не было исключением и журнал «Собеседник любителей русского слова», где, в частности, опубликована «историческая надпись» к портрету Петра I, достаточно четко выражавшая официальную точку зрения:

Великий именем, великий был и делом;
Он звучен славою поднесь во свете целом...
И словом мы на что свой взор ни обращаем,
Повсюду дел его предметы созерцаем:
Чего же в жизни он исполнить не мог,
То привести к концу судил, как видно, бог
Преемником его, и более всех ныне
Подобной оному Второй Екатерине»⁸.

Своеобразным живописным выражением этой идеи стал и парадный портрет императрицы, который был заказан художнику Лампи. На заднем плане этого портрета Екатерины II, предназначавшегося для Георгиевского зала Эрмитажа, был изображен бюст Петра I и помещена надпись: «Она завершила то, что он начал».

В этом смысле немалый интерес представляет и работа художника Д.Г. Левицкого, исполнившего «Портрет Екатерины II — Законодательницы» по «изобретению» Н.А. Львова, вокруг которого, на основе общности идейно-эстетических позиций, объединились в 1780-е годы многие выдающиеся деятели русской культуры.

Н.А. Львов предложил художнику своеобразную программу изложения при помощи языка символов и аллегорий, столь знакомого людям XVIII столетия, просветительской идеи о монархе-законодателе.

Д.Г. Левицкий принял это предложение и создал аллегорический портрет, столь ему не свойственный, популяризируя близкую для многих представителей русского дворянского общества этого периода идею о просвещенном монархе.

Картина имела большой успех, свидетельством которого явилось стихотворное послание И.Ф. Богдановича к Д.Г. Левицкому, помещенное на страницах одного из выпусков журнала «Собеседник любителей русского слова». В своем ответе Богдановичу художник подробно изложил содержание созданного им образа. Набором символических изображений, объясненных в письме, он должен был оправдать образ законодательницы, чья справедливость и «мудрость несравненна» дают ей право быть представленной в виде жрицы — богини правосудия Фемиды.

В русской поэзии подобное изображение государыни уже было дано в прославленной оде Г.Р. Державина «Фелица»; «программа» екатерининского портрета, предложенная Левицкому Львовым, во многом питалась державинской одой.

Характерно, что именно в уста изображенной им жрицы или богини Державин вкладывает свои сокровенные мысли о достоинстве человека, о значении поэзии, о своем презрении к лести. В строках державинской оды как бы получают дальнейшее развитие основные положения львовской «программы».

Своеобразным отголоском темы «Фелицы» в творчестве самого Львова явилось его участие в создании Александровой дачи — загородного дома для любимого внука Екатерины II — будущего царя Александра I. Дача располагалась в окрестностях Павловска и должна была служить своего рода живой иллюстрацией к сказке-притче о мудрой и благотельной царевне Фелице, сочиненной Екатериной II для своих внуков и вдохновившей Г.Р. Державина на создание его знаменитой оды.

Со сказочным сюжетом были связаны многочисленные беседки, мосты, павильоны парка, в разбивке которого архитектор очень удачно использовал рельефы местности. Главной постройкой Александровой дачи был храм Фелицы, возвышавшийся на высоком, крутом холме в центре озера. Семь колонн поддерживали его круглый купол, украшенный фресками, изображавшими Петра I, взирающего с небесной высоты на «блаженствующую Россию», окруженную аллегориями богатства и просвещения. В храме в специальном сосуде хранилась роза без шипов — символ добродетели, к которой стремился главный герой сказки-притчи о мудрой Фелице. Чуть поодаль посреди возделанного поля, на краю которого приютилась хижина «поселянина» и аккуратно расставленные скирды соломы, виднелся храм Цереры, в котором помещалась статуя древнеримской богини плодородия и земледелия. Сохранился рисунок Н.А. Львова, изображающий этот храм и свидетельствующий о высоком мастерстве рисовальщика.

Концепция просвещенного абсолютизма, столь многообразно отразившаяся в

русской художественной культуре второй половины XVIII, была во многом близка Н.И. Новикову. Однако он не считал возможным согласиться с точкой зрения тех екатерининских панегиристов, которые были склонны предпочесть Петру I Екатерину II и которые, говоря о них как о равновеликих монархах, нередко вспоминали, что все же царь, при всей своей гениальности, бывал груб, жесток, деспотичен; Екатерина же выгодно отличается, мол, и своей просвещенностью, и гуманностью, и заслугами в сфере законодательства, нередко попиравшегося в начале XVIII столетия.

Президент Российской академии Е.Р. Дашкова, при всем том, что была во многом недовольна императрицею, не оценившей, по ее мнению, в должной мере преданности княгини, искренне отстаивала интересы Екатерины в ущерб авторитету Петра, говоря о котором, замечала: «Он был гениален, деятелен и стремился к совершенству, но он был совершенно невоспитан и его бурные страсти возобладали над его разумом. Он был вспыльчив, груб, деспотичен и со всеми обращался как с рабами, обязанными все терпеть... Он почти всецело уничтожил свободу и привилегии у дворян и крепостных, у последних он отнял право жалобы в суд на притеснения помещиков...»⁹

Н.И. Новикову, с его стремлениями к самосовершенствованию, подчинению своих страстей голосу разума, определявшему все свое поведение нравственными принципами христианства и «истинного масонства», отмеченные Е.Р. Дашковой черты личности царя не могли казаться привлекательными. И все же он считал Петра «чудом своего столетия». Еще в 1777 году на страницах «Утреннего света» были отмечены важнейшие заслуги монарха: «Он был в России первый солдат, первый корабельщик, первый законоподвижник, первый справщик гражданской печати». И потому центральное место среди новиковских изданий по русской истории заняли труды о Петре I, прежде всего «Анекдоты о Петре Великом» Я.Я. Штелина и 12-томное сочинение «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова.

О выходе в свет новых изданий Н.И. Новиков заблаговременно информировал читателей на страницах «Московских ведомостей». С его приходом в «Московские ведомости» число подписчиков газеты стало стремительно возрастать. Это было вызвано прежде всего тем, что помимо многочисленных иностранных известий, которым газета была до этого почти полностью посвящена, Новиков стал отводить большое место сообщениям своих корреспондентов из разных уголков России. Кроме того, издатель стал публиковать в «Прибавлениях к Московским ведомостям» интересные проблемные статьи, художественные произведения, а также

многочисленные многотомные приложения.

Особой популярностью пользовались «Экономический магазин» и «Детское чтение для сердца и разума». Материалы «Экономического магазина» исправно готовил неутомимый А.Т. Болотов. А вот для работы над первым русским журналом для детей Н.И. Новиков привлек совсем молодых сотрудников — А.В. Петрова и Н.М. Карамзина.

В 1783 году в русском языке появилось новое слово — педагогика. Разумеется, на Руси и до этого существовали учителя, школы и даже оригинальные системы образования и воспитания. Но само слово «педагогика», употребленное Н.И. Новиковым в статье «О воспитании и наставлении детей» и обозначавшее «особую и важную науку» о «воспитании тела, разума и сердца», было введено им в русский язык впервые. Н.И. Новиков очень высоко оценивал, даже переоценивал, роль воспитания в формировании личности и переустройстве общества. «Итак, процветание государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания», — писал он на страницах «Прибавления к Московским ведомостям».

Н.И. Новиков считал, что воспитание истинных патриотов и верных граждан Отечества необходимо начинать с самого раннего возраста. И вот на страницах «Детского чтения» появляются оригинальные и переводные статьи, рассказы и повести, адресованные самой юной аудитории. Большинство из них было подготовлено воспитанниками московских масонов.

Необходимость нового журнала издатель видел в том, «что детям читать нечего», и пообещал составить его из материалов, «которые, будучи соразмерны детскому пониманию слогом, доставляли бы малолетним читателям полезное и купно приятное упражнение». В этом первом русском периодическом издании для детей и юношества особенно активно работал Н.М. Карамзин. Некоторые из выпусков журнала полностью состояли из его сочинений и переводов.

Увлеченно работая в «Детском чтении», Н.М. Карамзин все более отходил от чисто масонской тематики, хотя и в оригинальных сентиментальных повестях и в переводах еще доминировали образы и представления, в широком смысле слова связанные с масонской символикой. Таковым можно считать, например, карамзинское эссе «Прогулка». Литературный герой этого эссе Н.М. Карамзина совершает длительную прогулку навстречу солнцу, которое для него «величественный образ величественного творца своего». Отправляясь гулять поздно вечером, он встречает

ранним утром восход солнца, что и является главной целью его небольшого путешествия. При этом сам маршрут — из вечерней мглы через восхождение на холм к первым лучам восходящего солнца — явно отражает масонскую символику движения от тьмы пороков и заблуждений к свету божественной истины, символику бессмертного творца, приближением к которому заканчивается это восхождение. Нельзя не отметить, что подобные «восхождения» на встречу с солнцем, «царем природы», нередко практиковались масонами. И вполне понятно сожаление А.А. Петрова, высказанное в одном из писем к Н.М. Карамзину, об отсутствии друга на этом своего рода ритуальном восхождении во время Тихвинских праздников, проходивших в имении Н.И. Новикова. Впрочем, об этом позже...

Материалы «Детского чтения» в литературно-художественной форме выражали педагогические воззрения Н.И. Новикова, а новиковский журнал, обретавший все большую популярность у читателей, стал родоначальником многих последующих изданий для детей.

После выхода последних номеров «Утреннего света» эстафету первого литературно-философского журнала России подхватило «Московское ежемесячное издание» (1781). А в 1782 году из университетской типографии Н.И. Новикова выходит «Вечерняя заря — ежемесячное издание в пользу заведенных в Санкт-Петербурге Екатерининского и Александровского училищ...». Оба училища по-прежнему существовали, и Новиков с неизменным вниманием относился к их нуждам. С неизменным вниманием и настороженностью наблюдала за их работой и императрица Екатерина II. Императрица не могла допустить, чтобы дело народного образования оказалось в энергичных руках общественной инициативы.

В 1782 году она пригласила из Австрии выдающегося педагога Ф.И. Янкович де Мириево. Серб по национальности, хорошо владевший русским языком, Янкович де Мириево по поручению Екатерины II возглавил в 1782 году «Комиссию об учреждении народных училищ». Одновременно он стал директором созданного в Петербурге Главного народного училища, а позднее руководителем учительской семинарии, которая в течение двух десятилетий готовила учителей для народных училищ нашей страны.

Создание государственной системы народного образования и весьма негативное отношение властей к учебным заведениям, основанным масонами в Санкт-Петербурге и Москве, ничуть не поколебало веры учащихся и студентов в их наставников.

Нельзя не согласиться с современным исследователем, который на основе

анализа материалов, опубликованных в журналах «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782) и «Покоящийся трудолюбец» (1784), пришел к выводу: «Истинный патриот своей страны, непримиримый борец против невежества и фанатизма, скромный и гуманный ревнитель «общего блага» — таким предстает на страницах студенческих журналов 1780-х годов идеальный гражданин новой России, имевший явное сходство с его реальным прототипом — Н.И. Новиков. «Собрание университетских питомцев, — гласила дарственная надпись М. Антонского, Лабзина и их однокашников на форзаце I части «Покоящегося трудолюбца», — в знак признательности, яко почтеннейшему члену и благодетелю своему и яко верному сыну Отечества, которым посвящается книга сия, приносит экземпляр трудов своих его благородию Николаю Ивановичу Новикову»¹⁰.

Выпускники училищ и семинарий, студенты университета, обучавшиеся на средства Дружеского ученого общества, активно сотрудничали в новиковских изданиях в качестве авторов, переводчиков и редакторов. В 1781 году многие из них объединились в упомянутом «Собрании университетских питомцев», на заседаниях которого читались и обсуждались оригинальные сочинения и переводы студенческих авторов, публиковавшиеся затем на страницах московских журналов.

Материалы масонских журналов 1780-х годов свидетельствовали об идейной неоднородности членов масонских лож, о своеобразном размежевании сил московских масонов. Так, в «Вечерней заре», редактировавшейся И.Г. Шварцем, активно пропагандировалась мистическая теория регресса современной науки, утверждалось, что расцвет научных знаний приходился на древнейшие времена, когда «ученые мужи» обладали всей полнотой «божественной премудрости».

С развитием человечества «мудрость» эта будто бы была утрачена, а потому все новейшие научные открытия не заслуживают доверия, и теперь путь науки — это путь регресса. Но истина древних не исчезла бесследно; в своеобразном зашифрованном виде, утверждали масоны, она содержится, к примеру, в древнеегипетских иероглифах, имеющих сугубо таинственный, мистический смысл, а потому их можно разгадать лишь при помощи магии, алхимии и тому подобных средств.

Истолкование древнеегипетских иероглифов, попытка их прочтения и расшифровки с помощью магии и других «тайных наук» составляли важный предмет занятий масонов-розенкрейцеров в 1780-е годы. Именно поэтому из номера в номер в журнале «Вечерняя заря», например, печатались статьи о таинствах «египетского учения».

Н.И. Новиков не считал правомерным подмену научного знания мистическим откровением или «алхимической мудростью». В одном из писем к А.А. Ржевскому он писал: «Все оные великие познания и высокие понятия большею частию только весьма забавны и подобны забавам детей, играющих Геркулесовым вооружением»¹¹.

В 1780-е годы русские масоны переводят и издают немало книг, в которых мистицизм выдается за некую извечную универсальную «науку» и утверждается, что овладеть ею способны лишь избранные. При этом подчеркивалось, что наиболее выдающиеся масоны, достигнув высших розенкрейцерских степеней, могут даже получить возможность общения с духами путем «божественной магии», а с помощью различного рода алхимических операций превращать обычные металлы в золото. Показательно, что это утверждение не оставил без внимания бывший глава русского масонства И.П. Елагин. В своих записках, порицая розенкрейцерство, утвердившееся в России в 1780-е годы, он ядовито заметил, что «все высшие степени суть выродки и уроды... в которых за взятое у приемлемого существенное золото обещается ему в награду способ к изобретению мечтательного злата»⁸¹².

Неудивительно, что на страницах русских периодических изданий все чаще появляются статьи, сатирически высмеивающие попытки «из ничего» сделать золото или же раскрывающие истинный облик тех, кто выдает себя за специалистов в области «тайных наук».

Наиболее ранним выступлением подобного рода является сатирическое изображение Н.И. Новиковым алхимического шарлатанства в его «Пословицах российских». В этом смысле особенно интересен рассказ «Свое добро теряет, а чужого желает». Сюжет рассказа, несомненно, отражает жизненную реальность: некий дворянин, увлеченный слухами о возможности «изо всего» делать золото, приобретает иностранную книгу, в которой содержится рецепт подобного рода. Следуя изложенным на страницах найденной книги рекомендациям, француз-переводчик, который «и золото делать обязался», начисто разорил дворянина затратами на создание «химической печи» и прочих «элементов» опыта; сам же, получив от него вознаграждение и содержание, сумел обогатиться. На воротах дома незадачливого дворянина соседи сделали надпись: «Здесь живет человек, который с в о е д о б р о т е р я е т , а ч у ж о г о ж е л а е т ». В финале повествования Новиков иронически замечает: «...может быть, алчность к золоту и ныне изобретает новые пословицы.

⁸ Это, однако, не мешало И.П. Елагину принимать в Петербурге Калиостро и оказывать ему свое покровительство.

Много людей есть и теперь, кои стараются изо всего делать золото, и еще больше есть писателей, кои систему сию утверждают»¹³.

Писатели, утверждающие «сию систему», — это конечно же масоны-мистики, заполнившие в 1780-е годы книжный рынок переводами многочисленных мистико-алхимических сочинений, изучение которых было для членов лож, начиная со второй — товарищеской — степени, обязательным. И Новиков достаточно определенно высказывает свое отношение к «тайным наукам». В некоторых статьях новиковского журнала «Покоящийся трудолюбец» весьма недвусмысленно говорится об алхимии как о «дурачестве», которое «от правительства равную строгость, а от просвещенных умов заслуживает равное презрение». В статье указывается, что автор видит в этой «тайной» науке «химеру, приверженцы которой или сумасбродцы, не заключенные еще в сумасшедшие дома, или обманщики».

Новиковские традиции критики и сатирического изображения и разоблачения мистико-алхимических увлечений нашли свое продолжение в деятельности многих писателей 1780–1790-х годов.

Так, в начале 1790-х годов поэт и драматург А.И. Клушин создаст комедию «Алхимист», которая с успехом будет идти на сценах Петербурга и Москвы. Успех этот, по мнению исследователей русской культуры XVIII века, был закономерен и объясняется тем, что «Алхимист» сумел затронуть живые вопросы современности; в забавной и как будто далекой по несложному сюжету от политики пьесе Клушин поставил ряд существенных проблем общественной жизни и довольно прозрачно намекнул на некоторых реальных людей своего времени».

Содержание пьесы заставляет вспомнить новиковский сатирический рассказ «Свое добро теряет, а чужое желает». («Вскипятилин — богатый, с ограниченными сведениями человек, пристрастился до сумасшествия к алхимии, желая снискать философский камень, о котором столько веков различным образом бредят. Проживает свое имение, забывает о состоянии дома, жены и о воспитании детей; тщетно Здравомыслов, друг Вскипятилина, уговаривает его оставить постыдное ослепление, унижающее человеческий разум» и т.д.)

С подробной рецензией на «Алхимиста», ни словом не обмолвившись об игре актеров, а сосредоточив все внимание исключительно на тексте пьесы, выступил в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» молодой И.А. Крылов, из статьи которого был взят цитирувавшийся выше пересказ сюжета. Как отмечал рецензент, успех пьесы был велик, поставленный в Петербурге спектакль «принят с рукоплесканиями, и не

часто можно видеть в театре такого стечения публики».

Немало резких выступлений против мистико-алхимических исканий масонов содержится и на страницах «Московского журнала», издававшегося Н.М. Карамзиным.

Н.М. Карамзин, вступивший в масонскую ложу в 1784 году и прошедший курс масонского воспитания, подобно Н.И. Новикову, знал это явление изнутри, вполне представляя себе как то ценное, что было в масонстве, так и все те вздорные, культивировавшиеся идеологами розенкрейцерства искания мистико-алхимических тайн, что были им осмеяны в журнальных статьях в начале 1790-х годов.

Как известно, приступая к изданию «Московского журнала», Н.М. Карамзин заявил, что не намерен печатать «теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пиесы». Это заявление «брата Рамзея» многие восприняли как факт полного разрыва издателя журнала с масонством. Недаром И.В. Лопухин в одном из писем заметил, что Карамзин «совсем анти того, что разумеют мартинизмом».

Знакомство с материалами «Московского журнала» убеждает в совершенно очевидной отчужденности издателя от правоверных масонов-мистиков и их мистико-алхимических увлечений. Яркий тому пример — публикация в IV и V частях журнала перевода обширной статьи «Жизнь и дела Иосифа Бальзамо, так называемого графа Калиостро». Авантюрист и мошенник международного класса, Калиостро в середине 1780-х годов объявил себя основателем так называемого египетского масонства, приняв титул «Великого копта».

В статье, излагающей основные этапы биографии Калиостро и разоблачающей деятельность европейски известного авантюриста и проходимца, довольно подробно освещались его масонские «работы». Как и в других масонских системах, существовавших в эти годы в различных европейских странах, «Великий копт» обещал своим последователям «довести их до совершенства посредством физического и нравственного возрождения», открыть им «первую материю или камень мудрых», который якобы дает человеку «силы юности и делает его бессмертным».

Нельзя не заметить, что в основных своих положениях египетское масонство Калиостро повторяет главные общемасонские принципы. Уже это должно было неприятно задеть русских масонов. Тем более что оценка этого египетского масонства, которая была дана издателем в примечаниях, звучала просто убийственно: «Впрочем, кроме вздору и нелепостей, ничего нельзя найти в сей системе».

Особенно остро это могло прозвучать для русских масонов потому, что именно истолкование древнеегипетских иероглифов, попытка их прочтения и расшифровки

при помощи магии, алхимии и других «тайных наук» составляли важный предмет занятий масонов-розенкрейцеров в 1780-е годы.

Именно поэтому из номера в номер в журнале «Вечерняя заря», руководимом И.Г. Шварцем, печатались статьи о таинствах «египетского учения».

Н.М. Карамзин это прекрасно знал; и потому совершенно неудивительно резко враждебные отзывы о нем и его журнале московских масонов-розенкрейцеров, видевших в нем отступника и нарушителя масонских принципов.

В то же время Карамзин продолжал сохранять самые дружеские отношения с Н.И. Новиковым, М.М. Херасковым, Ф.П. Ключаревым и некоторыми другими московскими масонами, дорожил участием того же Ф.П. Ключарева в «Московском журнале». Вероятно, резко выступая против алхимии и крайностей мистицизма розенкрейцеров, он, подобно Н.И. Новикову, продолжал ценить отдельные принципы масонства, которые представлялись ему наиболее привлекательными и которые стремился отстаивать и проводить в жизнь Н.И. Новиков.

По справедливому замечанию современного исследователя, материалы «Покоящегося трудолюбца» свидетельствуют о том, «что прогрессивное течение, которое пробивало себе дорогу в масонских журналах первого периода (имеются в виду прежде всего статьи, напечатанные в «Утреннем свете». — *С.Н.*), вновь вышло на поверхность»¹⁴.

Императрица Екатерина II не считала нужным анализировать материалы масонских изданий. Ей казалось, что и без чтения издававшихся Новиковым и компанией книг она понимает суть проблемы: в ложах соединились обманщики и обманутые. И те и другие чувствуют себя слишком независимо и свободно от самодержавной власти. К тому же до нее дошли слухи, что масоны пытаются связаться с наследником престола Павлом Петровичем. А этого императрица не могла простить никому.

Екатерина вновь взялась за перо. В 1785 году на сцене Эрмитажного театра разыгрывается ее комедия «Обманщик», а вскоре, в 1786 году, другая пьеса императрицы — «Обольщенный».

С первой, казалось, все было ясно: в центре пьесы обманщик Калифалкжерстон, под именем которого был выведен небезызвестный граф Калиостро, посетивший в 1780-е годы Петербург. Он варит искусственное золото хозяину дома, у которого остановился, а для более успешной «варки» отбирает у него настоящее золото и алмазы, а затем с ними исчезает. Однако в финале комедии полиции все же удастся

схватить мошенника. Нетрудно представить, с каким чувством смотрел екатерининскую комедию глава русского масонства 1770-х годов, «главный директор музыки и театра» И.П. Елагин, в петербургском доме которого жил Калиостро, заявивший о создании новой системы масонства высших степеней и проделавший со своим гостеприимным хозяином почти точь-в-точь ту же шутку, что и сценический Калифалкжерстон. Не оттого ли и явилось на свет елагинское раздраженное замечание: «...за взятое у приемлемого существенное золото обещается ему в награду способ к изобретению мечтательного злата».

Главного героя другой екатерининской комедии — «Обольщенный» — искушенные зрители узнавали сразу: под именем Радотова императрица в карикатурной форме изобразила одного из ближайших друзей Н.И. Новикова — Семена Ивановича Гамалея.

Уже в первой сцене жена главного героя сообщает зрителю о странном поведении своего супруга: «На прошедшей неделе пропали у него часы со стола, у меня табакерка; пришли ему про то сказать, он с улыбкой молвил только: хорошо, кому ни есть годятся. <...> Он уклоняется от того, что нам кажется хорошо, весело, приятно».

Подобная характеристика невольно вызывала в памяти образ С.И. Гамалея, о странном и непривычном поведении которого ходили легенды. Почему же Гамалея, этот «божий человек», стал объектом внимания венценосного автора? Видимо, потому, что именно он воплощал в практической жизни тот идеал религиозно-мистического масонского учения о человеке, к достижению которого должен был стремиться каждый «вольный каменщик». На С.И. Гамалею равнялись «братья» различных степеней, и развенчать этот идеал, показать, что он не более чем аномалия обольщенного, — означало серьезно подорвать веру в ценность тех идеалов, которые пропагандировались масонством. Екатерина сочла важным уточнить, почему она считает Радотова обольщенным: «Он доискивается вещей таких, кои давно в свете известны, что найти нет возможности, и точно всего того, что изстари замыкалось под разумным словом суемудрия! <...> Он варит золото, алмазы, составляет из росы металлы, из трав нивисть что: домогается притом иметь свидание с какими-то невидимками, посредством разных шалостей и сущих ребячеств, коими разумный свет прежних веков и нынешнего смеется».

Впрочем, «обольщенные» занимаются и более непростительными делами: «Они в намерении имеют потаенно заводить благотворительные разные заведения, как-то: школы, больницы и тому подобное, и для того стараются привлекать к себе людей

богатых».

Автор пьесы негодует, что масоны совершают эти действия «потаенно и сокровенно», в то время как в екатерининской России «благим указанием открыты всевозможные у нас к таким установлениям удобства». А следовательно, «коoliko отдаляется в жизни кто от принятых уже повсюду правил, тоliko приближается он к колобродному воображению».

Что же касается «колобродного воображения» масонов, то оно, бесспорно, должно быть наказуемо. Устами одного из героев пьесы государыня провозглашает: «Неужто есть добродетели более числом и выше тех, коих от нас требует издревле установленный у нас закон? и неужто развращенный какой толк не есть толк в себе иные и лучшие добродетели?» И делает безапелляционный вывод: «Надзирание бесспорно в руках начальства. Благодарить мы должны Провидение, что живем в такое время, где кроткие способы избираются ко исправлению».

Как известно, в качестве кроткого способа к исправлению Н.И. Новикова императрица вскоре изберет пятнадцатилетнее его заточение в Шлиссельбургской крепости. Впрочем, в екатерининском указе он был аттестован не столько оболыщенным, сколько обманщиком. В отношении же С.И. Гамалея никаких репрессий не последует. Издатель и общественный деятель Н.И. Новиков («умный и опасный человек», как называла его Екатерина) был для нее куда страшнее и серьезнее, чем блаженный С.И. Гамалея.

Когда-то княгиня Е.Р. Дашкова записала свои впечатления от встречи с Н.И. Новиковым: «Лицо его открыто, но не знаю, я как-то боюсь его: в его прекрасном лице есть что-то тайное»¹⁵. Умная, проницательная и далеко не робкая княгиня Екатерина Романовна не могла не ощутить той мощной внутренней силы, той гигантской энергии, которой обладал Н.И. Новиков. И эта сила нравственного самосознания, убежденность в правоте избранного пути и преданность своему делу позволила Н.И. Новикову стать подлинным «министром народного просвещения», как справедливо заметил один из современников просветителя.

Блестящий организатор книгоиздательского дела, Н.И. Новиков стремился не только распространять во всей России книги, напечатанные в собственных типографиях, но и всемерно содействовать тому, чтобы в разных городах страны открывались новые издательские центры. Это хорошо было известно многим деятелям русской культуры. И поэтому совсем неудивительно, что именно к Н.И. Новикову обратился, например, Г.Р. Державин, исполнявший в 1785–1788 годах должность

Тамбовского губернатора и решивший организовать в городе типографию для печатания газет, журналов и книг. По просьбе губернатора-поэта из Москвы в Тамбов было доставлено оборудование и даже приехали обученные Н.И. Новиковым рабочие-печатники. Вскоре в Тамбове стала выходить первая в России провинциальная газета «Тамбовские ведомости». При типографии открылась книжная лавка, где книги можно было не только купить, но и взять на время для прочтения...

Н.И. Новиков выслал в Тамбов около трехсот наименований изданных им книг и журналов, а также своеобразный проспект будущих своих изданий. В письме к Г.Р. Державину он писал: «Милостивый государь Гавриил Романович! <...> покорнейше прошу именем всех членов Типографической компании потрудиться в собрании охотников подписаться по приложенным объявлениям на газеты и книги; чем больше таковых собрать изволите, тем более нас одолжите»¹⁶.

В городах России, где были сосредоточены многочисленные и влиятельные масонские ложи, таких, как Ярославль, Симбирск, Орел, распространение издаваемых Типографической компанией книг и журналов шло особенно хорошо. Но и в тех местах, где влияние масонства было незначительным, благодаря личным связям Новикова и поддержке русским обществом его просветительских начинаний, успехи книготорговли были весьма значительны.

Активная работа Дружеского ученого общества и Типографической компании, просветительская и филантропическая деятельность Новикова и его единомышленников очень настораживала Екатерину II. Какие книги издают они в Москве? Что за школы и училища ими созданы? И чему там учат? Почему Новиков и его друзья решили завести больницы, приюты, аптеки? На все эти вопросы императрица хотела получить точные и недвусмысленные ответы.

7 октября 1785 года Екатерина подписала указ на имя московского главнокомандующего графа Я.А. Брюса, в котором потребовала ревизии всех частных учебных заведений, «не исключая пансионы и всякие под каким бы то ни было именованьем школы и училища». В указе Екатерина максимально конкретизировала свои требования.

«При осмотре — писала государыня, долженствует быть наблюдаемо <...> чтоб тут всякое суеверие, развращение и соблазн терпимы не были, чтобы для учения присвоены были книги, в других училищах употребляемые... <...> и чтоб учителя не иначе употребляемы были, как по испытаниям в знании и способности и по верным одобрениям в их нравах и образе мыслей. Все те училища, кои несходными сему

окажутся, упразднить, а впредь до будущего распоряжения нашего не позволять инако пансионы и школы заводить, как по точному дозволению приказа общественного призрения»¹⁷.

В декабре того же года в Москву полетели еще два екатерининских указа — графу Я.А. Брюсу и архиепископу московскому Платону. Оба они содержали требование «освидетельствования» новиковских изданий, с тем «чтобы таковые печатаны не были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрывается».

В указе архиепископу Платону говорилось и непосредственно о самом московском издателе: «В рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги, повелели мы главнокомандующему в Москве доставить Вашему Преосвященству роспись оным, вместе с самыми книгами. Ваше Преосвященство, получа оные, призовите к себе помянутого Новикова и прикажите испытать его в законе нашем, равно и книги его типографии освидетельствовать: не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей и гражданской должности, и что окажется, донесите нам и синод наш уведомьте»¹⁸.

Архиепископ Платон старательно исполнил свой долг, и вскоре в Петербурге было получено его донесение:

«Всемиловитейшая Государыня Императрица!

Вследствие высочайшего Вашего Императорского Величества повеления, последовавшего на имя мое от 23-го сего декабря, поручик Новиков был мною призван и испытую в догматах православной нашей греко-российской церкви, а представленные им, Новиковым, ко мне книги, напечатанные в типографии его, были мною рассмотрены.

Как пред престолом Божиим, так и пред престолом Твоим, всемиловитейшая Государыня Императрица, я одоляюсь по совести и сану моему донести Тебе, что молю всецедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и Тобою, Всемиловитейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков. Что же касается до книг, печатанных в типографии его, Новикова, и мною рассмотренных, я разделяю их на три раздела.

В первом находятся книги собственно литературные, и как литература наша доселе крайне еще скудна в произведениях, то весьма желательно, чтобы книги в этом роде были более и более распространяемы и содействовали бы к образованию.

Во втором я полагаю книги мистические, которых не понимаю, а потому не могу

судить оных.

Наконец, в третьем разделе суть книги самые зловредные, развращающие добрые нравы и ухищряющие подкапывать твердыни святой нашей веры. Сии-то гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов следует исторгать, как пагубные плеве́ла, возрастающие между добрыми семенами»¹⁹.

В своем донесении в синод Платон более подробно охарактеризовал изданные Новиковым «гнусные и юродивые» сочинения, разрушающие «твердыни святой нашей веры». Он рассмотрел даже такие книги, которые на первый взгляд и не могли быть отнесены к числу безбожных. Опасной для православия Платон признал, к примеру, «Древнюю и новую историю» К.Ф. Милло, утверждая, что «во многих местах находятся выражения, для истинной религии оскорбительные и соблазнительные: и кажется вся история одушевлена духом, христианству мало приятствующим — все же тому противное выхваляющим и возвышающим».

Вскоре о содержании писем Платона узнали и в Москве. Познакомился с ними и протоиерей Кремлевского Архангельского собора Петр Алексеев, который давно уже следил за деятельностью Новикова и считал, что архиепископ все же не столь ревностно исполнил поручение императрицы, как того требовал его сан.

В оценке опасных для религии книг, напечатанных в Москве, Алексеев был конечно же согласен с Платоном. Особенно это касалось антихристианских сочинений Вольтера и энциклопедистов, «гнусность» которых для протоиерея также была очевидной.

Однако он считал, что главным виновником их издания был Николай Новиков, а потому и в позиции московского архиепископа, высоко отозвавшегося о просветителе, протоиерей усмотрел потворство вольнодумству и еретичеству. Обо всем этом доносчик поспешил сообщить духовнику императрицы Екатерины II.

* * *

В начале 1783 года в Москву прибыл посланец Вельнера, главы немецких розенкрейцеров, барон Г.Я. Шредер, который сообщил о принятии в состав международного братства розенкрейцеров всех, подавших личные прошения. Новикову посланец Вельнера сразу же не понравился. Умевший неплохо разбираться в людях, Николай Иванович верно почувствовал жестокость и беспринципность Шредера, его равнодушие к судьбам русских масонов и склонность к политическим интригам, чего

всегда опасался Н.И. Новиков.

Поэтому, когда после неожиданной смерти Шварца в начале 1784 года берлинский центр ордена рекомендовал московским братьям учредить для руководства их организацией директорию их трех наиболее ревностных русских масонов, Новиков весьма обрадовался этому распоряжению. 30 апреля 1784 года на специальном заседании из числа московских розенкрейцеров были выбраны трое достойнейших — Н.И. Новиков, П.А. Татищев и Н.Н. Трубецкой, — которые, взявшись за руки, поклялись в верности ордену и учредили директорию Теоретического градуса. Однако после личной поездки в Берлин барона Шредера положение резко изменилось. Барон привез от Вельнера диплом, согласно которому именно ему, Шредеру, предстояло стать верховным руководителем русских розенкрейцеров с весьма широкими полномочиями. Предъявив соответствующие бумаги немецких начальников ордена, барон в присутствии русских братьев сжег все документы, которые не считал нужным хранить.

Орденская дисциплина была весьма строгой, и отныне Н.И. Новиков должен был давать Шредеру отчет обо всех масонских и типографских делах, в которые тот вникал очень внимательно, порой выражая свое недовольство русскими братьями и заявляя даже, что он не собирается, подобно Шварцу, «околевать для русских». Н.И. Новиков, несмотря на явную антипатию к Шредеру, надеялся все же получить от него кое-какие элементы мистических тайн западноевропейских розенкрейцеров, хотя общение с бароном старался свести к минимуму, отговариваясь нередко плохим знанием языка.

«Между мною и бароном всегда была холодность, — вспоминал Новиков, — а я не имел к нему по молодости его доверенности, также и он меня не очень любил. Сверх того, как он не знает по-русски ни слова, я ни по-немецки, ни по-французски, то мы весьма мало говаривали, и то через другого, то и знакомства между нами сделаться не могло».

Позднее, в 1786 году, когда прусский король Фридрих-Вильгельм Второй назначил Вельнера, руководителя немецких розенкрейцеров, министром финансов, русские их собраты оказались уже непосредственно в подчинении министра иностранного государства. (В организационном плане русские масоны-розенкрейцеры должны были подчиняться берлинской ложе «Трех глобусов» Вельнера, эмиссаром которого в Москве был барон Шредер.)

Н.И. Новиков не мог согласиться с таким положением и пошел на разрыв со

Шредером; этого барон ему не мог простить, так же как не мог простить позиции Новикова в вопросе о судьбе дома Типографической компании.

Этот огромный дом графа Гендрикова Шредер облюбовал в одиночку и, не поговорив ни с кем из московских масонов, выдал его хозяевам денежный аванс и объявил о его покупке. Здесь, по его мнению, должны были располагаться аптека, больница, пансион и другие масонские заведения.

Покупка дома была крайне невыгодна, но, поставленные перед фактом, московские масоны вынуждены были начать его ремонт и переделку. Сам Шредер в это время уехал за границу под предлогом получения там наследства своего дяди, которое обещал передать в московскую розенкрейцерскую кассу.

По просьбе князя Трубецкого и Енгальчева, на имя которых Шредер оставил доверенность на совершение купчей и обязательство выплатить полную стоимость дома, Новиков согласился заняться его ремонтом и перестройкой. Согласился крайне неохотно, так как Шрейдера не любил и не доверял ему, особенно в тех делах, которые барон вел единолично, без обсуждения со своими московскими собратьями. Вскоре, однако, все работы были закончены, и по предложению Новикова и Трубецкого дом, в котором уже начала работать аптека Дружеского ученого общества, был официально куплен на имя Типографической компании.

Но в этот момент Шредер неожиданно сообщил, что он лишен обещанного наследства, а потому не только не может оплатить расходы по покупке и оборудованию особняка, но и требует немедленного возвращения ему всех денег — то есть ту сумму, что он выделил для приобретения особняка на Садово-Спасской, а также его, Шредера, долю, вложенную некогда в Типографическую компанию.

И тут Новиков взорвался. Он резко отверг притязания барона, указав, что это требование несправедливо и исполнить его невозможно, так как капитал Типографической компании состоит не только в деньгах (а Шредер требовал именно денег), но и в тех материалах, типографском оборудовании, книгах, домах, которые ей принадлежат. Н.И. Новикова энергично поддержал С.И. Гамалей, обычно не вмешивающийся в сугубо практические дела, всецело отдаваясь религиозно-мистическим исканиям и филантропии. Правота Николая Ивановича и беззастенчивая наглость Шредера были столь очевидны, что большинство членов компании согласилось с доводами просветителя. Шредер, однако, высказался достаточно определенно, что не намерен более считать себя членом компании, и объявил о выходе из ее состава. Затем, указав на имеющиеся документы по приобретению дома, на

доверенности и прочие формальности, барон заявил, что имеет все основания на денежную компенсацию, перед тем как навсегда покинет Россию.

Чтобы расплатиться и развязаться со Шредером, члены Типографической компании решили заложить дом в Опекунском совете. Притязания барона были удовлетворены. Долги Типографической компании выросли до огромной суммы — в 300 тысяч рублей.

«Московские ведомости», пользовавшиеся большим спросом, многотомные сочинения, а также издание «разных особых мелких пиес, как то: объявлений театральных, маскарадных и других, векселей для купеческих контор, питейных контрактов, ярлыков и прочих мелких известий, которые все по причине их множества и малого расхода в материалах, на них употребляемых, приносили прибыли весьма много»²⁰. Но, увы, этого было недостаточно, чтобы выплатить долги, душившие Типографскую компанию, поставленную на грань банкротства. Поведение барона Шредера, противоречащее, с точки зрения московских мартинистов, кодексу масонских добродетелей, привело к тому, что они обратились к розенкрейцевскому руководству с просьбой послать в Берлин одного из русских масонов «для ближайшего и точного наставления в орденском учении и в химических упражнениях, с тем, чтоб впредь не было нужды быть при нас иностранному и чтобы тамошние узнали хотя одного из русских сами лично, а не по словам других...»²¹

Вскоре было получено согласие «прислать одного из членов, дабы русский, узнав все сам на месте и наставлен будучи в орденских упражнениях, мог заменить место иностранных двух, бывших у нас, то есть профессора Шварца и барона Шредера, и чтобы впредь отнять у нас всякое подозрение, но только чтобы прислать такого, который бы хорошо знал немецкий язык...»²² Выбор пал на друга и «сочувственника» А.Н. Радищева Алексея Михайловича Кутузова, которому автор «Путешествия из Петербурга в Москву» посвятит впоследствии свою революционную книгу.

«По отъезде Кутузова, — свидетельствует Новиков, — дано ему наставление, что он ежели хотя малейше приметит, что связь нашу орденскую захотят употребить к политическим видам, то чтобы тотчас из Берлина выехал»²³.

Стремясь к расширению масонских знаний, а также к освобождению от иностранного влияния и иноземной зависимости, русские масоны решили командировать несколько своих стипендиатов за границу. Вслед за Алексеем Михайловичем Кутузовым в Лейпциг для завершения медицинского образования выехал студент М.И. Багрянский, принятый в масонство по предложению Н.И.

Новикова в 1785 году. Вскоре по настоянию Н.И. Новикова бывший воспитанник Дружеского ученого общества студент Максим Иванович Невзоров и его товарищ Василий Яковлевич Колокольников были отправлены в Лейденский университет для завершения образования по специально разработанной программе.

Настороженность русских масонов в отношении своих иноземных начальников порождает в 1780-е годы желание придать русским ложам характер национальной организации. С конкретными примерами подобного рода мы уже сталкивались: это и освобождение от руководства шведской системы; и настойчивые попытки уравнивать в правах русское и западноевропейское масонство, выражением чего явилось признание России на Вильгельмсбадском масонском конвенте независимой Восьмой провинцией всемирного масонского братства; и посылки за границу для обретения масонских познаний и установления контактов с западноевропейским масонством представителей русских лож, дабы вытеснить иностранных посредников и резидентов, подвизавшихся в русском масонстве.

В свете этого представляется особо важным отметить такое явление в масонской жизни конца XVIII века, как возникновение тайных лож сугубо русской ориентации, вне связи с европейским масонством, которые появились, несомненно, как реакция на зависимость от Запада. Несомненный интерес в этом смысле представляет документ, до сих пор не использовавшийся исследователями. Это «Предначертания об основании дружеской справедливой и совершенной ложи». «Предначертания» представляют собою свод правил, согласно которым строили свою жизнь члены тайной, или, как говорили, «неправильной», масонской ложи. Правила эти заметно отличаются от общепринятых и выражают тенденцию к обособлению чисто русских лож от всеевропейской организации масонства. Уже в принципах принятия в ложу нового члена обнаруживаются те разночтения, что характерны для тайных лож. Помимо происхождения, воспитания, образования, кандидат должен быть и «телом совершенно здоров». Возраст вступления определяется от 17 лет и выше, в то время как обычно в ложи принимались лица не моложе 23–25 лет. Если традиционным было поручительство за нового члена ложи при его баллотировании и принятии только одного из масонов, то правила тайной ложи требуют «чтобы не токмо один из наших братьев его знал, но чтобы все за него как за себя отвечали и душу его, сердце его знали честными и добрыми качествами украшенну».

Правила устанавливали точный срок пребывания новичка учеником — не менее 6 месяцев, товарищем — 1 год, мастером — 3 года. Особого внимания заслуживает то

положение правил тайной ложи, которое резко отличает их от общепринятых масонских принципов. Это вопрос о веротерпимости братьев. Как известно, масонство считало, что каждый брат в любой стране может придерживаться той религии, в которой он был воспитан, и что вопрос всецерпимости должен быть решен в пользу свободы отправления культа. Масоны — братья, а потому никакого различия в вопросе национальности и вероисповедания быть не должно. И если в практике масонской жизни этот принцип не всегда твердо выдерживался, то, во всяком случае, в масонских декларациях он выставлялся как один из отличительных принципов сообщества «вольных каменщиков».

Тайная ложа, стремясь к обособлению от европейского масонского сообщества и к созданию чисто русских организаций масонства внутри страны, требовала обязательной принадлежности к православию, и только к нему, так же как считала необходимым стать объединением только русских людей. Третий пункт третьей главы предписывал кандидату: «Чтобы был россиянин, и конечно, греческого исповедания, хотя из другога закона в наш крещением возрожден»²⁴.

Это, несомненно, является отражением и той тяги к православной традиции, что характерна для масонских организаций конца 1780 — начала 90-х годов в условиях «силанума» (т.е. молчания, бездействия), объявленного в среде московских масонов в конце 1780-х годов.

Но именно в это время, в период прекращения активной масонской деятельности, из-за границы на имя Н.И. Новикова стали вдруг приходить любезные письма от Шредера, в которых тот благодарил «брата Коловиона» за выполнение важных тайных масонских поручений. Письма были полны дружеского участия и содержали столько таинственно-двусмысленных намеков, что чиновники, занимавшиеся перлюстрацией масонской корреспонденции немедленно пересылали их прямо в Петербург, опасаясь коварных замыслов московских розенкрейцеров. Коварные замыслы действительно были. Но не у московских martinистов, а у барона Шредера. Он-то, Шредер, прекрасно знал, что переписка Новикова просматривается, и каждым своим письмом усугублял подозрения екатерининского правительства в отношении великого русского просветителя. И это делалось в то время, когда уже с начала 1787 года была приостановлена вся деятельность московских масонов, когда было решено «все орденские собрания и переписки и сношения отнюдь не иметь до того времени, пока дано будет знать, что исполнено так называемое молчание, или бездействие». Письма эти, ставшие, одной из «улик» следствия, были позднее

предъявлены Н.И. Новикову в Шлиссельбургской крепости. Николай Иванович увидел их впервые. Но ему так и не удалось убедить в этом следствие.

Впрочем, до этого было еще далеко, и новый, 1787 год начинался, казалось, вполне благополучно. Он был особенным. В этом году исполнялось 25 лет царствования Екатерины II. Придворные и министры готовили торжественные поздравления, иной раз снабженные, как это сделал А.А. Безбородко, описанием успехов и благоденствия России за четверть века екатерининского царствования.

Едва отпраздновав наступление Нового года, Екатерина отправилась в грандиозное путешествие из Петербурга в Крым. Около 200 экипажей царского поезда неслись по укатанной дороге, освещавшейся огнями огромных костров, фейерверков и иллюминаций. Путешествие это было и элементом юбилейных торжеств, и важнейшей политической акцией ввиду неизбежно приближавшейся войны с Турцией. Недаром Екатерина пригласила разделить свой вояж видных европейских политиков — от австрийского императора Иосифа II до послов всех ведущих европейских держав, аккредитованных в Петербурге.

Однако год оказался весьма трудным для России, и пышных торжеств не последовало. 1787 год — это год страшного голода, потрясшего страну вследствие неурожая и унесшего тысячи людских жизней. В такой обстановке начавшаяся русско-турецкая война еще более обострила трагическую ситуацию в стране. Специальным екатерининским указом была запрещена продажа хлеба за границу и создана Хлебная комиссия, которой, однако, не удалось справиться со своей задачей. К тому же воровство и плутни составивших ее чиновников свели на нет возможные результаты работы комиссии. Цены на продовольствие взлетели до небывалого уровня, голод принимал катастрофические размеры. В этих условиях, несмотря на объявленный «силанум», Новиков собрал своих друзей-масонов, с тем, чтобы практически помочь народу в создавшейся ситуации. Было решено, что каждый из них прежде всего позаботится о собственных крестьянах, а также внесет посильную сумму в общий фонд помощи голодающим. Денег, однако, было собрано не так уж много. Но страстная речь Н.И. Новикова, призывавшего к спасению крестьян, умирающих голодной смертью, никого не оставила равнодушным. Один из членов ложи, руководимой Новиковым, Григорий Максимович Походяшин, сын сибирского заводчика-миллионера, через несколько дней после заседания явился к Новикову и предложил ему 10 тысяч рублей для закупки хлеба, с условием сохранить его пожертвование в тайне. Новиков развернул бурную деятельность по организации борьбы с голодом. Походяшин

пожертвовал еще около 40 тысяч рублей. На эти деньги был закуплен хлеб, чтобы накормить голодных и засеять поля весной. Более сотни помещичьих и государственных сел и деревень были спасены от голода, а весной все крестьянские поля вспаханы и засеяны. И при виде этих зеленеющих нив, обещавших обильный урожай 1788 года, Новиков испытывал ни с чем не сравнимое чувство радости и благодарности своим друзьям и единомышленникам, с чьей помощью удалось ему совершить этот великий акт человеколюбия и гуманизма. Было решено, что часть крестьянского урожая этого года необходимо поместить в особое общественное хранилище на случай неурожая и голода, а в дальнейшем ежегодно готовить и сохранять этот резервный общественный запас.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что борьба с голодом, проведенная в 1787 году Новиковым при поддержке членов масонских лож, в определенной мере явилась воплощением экономической программы, заявленной ранее в масонских изданиях. «Новиков применил здесь на практике то, — справедливо замечал Г.В. Вернадский, — что прежде высказано было в его изданиях — «Хризомандере» и «Истине религии»²⁵.

В частности, в масонской книге «Хризомандер», переведенной другом М.Н. Карамзина А.А. Петровым и дважды изданной Новиковым в 1783 году, один из главных героев — первосвященник и маг Гиперион как опытный практик рекомендует своему государю Хризомандеру: «Старайся о том, чтобы обработаны были поля пустые, высушены гнилые болота и сделаны плодоносными; <...> Заведи большее количество хлебных магазинов; наполняй их в благословенные годы, а во время голода разделяй паки по неимущим».

Екатерининское правительство, не сумевшее справиться с голодом, было крайне недовольно действиями Н.И. Новикова, усмотрев в филантропических акциях просветителя и его единомышленников своего рода вызов самодержавной власти и какие-то тайные и пока что неясные, но, несомненно, далеко идущие масонские планы. И помощь голодающим расценило как всего лишь один из способов привлечь к себе массы народа, чтобы использовать его в своих целях. Каких? Неясно. Но явно зловердных и корыстных. В бескорыстие и филантропию правительственные чиновники не верили. К тому же, пристально наблюдая за Н.И. Новиковым, они не могли понять, откуда у скромного отставного поручика столь громадные богатства. Уж не научились ли мартинисты и в самом деле тайно варить золото? А может быть, Новиков просто обманывает и грабит своих доверчивых сотоварищей? И что они там

еще замышляют?

А друзья Н.И. Новикова замышляли всего-навсего поездку в имение к Николаю Ивановичу, пригласившего самых близких погостить недельку в Авдотьино.

* * *

20 июня в Авдотьино стали прибывать гости, ближайшие друзья и сотрудники Новикова по Дружескому ученому обществу и Типографической компании. Приехал «сердечный друг» Иван Петрович Тургенев, Василий Васильевич Чулков, Григорий Максимович Походяшин, совсем молодой Александр Андреевич Петров, неразлучный друг любимого Новиковым Николая Михайловича Карамзина и многие, многие другие. Всего около сорока человек съехались на сей раз в приветливое и гостеприимное Авдотьино-Тихвинское. Приехали вместе, разом, и встретили самый радушный прием хозяев.

Не успели выйти из экипажей, как были буквально атакованы стихами. Тон задавал сам хозяин:

Под игом долга жданья
Томившихся сердец
Свершились желанья,
Свершились наконец:
Мы в час встречаем сей
Грядущих к нам друзей.

Стихотворную эстафету подхватывала жена Новикова, Александра Егоровна:

Весельем облекитесь
Вы, Северски брега:
Во всей красе явитесь,
Цветущие луга:
Излейте свой бальзам
Во чувства друзьям.
Певцы лесов тенистых,
Возвысьте глас свой днесь;
Начните в тонах чистых

Торжественную песнь.

Внушите вы гостям,

Сколь мил приход их нам.

А заключал приветствие Алексей Иванович Новиков, младший брат владельца Авдотьины:

Друзья, возвеселитесь

В счастливой сей стране,

И мира насладитесь

В желанной тишине.

Любви составьте пир

При звуке сельских лир.

Долго в тот день не умолкали приветствия и шутки. Кто-то из присутствующих вызвался быть летописцем этой недели авдотьино-тихвинских праздников, и сегодня мы весьма точно можем представить себе, как провели эти июньские дни члены новиковского кружка.

Молодежь играла в фанты, в городки и волан. Гости постарше уже в первый же день отдали добрую дань глубокомысленным беседам. Наконец, «после приятных разговоров сели за вечерний стол».

На следующий день, 21 июня, торжественно отмечался день рождения «сердечного друга» — Ивана Петровича Тургенева. Хозяин приготовил имениннику немало приятных сюрпризов. Зная о его склонности к изысканным кушаньям, Новиков, сам отличавшийся простотой в еде, позаботился о роскошном обеде.

Праздничное застолье удалось на славу. «Дружественные музы» каждого из присутствующих подносили виновнику торжества стихи, произносили тосты и дружеские пожелания. Когда же дошла очередь до Новикова, «вошли в столовую дети хозяина; на головах их были васильковые венки, а шея, грудь и руки их перевязаны были разноцветными гирляндами. Они шли тихо к столу, ухватя друг друга за руки, а в другой руке несли розовый венок».

Николай Иванович взял со стола большую чашу с вином и произнес:

Любезный друг, мы Вас с рожденьем поздравляем,

Вам долго жить

И всех любить
Мы искренне желаем.

В это время Тургенева окружили дети хозяина. Пятилетняя Варенька, держа в руках сплетенный из роз венок, пролепетала:

Живи и наслаждайся,
В священный храм войди.

А шестилетний Ванюшка громко отчеканил:

И в нем любовь найди,
Венцом из роз венчайся!

«Надели на него розовый венок и, приняв чашу с вином, подносили торжествующим».

Храмом, в который дети приглашали И.П. Тургенева, была всего-навсего беседка, построенная в саду «нарочно для сего торжества. Она сплетена была из зеленых березовых ветвей. Стены ее внутри украшены цветами всяких родов, какие только были в саду. Пол и вся аллея, по которой имениннику надлежало идти в нее, были усеяны цветами же».

В беседке был накрыт стол, и чествование «сердечного друга» продолжалось до позднего вечера. Затем «вечером все гости ходили гулять и во время гулянья рассматривали красоту полей, лугов и лесов при величественном заходе солнца». А когда гости вернулись в дом, им было предложено «пройти на балкон, к десертному столу». Здесь «в два ряда были поставлены горшки с розами, левкоями, гвоздиками, бальзаминами, астрами разных сортов и прочими цветками; а на ступенях крыльца и перед покоем по всему берегу реки стояли в горшках же померанцевые, вишневые и другие деревцы. Железные прутья, на которых висел зонтик над балконом, увиты были долгою осокою так искусно, что издали казались они пальмами».

Празднику, казалось, не будет конца. В честь именинника «представлен был великолепный фейерверк на берегу за рекою против дому, во время горения которого «муза» изъявила чувствования свои виновнику торжества в следующей надписи:

Любовь днесь чрез сии огни изображает
Тот нежный пламень, чем к тебе в нас сердце тает.

Он пылко в нас горит,
Подобен сим огням;
Он сердце веселит;
Им жизнь любезна нам.

Фантазия Новикова была неистощима. Не успели погаснуть огни фейерверка, как зажглась иллюминация. «Господский двор, все жилые людские покои и оба берега реки против дому и саду были иллюминированы. Народ, восхищенный таким необычайным зрелищем, всеми знаками старался изобразить радостные свои движения. Иные пели простые свои песни, другие играли на свирелях; а иные, плавая по реке в лодках, которые все также были освещены, возносили в различных гонах гласы радости и удовольствия».

Вся неделя была полна затей. Однажды рано утром, встав еще до рассвета, гости по приглашению хозяина отправились на близлежащий высокий холм встречать восход солнца, «царя природы». В тот же день А.А. Петров поспешил сообщить об этом ближайшему другу Н.М. Карамзину. В своем письме он писал: «Один только раз вспомнил я с сожалением, что тебя здесь нет, а именно во время всеобщего бдения для сретения солнца, о чем, если полюбопытствуешь <...> подробнее узнаешь».

Несколько дней спустя по случаю храмового праздника, Новиков приказал нарвать в саду «розанов, левкой, калуферу, лавендул и других благовонных цветов, а в полях набрать великое число васильков, делать из них разные гирлянды и плести венки, украшать ими в церкви царские двери и иконостас. По полу рассыпать зеленую, с полевыми цветами смешанную траву, а колокольню, паперть, южное и северное крыльца иллюминировать; чем он с одним из гостей занимался до самого всеобщего».

В тот день во дворе был накрыт стол для новиковских крестьян, кроме того, в Авдотьино собралось более девятисот нищих из окрестных мест. Все они не только были накормлены, но и получили щедрую милостыню хозяина. Весь день в селе шумела ярмарка, на которой в послеобеденные часы побывали Новиков со своими гостями, «наблюдая за тем, чтобы удалить всякую неблагопристойность и безчиние, могущие случиться в народе».

«Тихвинские праздники» удались на славу. Правда, в последний вечер, наблюдая солнечный закат, гости были поражены тем, что на совершенно чистом и

ясном небе вдруг появилось, как дурное предзнаменование, густое черное облако «в виде высокого столба» и при этом «сверкнула молния без грома». Кто-то даже набросал на листке бумаги эту картину и подарил рисунок хозяину. Новиков смутился и помрачнел, но рисунок принял с признательностью.

В этот день он решил совсем покинуть Москву и переселиться в Авдотьино-Тихвинское.

* * *

Протоиерей Петр Алексеев успевал просматривать почти все новиковские издания. И почти все они вызывали его недовольство. В произведениях литературных он не находил «истинного благочестия», а блестящие сочинения «безбожного» Вольтера и энциклопедистов вызывали в душе «ревнителя православия» ярость и гнев.

Не меньшее негодование испытывал он и при чтении мистической литературы, которая издавалась в типографиях Н.И. Новикова и И.В. Лопухина. Во-первых, в этих книгах содержалась критика официальной церкви и ее служителей. Во-вторых, пропагандировались идеи так называемого «истинного» религиозного учения, существующего вне церкви в среде мистиков, что невольно наносило удар по господствующему православию, считавшему себя монополистом в делах веры. Поэтому в позиции Н.И. Новикова и московских мистиков-мартинистов Алексеев, как и многие другие представители православия, усматривали покушение на право церкви быть единственным авторитетом в религиозных вопросах. Алексеев знал, что Екатерина II, усматривавшая в деятельности Дружеского ученого общества и Типографической компании, фактически руководимых Н.И. Новиковым, независимую от самодержавия общественную инициативу, отнеслась к ней крайне подозрительно. Самого же издателя — и это ему тоже было хорошо известно — императрица невзлюбила еще со времен «Трутня» и была готова наказать при первом же удобном случае.

Протоиерей был уверен в том, что если вдруг Н.И. Новиков издаст переписку Екатерины с Вольтером, парижское издание которой он видел недавно в покоях митрополита Платона, государыне это будет крайне неприятно. И он почувствовал, что настало время для очередного доноса. Алексеев решил действовать. Действовать осторожно и осмотрительно.

Спустя несколько недель статс-секретарь Екатерины II Александр Васильевич

Храповицкий получил по внутренней почте письмо из Москвы от протоиерея Кремлевского Архангельского собора Петра Алексеевича Алексеева. Это было уже не первое письмо, присланное им по внутренней почте. Все они содержали доносы на тех, кого Храповицкий искренне уважал, в том числе и на особенно им почитаемого Николая Ивановича Новикова — известного писателя и издателя. Алексеевские доносы внушали Храповицкому отвращение. Но статс-секретарь был царедворцем. Он вполне сознавал, что архангельский протоиерей действует не в одиночку, что он пользуется сильным покровительством Иоанна Памфилова, духовника императрицы, фигуры при дворе весьма заметной и влиятельной. Да и сама государыня под влиянием своего «духовного отца» относится к московскому доносчику с доброжелательным вниманием. Храповицкий вспомнил, как совсем недавно пришедшее также по внутренней почте письмо Алексеева с доносом на Н.И. Новикова послужило поводом к распоряжению императрицы: «Новикову более не отдавать университетскую типографию; это ф а н т и к »²⁶.

Сам писатель, А.В. Храповицкий понимал, насколько сильным ударом явится для московского просветителя запрещение дальнейшей аренды типографии университета. И вот теперь вновь донос, в котором протоиерей предостерегает о том, что Новиков может издать в переводе на русский язык переписку Екатерины с Вольтером.

Зная о недоброжелательном отношении и постоянном настороженном внимании императрицы к Н.И. Новикову, А.В. Храповицкий был почти уверен, что и на этот раз алексеевский донос, раздуваемый И. Памфиловым, станет одним из поводов для преследования просветителя. Противнее всего для Храповицкого было то, что доносчик направил на этот раз свое послание к царице именно через него. И выходит, что статс-секретарь вольно или невольно становился соумышленником протоиерея.

«Имеется у Московского Митрополита французская книга, — писал Алексеев, — содержащая в себе приятельскую о разных материях переписку господина Вольтера с некоторою особою, которая подписывалась его фавориткою. <...> А как большая часть людей господина Вольтера почитают здесь не только еретиком, но и безбожником, то чтобы не пало нареkania и на ту персону, которая с ним дружески переписывалась, и не вышло бы из того каковых-либо неприязненных толков, а паче не заставил бы митрополит перевести оную книгу на наш язык, от чего боже сохрани.

Вы, государь мой, знаете время, когда доложить всемилоостивейшей монархине; а если сие письмо явится неудостоено внимания, покорнейше прошу, без огласки, меня

предостеречь в том на будущее время, дабы я положил хранение устам моим и руке с пером»²⁷.

Явившись наутро на прием к императрице, Храповицкий, весьма дороживший собственным благополучием, не преминул сообщить ей о поступившей из Москвы корреспонденции и прочел выдержки из алексеевского послания. Екатерина усмехнулась:

— Кажется, письма, писанные к безбожнику, не нанесли вреда ни церкви, ни Отечеству нашему. Впрочем, ответствуйте святителю, чтоб он подобные случаи и впредь представлял вниманию нашему.

Статс-секретарь поспешил исполнить распоряжение, сразу же отправив Алексееву письмо, в котором излагалось мнение императрицы. Ответ протоиерея был краток: «За благосклонное Вашего Превосходительства письмо, от 18 текущего месяца отправленное, нижайше благодарствую и, что на меня возложено, исправить потщусь пристойным образом». А еще через день Московский главнокомандующий П.Д. Еропкин получил указ императрицы: «По доходящим сюда слухам, что на Москве хотят переводить новое издание Бомарше всех сочинений Вольтера, в 69 томах состоящее, прикажите Управе Благодения и обер-полицмейстеру наблюдать, чтоб таковое издание отнюдь не было бы печатаемо ни в одной типографии без цензуры и апробации преосвященного митрополита Московского».

Екатерина прекрасно понимала, что в подписанном ею указе речь шла практически о запрещении издания Вольтера, так как митрополит Платон, разумеется, никогда не согласится дать «апробацию» сочинениям «безбожника». Прослышав о екатерининском указе, синод, ненавидевший Вольтера за его антихристианские произведения, широко известные в России, поторопился распространить запрещение на издание произведений французского мыслителя и за пределами Москвы. Спустя три недели после указа императрицы синод вынес аналогичное решение об «апробации» Вольтеровых сочинений митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом.

Революционные события во Франции, грозным эхом отозвавшиеся в Петербурге, убедили светские и церковные власти в своевременности такого решения.

* * *

14 июля 1789 года восставшие парижане штурмом овладели королевской

крепостью-тюрьмой Бастилией. Началась Великая французская революция. Прошло не так много времени, и от крепости, чьи пушки совсем недавно грозно смотрели на Сент-Антуанское предместье, не осталось камня на камне. Революция набирала силу. Ее события вызвали смятение и тревогу при российском дворе.

Летом 1790 года Екатерине II поднесли книгу, страницы которой напомнили ей и о кровавых событиях пугачевщины, и о современных «обстоятельствах» во Франции. Имени автора на титульном листе не значилось. Стояло только название: «Путешествие из Петербурга в Москву». Однако авторская позиция была столь ясной, что, прочитав около тридцати страниц, императрица заметила своему статс-секретарю А.В. Храповицкому: «Тут рассеивание заразы французской; отвращение от начальства; автор м а р т и н и с т». Закончив чтение, государыня «с жаром и чувствительностью» выразилась об авторе еще определеннее: «Бунтовщик хуже Пугачева». Вскоре стало известно, что сочинитель крамольной книги — начальник Петербургской таможни А.Н. Радищев. Екатерина прекрасно поняла революционное содержание радищевского сочинения.

«Намерение сей книги на каждом листе видно, — писала она, — сочинитель оной наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства... И по всей книге видно, что христианское учение сочинителем мало почитаемо, а вместо одного произвольные принял некий умствования, не сходственные закону христианскому и гражданскому установлению».

Отметила императрица и кое-какие конкретные места радищевского текста, где не видно уважения «к закону божью и гражданскому, а предпочтены произвольные бредни суемудрые». Так, по ее мнению, страницы 92–97 свидетельствуют о том, что автор «исповедует мартинистов учение и прочих теософов». В действительности участие Радищева в масонстве было эпизодическим, а в организациях московских мартинистов он и вовсе никогда не состоял, резко отвергая их религиозно-мистические искания, о чем совершенно искренне заявил во время следствия. Найти каких-либо сообщников автора революционной книги не удалось. Вскоре Радищев был сослан в Сибирь на «десятилетнее безисходное пребывание» в Илимском остроге.

Но от внимания императрицы не ускользнуло то, что «Путешествие из Петербурга в Москву» было посвящено Алексею Михайловичу Кутузову, близкому другу Радищева, которого сам автор книги именовал своим «сочувственником». Очень

скоро Екатерине стало известно, что именно этот «сочувственник», живущий за границей, был командирован туда московскими мартинистами по каким-то масонским делам. Однако кроме переписки, подчас, правда, несколько странной, мартинисты ничем себя не проявили. Более того, они поразительно бездействовали и даже как будто вовсе распустили свою Типографическую компанию. Все это казалось государыне весьма подозрительным. И она решила направить в Москву одного из хитрейших своих придворных — графа А.А. Безбородко, о котором некогда французский посланник граф де Сегюр заметил: «В толстом теле скрывает ум тончайший». Вместе с опытным мастером полицейского сыска Н.П. Архаровым и его лихими, вездесущими помощниками, получившими в Москве прозвище «архаровцев», Безбородко внимательно ознакомился с деятельностью московских масонов. Он побеседовал кое с кем из них, собрал подробнейшие сведения о Новикове и ближайших его сотрудниках и отбыл в Петербург. Екатерине II он доложил о масонах как о группе «не знаю опасных ли, но скучных ханжей», в деятельности которых не нашел ничего противозаконного. Позднее, уже после ареста Н.И. Новикова, А.А. Безбородко откровенно заявит, что «дело сие не соответственно ее (т.е. Екатерины II. — С.Н.) славе». И участвовать в столь сомнительном предприятии умный Безбородко не захотел.

К тому же деятельность Новикова и московских масонов. в это время действительно почти прекратилась. В ноябре 1791 года члены Типографической компании подписали официальный документ об ее уничтожении.

«Мы, нижеподписавшиеся, члены Типографической компании, в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году учрежденной нами в Москве, по причине настоящих наших экономических обстоятельств рассудили за благо оную компанию разрушить и все обязательства наши по делам ее уничтожить и, сделав между собою надлежащие расчеты и взаимные удовлетворения, по общему согласию нашему сим разрушаем сделанный между нами и в маклерной книге записанный договор учреждения оной компании и все дела ее уничтожаем на следующих основаниях.

1. Имении компании, которые составляют: 1) дом Николая Ивановича Новикова, что у Никольских ворот; 2) книги, напечатанные в типографиях господ Новикова, Лопухина и в компанейской; 3) сама сия типография компании Типографической со всеми принадлежностями к ней, материалами и инструментами; 4) аптека, называемая Спасскою, со всем к ней принадлежащим, — сдали мы бесповоротно помянутому Николаю Ивановичу Новикову, получа от него за все оное по условию нашему платеж

и удовлетворение»²⁸.

Таким образом, все имущество Типографической компании вместе с ее долгами переходило к Новикову, который выдал векселя бывшим ее членам в соответствии с вложенным ими капиталом. Еще весной 1791 года Г.М. Походяшин, предложивший казне свои сибирские заводы, писал Новикову из Петербурга, что «ежели торг состоится <...> то надеется он компанию вывести из ее трудного положения». Продав заводы, Походяшин купил у Новикова книжный магазин и дал ему займы 50 тысяч рублей на уплату долгов. Теперь вместо пайщиков Типографической компании Новиков имел дело только с Походяшиным, с которым его сближало, по собственным словам, «сходство нравов, взаимная услужливость и откровенность».

И потому Н.И. Новиков был «уверен совершенно в искренности его дружбы» и надеялся справиться с трудностями, чтобы вновь занять свое место среди российских издателей. Для того чтобы довести до конца свой план, спасти от разорения Н.И. Новикова и в какой-то степени продолжить дело, завершив, по крайней мере, печатанье тех книг, которые уже были в работе, Г.М. Походяшин стал играть роль незадачливого купца, который надеялся, став членом Типографической компании, обрести гигантские барыши, но вместо этого неожиданно для себя потерпел колоссальные убытки, а потому требует теперь от бывших компаньонов их возмещения. Вот почему, когда московский главнокомандующий князь Прозоровский потребовал от него объяснений, Походяшин заявил: «В соучастии Московской Типографической компании вступил я в чаянии приобрести на капитал мой некоторой, хотя небольшой прибыли... Всепокорнейше прошу В<аше> П<ревосходительство>... восстановить мое расстроенное состояние возмещением моего капитала через продажу книг именованной компании, коего имени уповательно довольно будет не только на сие, но и на удовлетворение вексельных претензий, в коих я же по нещастию нахожусь порукою».

Прозоровский принял игру Походяшина за чистую монету и даже поспешил донести императрице о нем, как об «обольщенном» и кающемся «потатчике».

Однако Екатерину, в отличие от московского главнокомандующего, провести было довольно трудно. Государыня прекрасно понимала, что позиция Г.М. Походяшина весьма выгодна всем членам Типографической компании и самому Новикову. К тому же походяшинский план вскоре стал фигурировать в письмах московских масонов, тщательно перлюстрировавшихся правительственными чиновниками, внимательно следившими за каждым шагом Новикова и московских мартинистов. Был начеку и опытный интриган и доносчик протоиерей П. Алексеев.

Любая попытка маститого издателя вернуться к прежней деятельности была в таких условиях просто нереальна. Это обрекало его на вынужденное бездействие.

Впрочем, Н.И.Новиков почти не покидал своего Авдотьиного; особенно после того, как в апреле 1791 года умерла жена, Александра Егоровна. Да и сам он вскоре слег. Лишь к осени удалось кое-как оправиться. В середине октября проездом посетил старого своего знакомого и сотрудника А.Т. Болотова.

«Имали мы удовольствие, — вспоминал Болотов, — угощать у себя совсем неожиданного гостя. Был то приятель мой и издатель моего “Экономического магазина” Николай Иванович Новиков. Сей именитый и всей России в сие время известный человек проезжал из Москвы по каким-то делам своим в степь, и мимоездом заехал ко мне, и у меня ночевал. Я небывалому еще у себя гостю сему был очень рад и постарался угостить его всячески»²⁹.

Правда, непонятно, почему Болотов именует его «небывалым еще у себя гостем». Новиков уже однажды посещал Болотова. Это было 18 ноября 1787 года по дороге в Елец, куда Николай Иванович направлялся к родственникам. Да, видно, Андрей Тимофеевич то запомнил.

В жизни Н.И. Новикова наступали самые трудные дни...

Новиков, положивший основание
новой эре цивилизации России... жертва
сильного стремления к благу Родины.

Академик А. Витберг

Глава шестая ЧЕРЕЗ ГОРНИЛО СТРАДАНИЯ

19 февраля 1790 года новым главнокомандующим Москвы был назначен князь А.А. Прозоровский. А.Н. Пыпин, известный историк русской литературы и общественной мысли, охарактеризовал князя А.А. Прозоровского очень точно и выразительно: «старый фрунтовый генерал, видевший всю политическую мудрость в строжайшей дисциплине, человек надменный по характеру, ограниченный по уму и плохо образованный...»¹ Увы, именно такому исполнителю умная и циничная императрица поручила решить судьбу Н.И. Новикова.

Инструктируя нового московского главнокомандующего, Екатерина предостерегала его от взгляда на Новикова и его единомышленников-мартинистов как на невинное сообщество книгоиздателей. Весьма недвусмысленно указывала она на необходимость самых строгих мер против них. В материалах следствия новиковский кружок именовался как «гнездо, заведенное единым пронырством под видом благочиния». Туповатый и ограниченный служака, Прозоровский готов был ревностно взяться за порученное дело. Настолько ревностно, что императрице пришлось даже несколько охлаждать его пыл.

Говоря о необходимости борьбы с Новиковым и его «шайкой», Екатерина спросила Прозоровского, когда же он намеревается арестовать московского издателя?

— Тотчас, если только приказать изволите, — с готовностью отвечал новый главнокомандующий.

— Нет, надобно прежде найти причину, — задумчиво произнесла императрица.

Первым шагом в этом направлении стало ее распоряжение архиепископу московскому Платону от 23 декабря 1785 года об «испытании» издателя в вере и освидетельствовании выпущенных им книг. Одновременно по требованию императрицы Московская управа благочиния потребовала у владельцев вольных типографий подписку о том, что они обязуются не печатать никаких книг без

предварительной духовной и светской цензуры. Синод немедленно решил укрепить свои позиции и усилить духовный цензурный надзор не только в Москве, но также в Петербурге и в других городах России. Отныне каждая книга, издававшаяся, например, в столице, должна была пройти через руки одного из пяти цензоров, определенных синодом, — архимандритов Аполлоса, Гедео́на, Иннокентия, Николая и Макария.

За короткий срок были конфискованы сотни книг на сумму более ста тысяч рублей. Н.И. Новиков понес колоссальный убыток. Один из его сотрудников, М.И. Веревкин, писал в эти дни: «Вчера́сь получил я письмо от бывшего у меня писца, что ныне корректором в Университетской типографии. Пишет он ко мне от имени командира своего г-на Новикова, между прочим, вот что... По именному указу всякие такие книги, где только есть слово «бог», конфискуются, следовательно, и магазины с книгами в таковой сумятице, что никто не знает, где какую книгу сыскать»².

28 октября 1787 года московский главнокомандующий отправил в синод список книг, конфискованных по указанию духовных цензоров. Как и следовало ожидать, в реестр «крамольных» духовные цензоры зачислили не только действительно вольнодумные сочинения, но буквально все, что считали вредными для церкви, — от поэтических сборников Ломоносова и Сумарокова до азбук и словарей. Екатерина прекрасно сознавала, что православные пастыри явно хватили через край. Пришлось поручить наиболее образованным иерархам церкви во главе с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом рассмотреть конфискованные издания, с тем чтобы запретить лишь те из них, которые, как писала императрица, в соответствующей инструкции Гавриилу, «по собственному его мнению окажутся противными закону или соблазнительными обществу».

На основании представлений Гавриила и Платона синод запретил только 14 книг, вынужденно оставив в числе незапрещенных некоторые произведения французских просветителей, изданные «по соизволению ее императорского величества». Таковой была, например, «слову божию противная» книга Мармонтеля «Велизарий», в которой «добродетельные язычники получали спасение вне христианства». Не были запрещены также и те «гнусные и юродивые» сочинения корифеев французского Просвещения, на уничтожении которых настаивал Платон, получивший в этом вопросе поддержку синода. Екатерина конечно же понимала всю обоснованность требований духовных иерархов в этом вопросе. Но для нее, весьма дорожившей репутацией «просвещенной монархини», «философа на троне», объявившей себя «ученицей» Вольтера и энциклопедистов, преследовать Н.И.

Новикова за издание их сочинений было невозможно.

И потому надлежало найти какую-то другую причину для расправы с «умным и опасным человеком», как называла издателя и просветителя императрица.

Обо всем этом и напомнила Екатерина князю А.А. Прозоровскому перед его отъездом в Москву, подчеркнув, что масонские «сокровенные книги от Риги до Донских станиц жало свое распространили».

* * *

В приемной нового московского главнокомандующего князя Александра Александровича Прозоровского набралось уже немало посетителей, а двери его кабинета были по-прежнему плотно закрыты. Около часа за этими дверьми новый главнокомандующий беседовал с протоиереем Архангельского собора в Кремле Петром Алексеевым.

Главный предмет их разговора был настолько интересен и важен для собеседников, что они совсем не замечали того, как бежит время.

Наконец затянувшаяся беседа закончилась и протоиерей покинул кабинет нового московского главнокомандующего. После разговора с ним Прозоровский был уверен, что именно протоиерей Архангельского собора непременно сыщет причину для ареста беспокойного издателя.

Со своей стороны протоиерей был окрылен беседой с новым главнокомандующим и, не теряя времени даром, с утроенной энергией принялся за дело. Стремясь всячески отличиться и укрепить свою репутацию ревнителя православия и знатока ересей и расколов, Алексеев придирчиво просматривал все последние новиковские издания, пытаясь обнаружить следы «вольнодумства», «нового раскола» и различных «колобродств».

Однако после того, как просветитель был лишен типографии, а пошатнувшееся здоровье заставило надолго перебраться в родное подмосковное имение Авдотьино, его издательская деятельность практически прекратилась. Правда, протоиерей подозревал, что Новиков все же причастен к изданию книг, которые время от времени появляются в Москве без заглавного листа, а потому невозможно понять, где, кем и когда они напечатаны.

И потому он разработал настоящую секретную инструкцию по расследованию деятельности Новикова и лично доставил ее губернскому прокурору М.П. Колычеву.

«Ныне, — писал Алексеев, — хотя господин Новиков не содержит уже прямо под своим именем типографии, но под чужими именами уповательно продолжает печатание сокровенных книг в частных типографиях, чего пресечь инаково не можно, как 1) иметь список всем частным типографиям в Москве и губернии Московской находящимися с показанием содержателя и места, где печатаются книги; 2) учредить частного и искусного человека ревизором, дабы он без всяких предварительных огласок частные все в Москве типографии осматривал по разным временам, чтобы невзначай мог застать печатаемые листы в станах и, потребовав оригинала каждой в тиснении находившейся книги, освидетельствовал — ценсорован ли оный и кем; 3) если явится оригинал без цензуры или книги из числа запрещенных, то, приглася частного пристава или квартального надзирателя, запечатать оную типографию при хозяине или его поверенном и вскоре подозрительные листы с неопробованным оригиналом представить главнокомандующему...»

Зная, что запрещенная литература нередко пользуется повышенным спросом у читателей, а купцы склонны, нарушая законы, продавать ее втридорога на стороне, протоиерей указывал: «Слышно, что купцы те книги, когда опасаются здесь держать в лавках, развозят по ярмаркам и там продают дорогою ценою любопытным читателям и тем распространяют недозволенное учение, о чем не благоволено ли будет отсюда сообщить в губернские правления тех наместничеств секретно, где ярмарки бывают, дабы ревизировали книги по вышереченному без всякой поноворки торгующими ими...»

Писал доносчик и о необходимости усиления цензуры; понимая, однако, что это его предложение идет вразрез с екатерининским указом 1783 года о вольных типографиях, протоиерей пытался доказать, что на самом деле никакого противоречия здесь нет: «...таковое полезное правительства учреждение не противно именному Ее Императорского Величества указу о заведении вольных частными людьми типографий: ибо в нем предписано, чтоб к печати назначенные книги приносить в Управу Благочиния для освидетельствования оригиналов. И так, цензуры печатающий книги, сам содержатель типографии нарушает предписание высочайшего повеления»³.

Однако, как ни старался Алексеев, какие «прожекты» по удушению вольного издательства ни выдвигал, несмотря на все ухищрения, найти предлог для прямого обвинения Новикова в безнравственной и зловредной деятельности ему так и не удавалось. Оставалось только ждать. И протоиерей ждал, пристально следя за каждым шагом великого просветителя.

* * *

В феврале 1792 года в Риге, при возвращении на Родину, были арестованы Максим Иванович Невзоров и Василий Яковлевич Колокольников. Вскоре их доставили в Петербург, где содержали под арестом сначала в Александро-Невском монастыре, а затем в Петропавловской крепости. Каждому из них были предложены «вопросные пункты», из ответов на которые надлежало выявить тайны московских масонов и всю «подноготную» заграничной командировки масонских стипендиатов. Интересовались: «...сами ли вы просились, или кто вас уговаривал ехать в чужие края?» Интересовались даже подробностями символики цветов масонской одежды. «До сведения дошло, — гласил один из вопросов, — что мартинисты носят голубые кафтаны, золотой камзол и черное исподнее платье, то объяснить, какие из сего платья выводят они свои положения?»

Но главное, что волновало следствие, — это вопрос о зарубежных связях русских масонов. Тем более что в Петербурге сложилось твердое убеждение, что масонские стипендиаты были «из русских в числе депутатов во французском национальном собрании с подразделением французов с революционными их предприятиями».

Колокольников подробно ответил на предложенные ему вопросы; Невзоров с ответом не спешил, хотя бросил невзначай фразу, что, пожалуй, откроет «великую важность». Доставленному в Тайную экспедицию Максиму Ивановичу было предложено эту обещанную важность открыть «теперь чистосердечно и без всякой утайки, в чем оно состоит и до кого касается?» Но арестант молчал. С.И. Шешковский — «домашний палач кроткой Екатерины», как назвал его А.С. Пушкин, — попытался было его припугнуть, однако из этого ничего не вышло.

— Да знаешь ли, где ты?! — закричал Шешковский.

— Не знаю, — спокойно ответил Невзоров.

— Как не знаешь? — оторопел следователь. — Ты в Тайной.

— Не знаю, что такое Тайная. Пожалуй, схватят и в лес заведут в какой-нибудь стан, да скажут, что это Тайная, и допрашивать станут.

— Государыня приказала тебя бить четвертным поленом, коли не будешь отвечать, — заявил Шешковский.

— Не верю, чтобы это приказала государыня, которая написала «Наказ»

Комиссии о сочинении Уложения, — уверенно отпарировал Невзоров.

Шешковский достал записку Екатерины. Но Невзоров после прочтения только развел руками:

— Я не знаю руки ее величества. Может быть, вы заставили написать жену свою, покажите мне ее руку вместо государыниной.

— Да знаешь ли ты, кто я? Я — Шешковский! Понимаешь: Шешковский!

Однако это имя, наводившее ужас на современников, казалось, не произвело на арестованного никакого впечатления.

— Слышал я про Шешковского, — спокойно заметил Невзоров. — А вы ли он — не знаю. Да, впрочем, у меня с Шешковским никакого дела быть не может. Я принадлежу университету и по его уставу должен отвечать не иначе как при депутате университетском.

Невзоров замолчал. В богатой следственной практике Шешковского столь странное поведение арестованного встречалось впервые. Однако желание выявить заграничные связи масонов было столь велико, что Шешковский вынужден был отвести Невзорова в дом куратора Московского университета И.И. Шувалова. В его присутствии Невзоров разговорился. Но говорил он столь странные вещи, что и сам Шувалов и Шешковский пришли к выводу о психической неполноценности М.И. Невзорова. Через несколько дней арестованного перевели из крепостных казематов в психиатрическое отделение столичной Обуховской больницы, где ему предстояло провести долгих шесть лет. Другой арестант, Я.И. Колокольников, не выдержал условий заключения и вскоре умер. Однако на важнейший из предложенных им вопросов арестованные с первой же минуты задержания отвечали твердо и недвусмысленно: и Невзоров, и Колокольников категорически отрицали какие-либо связи с иностранными государствами, а тем более с французскими якобинцами и уверенно заявляли о сугубо медицинских и юридических занятиях в Лейденском университете.

Екатерина и верила, и не верила, стремясь тем временем утвердить негативное отношение русского общества к масонам. Все ее усилия в сфере международной политики были направлены в это время на то, чтобы срочно создать союзную коалицию Австрии, Германии, Швеции и России против революционной Франции. Во главе союзных войск коалиции предполагалось поставить А.В. Суворова. По Петербургу поползли слухи, что якобинцы в сговоре с масонами решили уничтожить монархов коалиционных стран. По этому поводу Екатерина II писала своему

постоянному корреспонденту барону Гримму: «Я боюсь одуреть по милости событий, которые так сильно потрясают нервы. Якобинцы всюду разглашают, что они меня убьют. Три или четыре человека отправлены ими для этой цели».

1 марта 1792 года при загадочных обстоятельствах неожиданно умер австрийский император Леопольд II. Через полмесяца во время маскарада был убит шведский король Густав III. Посланец прусского короля сообщил русскому правительству, что некий француз Бассевиль направляется в Россию для убийства Екатерины II. В Петербурге были удвоены караулы. 7 апреля до российской столицы докатились подробности убийства на балу шведского короля (эта история позднее, в XIX веке, легла в основу знаменитой оперы Дж. Верди «Бал-маскарад»).

На балу в Зимнем дворце императрица пристально вглядывалась в лица гостей, ее левая щека нервно подергивалась...

В стране возникала напряженная обстановка беспокойства и подозрительности. В этих условиях памятный всем своими сатирическими журналами, независимый издатель и мартинист Николай Новиков, из типографии которого выходили сочинения Вольтера и энциклопедистов, а также многие книги, «с простыми и чистыми правилами веры» не согласные, становился все более подозрителен.

* * *

Новый, 1792 год архитектор Василий Иванович Баженов встречал в Петербурге. Навестив перед отъездом из Москвы своего друга и единомышленника Н.И. Новикова, В.И. Баженов не преминул упомянуть о том, что в столице будет принят и з в е с т н о й о с о б о й , и предложил Новикову передать этой о с о б е какие-нибудь новые книги.

Шесть лет назад, вняв подобной просьбе, Новиков послал наследнику российского престола Павлу Петровичу (а именно его собеседники именовали «известной особой» несколько недавно изданных им книг, в том числе сочинение Иоанна Арндта «Об истинном христианстве».

Содержащая резкую критику официальной церкви и ее корыстолюбивых служителей, книга И. Арндта, впервые переведенная на русский язык в 1735 году, была запрещена синодом и изъята из обращения. В 1784 году Екатерина II подтвердила это запрещение. Поэтому гневу императрицы не было предела, когда в 1785 году это сочинение вновь вышло в Москве в переводе друга Н.И. Новикова И.П. Тургенева.

Последовало очередное запрещение Екатерины и приказ о конфискации тиража.

Однако книгу столь быстро раскупили, что отыскать и уничтожить ее оказалось уже невозможно.

Тогда же протоиерей Петр Алексеев направил в Петербург донос на митрополита московского Платона, указав, что он косвенно повинен в появлении нового издания И. Арндта, потому как недостаточно ревностно оберегает интересы церкви. Прилагая одну из новых книг, изданных в Москве, доносчик писал, что по ней можно судить «и о прочих сего рода сочинениях здесь печатаемых к соблазну немощных совестей, и тем самым, кому бы запрещать надлежало одобряемых».

Екатерина прекрасно понимала, что Платон никакого отношения к этой истории не имеет и одобрять вредных для православия книг не может. Но при разбирательстве дела об издании книги И. Арндта неожиданно выяснилось, что московские мартинисты, выпустившие в свет его сочинение, пытались связаться с наследником престола Павлом и через архитектора Баженова передали ему летом 1785 года пять томов сочинения «Об истинном христианстве». Крайне подозрительная ко всем, кто пытался вступить в контакт с ее сыном-наследником, императрица тогда же приказала «испытать» Новикова в вере и освидетельствовать издаваемые им книги. Одновременно она резко отчитала Павла, украсившего полки кабинета Гатчинского дворца запрещенным ею изданием.

Когда же через три года Баженов вновь привез наследнику книги на русском и немецком языках, изданные в Москве Н.И. Новиковым, тот воспринял этот подарок весьма настороженно, о чем, вернувшись из Петербурга, архитектор рассказал издателю.

Помня это, Новиков на сей раз отказался передать какие-либо книги для «известной особы», отговорившись тем, что сам давно уже ничего не печатает, и заверив собеседника в искренней преданности наследнику престола.

Разговор явно не клеился, и Баженов поспешил откланяться.

* * *

Павел встретил В.И. Баженова весьма настороженно, а когда тот заговорил о масонах, резко оборвал его, заявив, что ничего не желает о них знать. Искренне ценивший талант архитектора и опасавшийся неприятностей для В.И. Баженова в связи с его дружбой с Н.И. Новиковым и другими московскими масонами, Павел предложил ему место главного архитектора Адмиралтейской коллегии с жалованием 700 рублей.

Имевший чин генерал-адмирала российского флота, наследник престола мог тотчас распорядиться о новом назначении в Адмиралтейской коллегии и настоятельно советовал В.И. Баженову как можно скорее перебираться в Петербург. Вернувшись в Москву, архитектор спешно продал свой дом и стал готовиться к переезду в столицу.

В эти же дни в Петербурге духовник Екатерины II Иоанн Памфилов поднес своей «духовной дочери» донос на Н.И. Новикова, поступивший из Москвы от протоиерея Петра Алексеева. К доносу прилагались листы издаваемых Н.И. Новиковым книг, в числе которых была и «История об отцах и страдальцах Соловецких». Православная церковь, еще со времен патриарха Никона и протопопа Аввакума преследовавшая старообрядцев, усматривала в них опасных для единства церкви раскольников. Поэтому И. Памфилов обратил внимание Екатерины на преступность действий Новикова, издавшего «церковными литерами» книгу о соловецких раскольниках.

Императрицу, однако, гораздо больше взволновало сообщение доносчика о попытках масонов связаться с наследником престола Павлом. Екатерина помнила строки масонских стихов, посвященных Павлу Петровичу, где прямо говорилось о том, что на «украшенного венцом» наследника возлагаются надежды по установлению добра и справедливости в стране.

Все это звучало дерзким выпадом против нее, царствующей императрицы. Все это казалось ей подтверждением давних подозрений об опасном характере связей наследника с московскими оппозиционерами во главе с Н.И. Новиковым, наводнившим страну вредными для церкви и государства книгами.

Екатерина решила, что пришло время действовать. Она велела вызвать сына и, вручив ему полученные из Москвы стихи и алексеевский донос, потребовала объяснений.

Павел дрожал, как осиновый лист, клялся в верности матери и просил дать ему возможность ответить на донос в письменном виде. Через несколько часов Екатерина получила записку сына: «Вы, Ваше Величество, вероятно, заранее сказали себе то же самое, что приходило мне в голову, когда я читал документ, который Вам угодно было милостиво мне доверить. С одной стороны этот документ представляет собою нагромождение бессмысленных слов, с другой — он составлен явно с злым умыслом. И составитель его, мне думается, воспользовался своей ролью «покорнейшего слуги» (с в о и м п о к о р н е й ш и м с л у г о ю). А этому «покорнейшему слуге» в пору только справляться, почем провизия на рынке, да, в лучшем случае, собирать сплетни

насчет свежих обличительных церковных посланий, направленных против преследуемой секты, членом которой сам он, конечно, никогда не состоял. Только сумасшедший да дурак, я так полагаю, способен впутаться во всю эту историю без явно клеветнически-лакейских намерений»⁴.

Тем временем московский главнокомандующий князь А.А. Прозоровский читал секретный указ императрицы:

«Князь Александр Александрович!

Недавно появилась в продаже книга, церковными литерами напечатанная, содержащая разные собранные статьи из повествований раскольнических, как то ... повесть о протопопе Аввакуме и прочие тому подобные, наполненные небывалыми происшествиями, ложными чудесами, а притом искажениями во многих местах дерзкими и как благочестивой нашей церкви противными, так и государственному правлению поносительными. Сия книга пущена в продажу с выдраньем заглавного листа, так что нельзя видеть, где она напечатана ... имеем причину подозревать в сем деле известного вам Николая Новикова, который, как слышно, сверх типографии, имеющейся у него в Москве, завел таковую и в подмосковной его деревне. Вследствие чего повелеваем вам выбрать одного из советников уголовной или другой какой палаты и одного или двух из заседателей верхнего земского суда, людей верных, надежных и исправных, послать их нечаянно к помянутому Новикову как в московский его дом, так и в деревню и в обоих сих местах приказать им прилежно обыскать, не найдется ли у него таковая книга либо другие, ей подобные, или же по крайней мере литеры церковные. И то и другое будет служить достаточным обличением, что издание помянутой книги есть его дело, и в таком случае не только лишается он права содержания типографии, как преступивший изданные от нас повеления, коими предоставлено издание церковных книг единственно духовным типографиям, под наблюдением синода нашего заведенным, но подвергается конфискации всех таковых книг и литер, а сверх того и должному по законам ответу и взысканию; чего ради и подлежит самого его взять под присмотр и допросить о причине запрещенного поступка. ... О чем всем по надлежащем исследовании не оставьте донести нам обстоятельно и немедленно. Пребываем к вам благосклонны.

Екатерина»⁵

Ознакомившись с указом императрицы, Прозоровский вызвал одного из чиновников своей канцелярии и поручил ему купить в ближайшей книжной лавке

«Историю об отцах и страдальцах Соловецких».

Вскоре канцелярист появился в кабинете главнокомандующего, держа в руках несколько книг, в числе которых «Истории об отцах и страдальцах Соловецких» не было. Была, правда, какая-то книга о раскольниках, — Прозоровский счел, что этого достаточно для ареста Н.И. Новикова. Князь прекрасно понимал, что отмеченные в указе «Истории» всего лишь предлог. Ведь Екатерина написала достаточно ясно: «...найдется ли у него таковая книга либо другие, ей подобные... И то и другое будет служить достаточным обличением...»

Через несколько дней в имение Н.И. Новикова отправился советник уголовной палаты Д.А. Олсуфьев с полицейскими чиновниками. Непрошенные гости по-хозяйски расположились в кабинете, заявив, что имеют приказ московского главнокомандующего произвести в доме обыск.

Новикову нездоровилось, и он попросил разрешения покинуть кабинет и пойти прилечь. Олсуфьев, поглядев на бледное, изможденное лицо хозяина, согласился.

Обыск продолжался до позднего вечера. Уже были найдены экземпляры книг, запрещенных екатерининскими указами на основании представлений, сделанных духовными цензорами, уже из всех углов новиковского дома были вытащены даже те бумаги, которые и не имели никакого отношения к издательской деятельности просветителя, а Олсуфьев все еще не торопился уходить. Чутье сыщика подсказывало ему, что могут быть найдены улики, поважнее изданных Новиковым книг.

Он прошел на чердак, где среди обломков мебели и прочей хозяйственной утвари обнаружил старую книгу, завалившуюся в щель у духового окна. Из нее выпал сложенный вчетверо листок, исписанный мелким почерком. Советник уголовной палаты поднял его, развернул и начал читать. Это был рассказ архитектора В.И. Баженова о его свидании с Павлом, а также комментарии к их беседе, сделанные чьим-то незнакомым почерком...

Олсуфьев объявил Новикову, что он арестован, и приказал ему собираться. Николай Иванович упал в обморок. Друг просветителя и его домашний врач М.И. Багринский твердо заявил: «Больной нуждается в отдыхе. Дорогу до Москвы ему не выдержать». Олсуфьев и без этого понимал, что Новиков совсем плох. Испугавшись, что он, чего доброго, еще не довезет до места важного «преступника», советник уголовной палаты распорядился оставить в доме половину прибывших с ним полицейских, а сам поторопился вернуться в Москву.

Прозоровский остался недоволен этим распоряжением и через день послал в

Авдотьино отряд гусар под командованием майора князя Жевахова, который прямо с постели доставил больного Н.И. Новикова в кабинет московского главнокомандующего.

Уже первый допрос ясно показал, что сам Прозоровский не способен вести расследование. Поэтому в своем донесении Екатерине князь «всенижайше» умолял государыню «прислать к сему следствию в помощники мне тайного советника Шешковского, как к таковым производствам приобывшего».

Но императрица решила иначе. По ее предписанию арестованного отправили в Шлиссельбург, поближе к столице. Здесь, после серии допросов, ему объявили приговор: без суда и изложения каких-либо доказательств его вины, на основании указа Екатерины, он был приговорен к пятнадцати годам заключения в Шлиссельбургской крепости.

Вскоре после ареста Н.И. Новикова к С.И. Гамалея явился полицейский чиновник А.Л. Ларионов, имевший задание допросить одного из ближайших к Новикову лиц. Зная, чем может грозить для человека апостольской чистоты, каким Ларионов считал Гамалея, исход встречи, он из самых добрых побуждений посоветовал новиковскому единомышленнику кое-что скрыть а кое-что изобразить иначе, чем это было на самом деле.

«А разве можно лгать, да притом еще нарушать присягу?» — недоуменно спросил С.И. Гамалея и тут же честно написал все то, что считал необходимым. Впрочем, никаких дурных последствий не было. Екатерина не была заинтересована увеличивать круг «заговорщиков». Да и в действиях членов новиковского кружка обнаружить «крамолу» было не так просто.

Правда, по нашему мнению, следует очень внимательно отнестись к наблюдению В.А. Западова, справедливо отметившего, что «мера постигшей розенкрейцеров кары полностью определяется степенью их участия в «уловлении известной особы» (т.е. Павла) и в связи с немецкими масонами.

Никаким особым репрессиям не подвергаются те розенкрейцеры, кого интересовали лишь нравственно-религиозные искания (например, М.М. Херасков).

Сосланы те, кто только ведал об «уловлении известной особы» (И.П. Тургенев) или «соглашался» с этим на первом этапе (Н.Н. Трубецкой). И.В. Лопухину, об осведомленности которого говорил в своих показаниях Новиков, но который сам решительно отрицал какое бы то ни было участие в «уловлении», первоначальный приговор был смягчен.

В тюрьме или в сумасшедшем доме оказались те, кто подозревался в осуществлении связей Новикова с границей: М.И. Багрянский, М.И. Невзоров, В.Я. Колокольников. Находившегося в Берлине А.М. Кутузова было велено арестовать, как только он окажется на территории России⁶.

Добавим, что представитель русских масонов в среде их немецких братьев, «сочувственник» А.Н. Радищева А.М. Кутузов в Россию не вернулся и погиб на чужбине при загадочных обстоятельствах...

5 мая 1792 года А.Т. Болотов сделал весьма примечательную запись: «Привезли нам из Тулы первое известие о гонении, воздвигнутом в Москве на господ мартинистов, и что самый их глава г. Новиков взят и куда-то сослан; а книги его и весь дом опечатан. Сие услышавши, поразился я сожалением о сем моем и всегда благоприятствовавшем мне знакомце и приятеле, а вкупе и порадовался тому, что Бог отвел и сохранил меня от того, что я не входил с ним никогда ни в какую темную связь, а по носящимся слухам о какой-то их секте сомнительствам, всегда имел к нему недоверку и при всех случаях от поверенного с ним обхаживания удалялся».

Никто из современников не осмелился выступить в защиту замечательного деятеля русской культуры. Один лишь Н.М. Карамзин дерзнул в стихотворении «К милости» воззвать к чувствам гуманности и справедливости императрицы.

...Н.М. Карамзин хорошо помнил появившуюся за десять лет до этого оду Г.Р. Державина «Фелица», где в образе «богоподобной царицы Киргиз-Кайсацкия орды» легко угадывалась российская императрица Екатерина II. Перечисляя ее достоинства, автор оды писал:

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить...

Карамзин пытается в своей оде напомнить императрице о необходимости соответствовать образу «Фелицы», этого поэтического манифеста просвещенного абсолютизма.

Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей.

Более того, напоминая Екатерине о былом увлечении энциклопедистами, Карамзин пытается убедить ее в необходимости следовать их идеям, в том числе идее «естественного права» а также соблюдать гражданские свободы. По мнению автора оды, это является важнейшим условием любви и уважения подданных к своему монарху.

Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден;
Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать
И дети-подданные вольны
По мыслям жизнь располагать...
Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах,
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах, —
Дотоле будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род.

Уже давно минула эпоха «Наказа», канули в Лету переписка с Вольтером и беседы с Дидро, но Карамзин словно не желает этого замечать. Ода «К милости», опубликованная им в «Московском журнале», должна была стать своеобразной формой защиты Новикова от деспотизма всесильной самодержавной власти, власти той «богоподобной царевны», о которой с умилением писал когда-то автор «Фелицы»:

Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь...

Издатель «Московского журнала» принимает правила игры, преувеличенно-восхищенно восклицая:

Где ступишь, там цветы алеют
И с неба льется благодать.

Карамзин прибегает к этой ритуально-одической риторике в надежде, что хотя часть этой «благодати» обратится на его любимого наставника Н.И. Новикова.

Увы, ответом издателю «Московского журнала», сочинителю оды «К милости», стало равнодушное молчание... Да и могло ли быть иначе, если тотчас после ареста Новикова развернулась бурная деятельность по уничтожению абсолютного большинства его изданий. Лавки петербургских и московских книгопродавцев, в которых находили изданные Новиковым книги, были опечатаны. Подверглись аресту огромная личная библиотека, а также публичная библиотека и гигантское книгохранилище Дружеского ученого общества.

Опасаясь возможных «сочувственников» Французской революции в среде русских вольнодумцев, самодержавие и его слуги взяли курс на жестокое пресечение всяческого инакомыслия. В этих условиях любая общественная инициатива, не контролируемая самодержавной властью (будь то книгоиздательство или благотворительность), считалась не только подозрительной, но и преступной.

События Французской революции обострили настороженность и враждебность Екатерины II к сочинениям Вольтера и энциклопедистов. По ее приказу из дворцовых интерьеров были убраны все бюсты Вольтера, а также картины художника Ж. Гюбера, изображавшие великого просветителя в его имении в Фернее.

Опасаясь «рассеивания "французской заразы"» в России, императрица с тревогой читала свежие газеты и с напряженным вниманием изучала русские летописи, присланные из Москвы митрополитом Платоном. Сопоставляя эти столь разнородные материалы, она пыталась угадать, возможны ли «французские обстоятельства» в пределах Российской империи.

В беседах со своим статс-секретарем А.В. Храповицким Екатерина не скрывала ни своей ненависти к Французской революции, ни своего ужаса перед судьбой королевской семьи.

«Они способны повесить своего короля на фонарном столбе, — раздраженно говорила государыня. — Это ужасно».

Впрочем, вину за революционные события она была склонна возложить и на самого слабовольного Людовика XVI:

— Со вступления на престол я всегда думала, что во Франции ферментации быть должно. Не умели пользоваться расположением умов. На месте Людовика я бы лучшие умы взяла к себе и сделала своими защитниками. Заметь, что делала здесь с восшествия.

Екатерине II, трезвому и дальновидному политику, было понятно, что «приручение» умов вовсе не гарантия от возможных революционных потрясений. Да и попытка самой императрицы овладеть умами многих выдающихся соотечественников также не увенчалась успехом.

После очередной беседы с государыней о Французской революции А.В. Храповицкий записал в своем дневнике: «Был оборот к собственному ее правлению... Не будет ли худа в России?»

Постоянная тревога за судьбу русского самодержавия, обостренная «ужасными известиями» из революционной Франции, заставляла Екатерину все ожесточеннее выступать против любых форм свободомыслия в стране. В те майские дни, когда в Москве еще только началось дознание по делу Н.И. Новикова, императрица уже решила его судьбу. В дневнике А.В. Храповицкого за май 1792 года имя Новикова упоминается не однажды.

В первых числах месяца он записал: «С московской почтой получено секретное донесение кн. Прозоровского о взятии Николая Новикова и его деревни; он уже допрашиван и содержится в своем доме под присмотром. На вопрос: где взял имение, он объявил о Типографском обществе в 14 человек состоящем и признался в продаже прежде напечатанных запрещенных книг церковных».

Через две недели, 18 мая, следующая запись: «Подал я пакет Шешковскому и, переправя, переписал указ им заготовленный к шлиссельбургскому коменданту о верном принятии и содержании арестанта, которого пришлет князь Прозоровский».

И, наконец, запись от 29 мая: «Узнал я, что в крепость Шлиссельбургскую привезен Новиков».

В эти же майские дни в Москве неистово «искоренял крамолу» князь А.А. Прозоровский. 16 мая 1792 года он обращается к митрополиту Московскому Платону с просьбой «назначить из духовных чинов двух персон, учением и разумом известных», которым надлежало, просмотрев новиковские издания, «сделать замечания, в чем они не согласуют православной вере нашей и уставам церкви».

Платон выделил для этих целей ректора Заиконоспасской академии Мефодия и протопопа церкви Трех Святителей В. Прокопьева. Вскоре к ним присоединились протоиерей Никитской церкви на Басманной Иоанн Иоаннов, преподаватель Заиконоспасской академии Николай Иоаннов, священник Мароновской церкви Симеон Григорьев, а также архимандрит Богоявленского монастыря Серапион, который еще в 1785 году был призван для первого «освидетельствования» новиковских изданий, проводившегося, как мы помним, согласно указу Екатерины, инспирированному П. Алексеевым и И. Памфиловым.

Черные фигуры бородатых «ревнителей православия», словно тени с того света, замелькали в комнатах московского дома Новикова и его авдотьинской усадьбы, возникли среди груды изданий, извлеченных из фондов Дружеского ученого общества и Типографической компании.

Декабрист В.И. Штейнгель сохранил любопытную подробность о том, как рассматривал книги Н.И. Новикова архимандрит Серапион:

«Чуть книга казалась сомнительною, ее тотчас бросали в камин; этим больше распорядился заведующий от духовной стороны архимандрит.

Однажды разбиравший книги сказал:

— Вот эта духовного содержания, как прикажете?

— Кидай ее туда же, — вскричал отец архимандрит, — вместе была, так и она дьявольщины наблошнулась».

Прозоровский зорко следил за тем, чтобы ни одна из вольнодумных и «несходных с правилами религии» книг не была ими пропущена. Поэтому, когда до него дошло, что в число книг, подлежащих уничтожению, не вошла трагедия Вольтера «Смерть Цезаря», изданная Новиковым в 1787 году, он немедленно заявил духовным цензорам: «...долгом поставляю напомнить вам цензировать книги с всеприлежнейшим вниманием, как от каждого требует верноподданнический долг. Из книг, вами не признанных за непозволенные, трагедия «Смерть Кесарева» весьма недостойна существования»⁷.

Не дожидаясь окончания всей работы, Прозоровский поспешил донести Екатерине уже о первых результатах. «И хотя не могли они кончить всех осмотром, — писал об «освидетельствовании» книг назначенных им духовными цензорами московский главнокомандующий, — но между тем попала книга под названием “Новое начертание истинныя теологии”. В первом томе мистика, но противная проповедыванию церкви нашей, во втором касается уже до гражданского

правительства, чтобы по заведении новой церкви подчинить оной и все государственное правительство и соединить все народы и законы вообще, а наконец стараться завести республику. Я при сем всеподданнейше оную книгу и цензорово замечание подношу... Когда и прочим книгам окончится цензура, то я по одному экземпляру от каждого сочинения с замечаниями цензоров поднесу вашему величеству, а прочие, как и прежде отобранные и находящиеся в конторе Святейшего Синода, истребовать...»⁸

Императрица распорядилась «предать огню все без изъятия» запрещенные книги, «не внося и к нам экземпляров».

Гигантская работа духовных цензоров была закончена лишь полтора года спустя. Согласно их определению, более восемнадцати с половиной тысяч книг подлежало уничтожению. 31 октября 1793 года князь А.А. Прозоровский направил управляющему Московским приказом общественного призрения А.П. Курбатову подробнейшую секретную инструкцию, в которой предписывал, «согласясь с адъютантом моим Кушниковым», начать «неприметным образом» все «вредные книги истреблять, предавая огню на каменных кирпичных заводах, начиная первоначально (ежели всех сжечь удобства не найдете) полученные из Синодальной конторы, потом хранящиеся в вашем смотре, а, наконец, и состоящие в доме Новикова. Вывозить оные из города должно попозже в вечеру или поутру до света... И стараться все со всевозможной скромностью исполнить и по исполнении мне рапортовать»⁹.

Дым печей кирпичных заводов, расстилавшийся над Москвой, казалось, служил наглядным свидетельством превращения в прах многолетних трудов выдающегося русского издателя и просветителя. Прозоровский и Алексеев торжествовали, предвкушая весомую награду за их ревностные труды.

Но Екатерина словно забыла о существовании своих верных слуг. И тогда московский главнокомандующий, не дожидаясь вызова из столицы, сам нагрянул в Петербург и явился во дворец. Однако беседа с императрицей очень разочаровала московского гостя. Она любезно поговорила с ним о разных пустяках, почему-то настойчиво расхваливала прелести деревенской жизни, расспрашивала о том, какое из имений князя наиболее живописное. О «деле» Новикова упомянула вскользь, а подготовленный рапорт с указанием особо отличившихся и достойных награды лиц небрежно положила в стол.

Вскоре Прозоровский узнал, что орден, на который он рассчитывал, достался советнику уголовной палаты Д.А. Олсуфьеву, отыскавшему в имении Н.И. Новикова

записку о беседах Павла с архитектором В.И. Баженовым. Непосредственные исполнители приказов главнокомандующего — гусары майора Жевахова были награждены годовым жалованьем. Но ни князь А.А. Прозоровский, ни протоиерей П. Алексеев, столь изобретательно следивший за деятельностью Н.И. Новикова и постоянно на него доносивший, не получили никаких наград. А вскоре, к удовольствию московского дворянства, генерал М.М. Измайлов сменил А.А. Прозоровского на посту московского главнокомандующего.

О «деле» Новикова было приказано забыть.

* * *

Существует предание, что во время работы над «Древней Российской Вивлиофикой» Н.И. Новиков побывал в Шлиссельбургской крепости и даже пробыл несколько минут в камере, где более двадцати лет содержался бывший император Иоанн Антонович, во младенчестве провозглашенный российским самодержцем и затем всю жизнь прошедший за тюремными стенами Шлиссельбурга. Здесь ему и предстояло быть убитым в 1764 году при попытке поручика Мировича доставить престол «императору Иоанну VI».

Н.И. Новиков, осматривавший сырую, холодную камеру бывшего императора, вышел оттуда мрачный, потрясенный, словно что-то предчувствуя. Впрочем, Новиков вряд ли связывал с этой тюрьмой собственное будущее. Скорее всего, его доброе сердце, открытое сочувствию и состраданию, было угнетено тяжелой атмосферой застенка.

С какими чувствами должен был входить в ворота Шлиссельбургской крепости-тюрьмы узник, которому предстояло провести здесь полных пятнадцать лет! Заключение с Новиковым разделял доктор М.И. Багрянский «за перевод развращенных книг» и его крепостной слуга.

Впрочем, причины заточения Багрянского не вполне ясны. В масонской среде существовало убеждение, что он добровольно последовал в крепость за Н.И. Новиковым как его друг и врач. А медицинская помощь узнику была действительно необходима.

Сохранились документы, весьма красноречиво свидетельствующие об условиях содержания Н.И. Новикова в казематах Шлиссельбурга. Летом 1794 года комендант Шлиссельбургской крепости полковник Колубакин доносил генерал-прокурору А.Н.

Самойлову:

«Покойный господин тайный советник Степан Иванович Шешковский, будучи в сей крепости, дал мне приказание, чтоб содержащимся известным арестантам Новикову, его человеку и бывшему при нем доктору производить кормовых по рублю в сутки, а притом, чтоб за здоровьем его, Новикова, иметь особое по воле Ея Императорского Величества попечение, а потому когда он, Новиков, случаем болен и представляемы были от меня к нему прописываемыя вышеписанным доктором для него, Новикова, лекарства, то оныя были ко мне доставляемы, а ныне приемлю смелость утруждать Ваше Высокопревосходительство сим моим объяснением: 1) что как всему уже обществу ощутительна есть во всем дороговизна, то сколько бы я ни старался в удовлетворении сих людей в безбедном их содержании, но оное определенное им число к содержанию их нахожу весьма недостаточным. 2) На сих людей о докторе осмелюсь донести, что скромность жизни его, а паче жалоба на вовлечение в сие несчастное бытие Новиковым и в том чистосердечное его раскаяние, что замечено было и господином Шешковским, который сделал приказание о употреблении к нему возможного снисхождения, но я сие отношу до воли Вашего Высокопревосходительства, яко высокоповелительному Начальнику и испрашиваю позволения о бритьи сему доктору бороды и прохождения для сохранения жизни под моим присмотром внутри крепости в удобное время на воздухе. И так изъясняя сим Вашему Высокопревосходительству по долгу и препоручению о сих людях попечения моего имею честь испросить вашего в резолюцию соизволения».

О прогулках «для сохранения жизни» Н.И. Новикова, так же как и праве брадобрейства главного узника камеры № 9, комендант не пишет ни слова.

Получив донесение Колюбакина, А.Н. Самойлов направил в Шлиссельбургскую крепость чиновника Тайной экспедиции А. Макарова для выяснения характера и условий содержания узников крепости-тюрьмы. Вскоре Макаров донес Самойлову, что «содержание секретным арестантам чинится со всевозможною осторожностью и к утечке или другим каким непонятным случаям сомнения никакого нет: положенное же число для продовольствия их денег все получают и тем довольны исключая Новикова, который произносил просьбу о недостатках в разсуждении нынешней во всем дороговизны». К своему донесению Макаров приложил и список арестантов, содержащихся в крепости:

- «1. Малороссийянин Сава Сирский с 776 г. за делание фальшивых ассигнаций.
2. Пономарев сын Григорий Зайцев с 784 г. за ложное и дерзкое разглашение и

буйственное поведение.

3. Беглый сержант Протопопов с 784 г. за отвращение от веры и неповиновение церкви.

4. Унтершихмейстер Кузнецов с 787 г. за делание фальшивых ассигнаций на 10 лет.

5. Бывший поручик Карнович с 788 г. по лишении чинов и дворянства за продажу чужих людей, за сочинение печатей и пашпортов и дерзкие разглашения, посажен до окончания Шведской войны.

6. Отставной поручик Новиков с 792 г. за содержание масонской секты и за печатание касающихся до оной развращенных книг на 15 лет.

7. При нем доктор за перевод развращенных книг.

8. Человек его, но за что неизвестно».

А еще через две недели вместе с очередным рапортом коменданта Шлиссельбургской крепости на стол генерал-прокурора легла и записка узника камеры № 9 Н.И. Новикова.

«Записка о всепокорнейших моих просьбах.

1) В рассуждении дороговизны на все съестные припасы, из получаемого рубля имеем самое нужное и бедное пропитание.

2) Во всяком белье и обуви, также и платье, а наипаче слуга при нас находящийся, крайнюю претерпеваем нужду и бедность.

Наконец, ежели голос несчастного страждущего, почти умирающего, может достигнуть в слух Ея императорского величества, то всепокорнейше вашего высокопревосходительства из единого человеколюбия прошу внушить и представить всемилостивейшей матери отечества мою нищую всеподданнейшую просьбу о милосердном помиловании и прощении нас! Слабость крайняя и истощенные силы не попускают меня теперь более о сем распространяться; но человеколюбие и сострадание вашего высокопревосходительства да исполнят недостаток моей бедной верноподданнической просьбы. Умилосердитесь над несчастным и преклоните на милосердие всемилостивейшую Матерь и Государыню хоть для слез бедных троих сирот детей моих!»¹⁰

Генерал-прокурор А.Н. Самойлов не обратил никакого внимания на просьбы Н.И. Новикова, так же как и не счел нужным разрешить доставлять ему лекарство, о чем просил шлиссельбургский комендант. И лишь спустя два года, когда, по сообщению коллежского ассесора Ф. Крюкова, Новиков, «будучи одержим разными

припадками и не имея никакова себе от того пособия получил наконец ныне внутренний желудочный прорыв, от чего и терпит тягчайшее страдание, и просит к облегчению судьбы своей от вашего сиятельства человеколюбивейшего милосердия, а притом страждут они с Багрянским и от определенного им к содержанию малаго числа кормовых в рассуждении нынешней во всем дороговизны». А.Н. Самойлов, наконец, распорядился «прислать рапорт сколько какой одежды и обуви и для кого потребно, а притом доставить ко мне и рецепт на лекарство для Новикова от содержащегося с ним доктора, также по дороговизне в съестных припасах, прибавьте ему и при нем находящимся к производимым на пищу деньгам еще по одному рублю в день».

28 октября 1796 года в Шлиссельбургскую крепость было отослано лекарство и предписание увеличить содержание узника камеры № 9 на один рубль в день.

Екатерина внимательно следила за всем, что касалось Н.И. Новикова. И это решение также, скорее всего, было санкционировано ею.

Ровно через неделю императрица, как обычно, слушала утренние доклады своих статс-секретарей. Прервав одного из них, Екатерина вышла в соседнюю комнату. Перерыв явно затянулся слишком долго, и статс-секретарь, охваченный беспокойством, вызвал фаворита императрицы Платона Зубова. Зубов прошел во внутренние покои государыни, и вскоре стало известно, что Екатерину постиг апоплексический удар. Дворцовые залы постепенно заполнялись придворными. Платон Зубов, подавленный, удрученный, сидел у постели умирающей императрицы и умолял подать ему стакан воды. Те, кто еще несколько часов назад раболепствовал перед могучим фаворитом, стремясь предугадать любое его желание, любой каприз, хранили высокомерное молчание. В царившей суматохе почти никто не заметил исчезновения его брата — Николая Зубова.

Около трех часов пополудни, когда наследник российского престола Павел Петрович допивал на мельнице Штакеншнейдера близ Гатчины свой послеобеденный кофе, ему доложили о прибытии графа Николая Зубова. Павел побледнел и вспомнил дурной сон, о котором только что рассказывал жене. Но когда на пороге появился возбужденный, забрызганный грязью Н.А. Зубов и, упав на колени, обратился к нему со словами: «Ваше Величество...» — сорокадвухлетний цесаревич все понял. Велев немедленно закладывать карету, он ходил из угла в угол, повторяя: «Какое несчастье! Застану ли я ее в живых?!»

Ему все еще было страшно. По прибытии во дворец императрицы Павел разместился рядом с комнатой, в которой умирала Екатерина. Когда утром 6 ноября

врачи заявили о ее безнадежном состоянии, бумаги государыни опечатали.

В придворных кругах было распространено мнение, что Екатерина намеревалась передать престол непосредственно своему любимому внуку Александру, минуя Павла, и что это желание выражено в составленном ею завещании, о котором было известно нескольким видным екатерининским вельможам. Рассказывали, что при разборе Павлом бумаг императрицы А.А. Безбородко будто бы указал взглядом на конверт, перевязанный черной ленточкой, а затем на горящий камин, куда этот конверт и был немедленно брошен. Безбородко стал канцлером России, а позднее князем. Царствование императора Павла I началось. Вступив на престол, Павел тотчас распорядился освободить 87 человек, осужденных Екатериной. «Достопамятнейшим из них, — писал А.Т.Болотов, — был известный господин Новиков, содержащий до сего университетскую типографию и прославившийся восстановлением нашей литературы и приведением оной, в короткий срок, в цветущее состояние».

Новиков как гражданин, полезный своей
деятельностью, заслуживает общественную
признательность.

Н.М.Карамзин

Глава седьмая ВОЗВРАЩЕНИЕ

Николаю Ивановичу Новикову было всего пятьдесят два года, когда он, освобожденный из Шлиссельбургского заключения, вернулся в свое родное Авдотьино. Однако выглядел Н.И.Новиков слабым, немощным стариком.

«Он прибыл к нам, — вспоминал С.И.Гамалея, — 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе... Доктор и слуга крепче его... Некоторое отсвечивание лучей небесной радости видел я на здешних поселянах, как они обнимали с радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая при том, что они в голодный год великую через него помощь получили; и не только здешние жители, но и отдаленных чужих селений...

Сын в беспамятстве подбежал, старшая дочь в слезах подошла, а меньшая нова, ибо она не помнила его, и ей надобно было сказать, что он отец ее»¹.

Новиков дышал воздухом свободы, о которой еще вчера не смел даже мечтать в сырой и мрачной камере Шлиссельбургской крепости. Тусклое ноябрьское солнце, свежий, холодный осенний воздух, все то, чего обычно не замечает человек в буднях повседневности, казались вчерашнему узнику небывалым счастьем. И все же возвращение было тягостным. Мучительная, неизлечимая душевная болезнь сына и старшей дочери, которой они страдали со дня его ареста, не давала покоя. Он считал себя повинным в несчастье малолетних детей. Обступали долги и кредиторы. Имущество после его ареста перешло в казну. Буквально за несколько месяцев до освобождения Н.И. Новикова в любимой и некогда издаваемой им газете «Московские ведомости» (№ 65 от 13 августа 1796 года) было напечатано объявление об аукционе, на котором покупателям предлагалась его орловская деревня. В октябре того же года состоялись торги, и деревня была продана за 15 969 руб. 40 копеек...

К счастью, разоренное Авдотьино еще принадлежало семейству Новиковых, и управляющий имением брат Алексей, насколько мог, сводил концы с концами. Однако

господский дом и крестьянские избы ветшали, запаса зерна, как в былые годы, не было, а год вновь выдался неурожайным. Средств к существованию почти не было. Были долги. Огромные, обраставшие с каждым днем все большими процентами.

Не успел Новиков оглядеться у себя в имении, как к нему примчался фельдъегерь из Петербурга. Царский посланец нагнал страху на обитателей Авдотьиного. Однако опасения были напрасны: посыльный передал Новикову распоряжение нового императора срочно явиться в столицу. Поговаривали даже, что он будет теперь директором Московского университета.

5 декабря 1796 года, прямо с дороги, Н.И. Новиков был доставлен в кабинет царя. Рассказывали, что, оставшись наедине с Николаем Ивановичем, Павел будто бы даже упал перед ним на колени и просил прощения за поступок Екатерины, несправедливо осудившей просветителя. Это, скорее всего, не более чем легенда; император беседовал с Новиковым без свидетелей, а сам вчерашний узник, кажется, никому ничего подобного не говорил. Впрочем, экзальтированный Павел, подобно многим в России ценивший высочайший нравственный авторитет просветителя, пожалуй, мог и ошеломить его столь необычным жестом. Павел пообещал Новикову вернуть имущество, взятое в казну, и спросил, нет ли у него каких-либо просьб? Новиков попросил освободить узников Шлиссельбургской крепости, вчерашних своих товарищей по несчастью. Павел недовольно поморщился. Краткая аудиенция окончилась. Можно было возвращаться домой. Новикова радовало то, что по распоряжению императора ему будет возвращено имущество. Однако настроение Павла менялось, как погода в Петербурге. Вскоре царь приказал забрать новиковскую собственность обратно в казну. А спустя еще три месяца распорядился взыскать с просветителя и его поручителей долги Типографической компании.

Поставленному на грань разорения Н.И. Новикову вновь пришел на помощь Г.М. Походяшин. Самым крупным был долг Московскому воспитательному дому — он составлял около 150 тысяч рублей. Однако уже к началу октября 1797 года Новиков сумел его погасить. На это ушли деньги за проданную орловскую деревню, арендная плата «за отдачу в наем покоев в его домах» и все доходы от продажи оставшихся книг. Был продан также дом на Садово-Спасской и знаменитая аптека, полтора десятка лет исправно служившая москвичам.

Походяшин взялся организовать уплату долгов частным лицам. Так как основным источником дохода могла стать только продажа книг, которых на складах, перешедших к Походяшину, скопилось великое множество, было решено устроить в

Москве книжную лотерею, где и разыграть все эти издания. Затея удалась, и вчерашний узник постепенно стал возвращаться к привычной жизни в Авдотьино. Он заложил имение в Опекунском совете и на полученную ссуду стал приводить его в порядок. И господский дом, и дома крестьян страшно обветшали. Новиков предложил строить не деревянные избы, а каменные дома на четыре семьи. Они до сих пор стоят в Авдотьино. Когда-то, в 1789 году, переселившись из Москвы в родовое имение, Новиков пристроил к зданию церкви нарядную колокольню. По некоторым сведениям, ее проект был составлен архитектором В.И. Баженовым. Тогда же по эскизам хозяина была выполнена и живопись храма, в которую он включил элементы масонской символики. От церкви проложили широкую липовую аллею к новому двухэтажному дому, построенному в 1800 году. Часть каменного флигеля сохранилась и поныне. Сохранились также остатки старого барского сада, любимого детища Н.И. Новикова.

В дошедших до нас письмах просветителя к друзьям владелец Авдотьино частенько просит прислать ему цветочных семян и черенков плодовых деревьев, желательно из придворных садов Петергофа и Ораниенбаума.

Неспешная помещичья жизнь в любимом Авдотьино успокаивала, лечила раны душевные и телесные. В заботе о ближних, об авдотьинских и окрестных крестьянах видел теперь Н.И. Новиков свой главный человеческий и христианский долг...

Наполеоновское нашествие обошло Авдотьино стороной. Но как истинный патриот своего Отечества, Новиков всей душой желал победы России над сильным и могучим противником. Чтобы обезопасить свой дом и жилище своих соседей, Н.И. Новиков объявил крестьянам, что за каждого пленного француза, которого они задержат в окрестностях Авдотьино, будет платить им по рублю. В новиковском имении стали появляться замерзшие и голодные французы. Авдотьинский помещик считал необходимым заботиться о пленных, в течение нескольких дней кормил их и затем сдавал бронницкому исправнику. Правда, многим эти действия казались подозрительными и нередко служили поводом для пересудов.

Впрочем, подозрительность и недоброжелательство к «фармазону» и «чернокнижнику», столь сильно укрепившееся в сознании обывателя в связи с гонениями на масонов и арестом Н.И. Новикова, принимали иной раз даже уродливо-анекдотические формы. Д.П. Рунич вспоминал: «Говорили, что масоны имеют сношения с нечистыми духами, что они вызывают мертвых с того света, обидают простаков, не ходят в церковь и множество подобных нелепостей, которые, впрочем, и в наше время распространяют, когда хотят повредить какому-нибудь лицу или

обществу». Далее Рунич повествует о том, как однажды Н.И. Новикову, приехавшему из Авдотьи́на в гости к своим московским знакомым, довелось услышать весьма колоритный рассказ пожилой дамы, убеждавшей собравшихся «...какой я видела страх: ехала из-за Москвы-реки по каменному мосту, насилу проехать смогла — такое множество народу. Все глядят на реку, и я велела кучеру остановиться: и что ж? Проклятый Новиков на камне плывет вверх по Москве-реке. Я так и обмерла и до сих пор еще отдохнуть не могу». Далее Д.П. Рунич прибавляет: «А Николай Иванович Новиков сидел тут же в гостиной»². Понятно, что при таком отношении общества к выдающемуся русскому просветителю любая попытка некогда знаменитого российского издателя вернуться к делам была обречена на провал.

Лишенный возможности участвовать в литературно-общественной жизни страны и издательской работе, Н.И. Новиков доживал свой век тихим отшельником в тесном кругу родных и близких ему людей.

Вставал он каждый день в четыре утра и, выпив чашку чая, садился к письменному столу. Зажигались четыре восковые свечи, и часов до восьми авдотьи́нский отшельник читал и писал. Затем выходил на прогулку; обдумывая прочитанное, гулял по дорожкам сада, спускался к реке или направлялся в сторону деревни. За ним шел мальчик-казачок, неся большой кулек с пряниками. Когда они подходили к деревне, раздавались радостные возгласы крестьянских детишек: «Барин идет!» Авдотьи́нские малолетки хорошо знали: сейчас начнется раздача гостинцев — и со всех ног бежали к своему господину. Старики, завидев его, снимали шапки, сгибаясь в глубоком почтительном поклоне. Всем своим поведением, обращением с крестьянами Новиков как бы наглядно демонстрировал свои принципы.

После утренней прогулки Николай Иванович внимательно осматривал плодовые деревья и в первом часу спешил к обеду, за которым по большей части говорил о том, что случалось ему прочесть поутру. К обеденному столу собирались почти все обитатели Авдотьи́на — вдова И.Г. Шварца Наталья Ильинична, Семен Иванович Гамалей, младшая дочь хозяина Вера. Сын Иван и старшая дочь Варя, всю жизнь страдавшие жестокими приступами тяжелой болезни, обедали, как правило, у себя в комнатах и к общему столу не выходили.

После обеда Николай Иванович поднимался по крепкой дубовой лестнице на второй этаж и проходил небольшой анфиладой комнат через залу и гостиную в кабинет, обитый желтыми обоями. Здесь он ложился на диван и отдыхал часок-другой, заглядывая иной раз в библиотеку — угловую зеленую комнату, располагавшуюся за

кабинетом. Время до ужина было посвящено хозяйственным заботам, приему больных крестьян, которых Новиков, всегда увлекавшийся медициной, лечил очень охотно. В седьмом часу пили вечерний чай, а в десять ложились спать.

Так продолжалось изо дня в день, и лишь изредка монотонную размеренность авдотьинского бытия нарушали визиты тех, для кого имя Н.И. Новикова было символом просвещения, добра и гуманизма.

В 1830-е годы сосланный Николаем I в Вятку А.Л. Витберг с помощью А.И. Герцена напишет свои воспоминания, где значительное место будет уделено Н.И. Новикову. Вспоминая, как профессор Московского университета М.Я. Мудров предложил ему однажды отправиться в имение к Н.И. Новикову, Витберг пишет о том, что он с восторгом принял это предложение. С восторгом — так как высоко чтит великого русского просветителя, нравственный авторитет которого был для него непререкаем.

«Новиков, — утверждал Витберг, — положивший основание новой эре цивилизации России, начавший истинный ход литературы, деятельно неутомимый, муж гениальный, передавший свет Европе и разливший его в глубь России. Чего не должен был я ожидать от взгляда великого человека на храм, воздвигаемый Россиею, который всю жизнь воздвигал в ней храм иной, колоссальный и великий! Новиков, жертва сильного стремления к благу Родины, жил отшельником в небольшой деревне, единственном достоянии его, в 60 верстах от Москвы. Мы поехали»³.

Н.И. Новиков встретил М.Я. Мудрова и А.Л. Витберга приветливо. Молодому архитектору он показался болезненным стариком, хотя, как пишет сам Витберг, «взор его еще горел и показывал, что еще может воспламеняться и любить». Едва гости обменялись приветствиями с хозяином, как в комнату вошел Семен Иванович Гамалея. Он молчаливо уселся в углу и почти не принимал участия в общем разговоре. Новиков же, «напротив был одарен превосходным даром красноречия. Речь его была увлекательна». Наступила минута, когда архитектор должен был сообщить о цели своего визита — познакомить хозяина дома с разработанным им проектом храма-памятника Отечественной войне 1812 года.

Н.И. Новиков выразил горячее желание увидеть этот проект, о котором уже был наслышан. А.Л. Витберг развернул чертежи и начал рассказ. Мы не знаем, что и как объяснял он Новикову. Но вот что пишет А.И. Герцен, близко познакомившись с архитектором в Вятке, о своем восприятии проекта храма Христа Спасителя.

«Нижний храм, иссеченный в горе, имел форму параллелограмма, гроба, тела;

его наружность представляла тяжелый портал, поддерживаемый почти египетскими колоннами; он пропадал в горе, в дикой, необработанной природе. Храм этот был освещен лампами в этрурийских высоких канделябрах, дневной свет скудно падал в него из второго храма, проходил сквозь прозрачный образ рождества. В этой крипте должны были покоиться все герои, павшие в 1812 году, вечная панихида должна была служить о убиенных на поле битвы, по стенам должны были быть иссечены имена всех их, от полководцев до рядовых.

На этом гробе, на этом кладбище разбрасывался во все стороны разноконечный греческий крест второго храма — храма распростертых рук, жизни, страданий, труда. Колоннада, ведущая к нему, была украшена статуями ветхозаветных лиц. При входе стояли пророки. Они стояли вне храма, указывая путь, по которому им идти не пришлось. Внутри этого храма были вся евангельская история и история апостольских деяний.

Над ним, венчая его, оканчивая и заключая, был третий храм в виде ротонды. Этот храм, ярко освещенный, был храм духа, невозмущаемого покоя, вечности, выражавшейся кольцеобразным его планом. Тут не было ни образов, ни изваяний, только снаружи он был окружен венком архангелов и накрыт колоссальным куполом»⁴.

Н.И. Новиков, выслушав рассказ А.Л. Витберга, сказал: «Очень рад, что Вы посвятили свой талант на предмет столь достойный, и предвижу успех ваш». Николай Иванович посоветовал только отбросить некоторые частности, чтобы еще ярче зазвучала главная идея. Витберг поблагодарил за совет, заявив, что считает важнейшим в архитектуре не ограничиваться поиском одной только изящной формы, но видит свою задачу в подчинении всех форм архитектурной выразительности главенствующей идее, в которой присутствует «внутренний смысл, глубоко врезанный в каждую форму».

«Когда бог одарил кого талантом, — продолжал Новиков, — он обязан быть верным своему призванию». При этом Николай Иванович не упустил случая подчеркнуть свою любимую мысль: важно, чтобы талант соединялся с потребностью художника в нравственном самосовершенствовании и самопознании.

С.И. Гамалея также одобрил проект храма, хотя, по свидетельству самого архитектора, «не мог рассуждать так, как Новиков, полный идей живых и пламенных».

Авдотьиные старики полюбили молодого талантливого юношу. Он провел в имении несколько дней, а потом еще дважды наезжал в Авдотьино из Москвы. В один из приездов Витберг осторожно спросил Новикова о причинах его заточения в

Шлиссельбургской крепости. Спросил и смутился, но Новиков не спеша начал свой рассказ. Он говорил о том, что старался познакомить соотечественников с лучшими произведениями мировой литературы, и по его призыву множество друзей-единомышленников объединились вокруг него с готовностью работать на общую пользу. Тогда он завел типографии, успешно конкурировавшие с правительственными издательствами, книжные лавки, стал издавать многочисленные журналы. Его друзья, бескорыстные любители просвещения, собрали немалые суммы, на которые осуществлялась не только литературно-издательская деятельность, но и многие филантропические программы.

Успехи этого общества возбудили зависть и недоверие у обывателя и в правительственных сферах, где сочли опасным содержание в частных руках столь мощного просветительского и филантропического центра. К этому прибавились опасения в связи с контактами Новикова и его друзей с цесаревичем Павлом Петровичем, что было явно преувеличено. И хоть никаких политических замыслов в новиковском кружке никогда не существовало, сам Новиков был схвачен по подозрению в каких-то тайных намерениях и после серии допросов безо всякого суда посажен в Шлиссельбургскую крепость.

Витберг слушал внимательно, боясь пропустить хоть одно слово. И, вглядываясь в лицо великого человека, вдруг ясно понял, что должен написать его портрет. Новиков согласился и пригласил гостя в библиотеку. Там стояло около полусотни книг, переплетенных самим хозяином.

«Вот сколько труда, — заметил Новиков, — но с искреннею скорбью вижу, что некому завещать все это, некому передать мысли для продолжения начатого».

А.Л. Витберг написал портрет Новикова и уехал. Неспешное авдотьинское житье продолжалось. Возраст, пережитые страдания и болезни все сильнее давали о себе знать. «Тяжелее этого года я, кажется, еще в жизни моей не имел», — говорил Новиков весной 1817 года. Но летом стало чуть легче, и даже новый, 1818 год, обессиленный Николай Иванович встречал с надеждой на лучшее. Увы, этот год оказался для него последним. Жизнь уходила. 3 июня 1818 года у него случился удар. Больной лишился речи, впал в беспамятство. Его на руках перенесли в кабинет и бережно уложили на диван. В изголовье на бюро стояли многочисленные лекарства и настойки, приготовленные еще самим хозяином. Но теперь они были уже явно бесполезны. Три недели продолжалась агония. У постели умирающего постоянно сидели дочь Вера, верный друг Семен Иванович Гамалей и двадцатилетний

камердинер Иван Алексеев. После кончины Н.И. Новикова возникла легенда, будто бы он в последние дни обрел речь и память и даже незадолго до смерти читал наизусть Евангелие. В действительности ничего этого не было. После трех недель страданий в четыре часа утра 1 июля 1818 года Н.И. Новиков умер на руках своего камердинера. В последнюю минуту он сделал едва уловимое движение, и находившийся рядом СИ. Гамалея, припав к его уху, трижды громко произнес имя Христа...

Н.И. Новиков был похоронен в усадебной авдотьинской церкви. Спустя некоторое время над его могилой установили памятную доску.

Вскоре после смерти Н.И. Новикова Н.М. Карамзин обратился к Александру I со специальной запиской о Новикове. Известнейший историк и писатель счел своим долгом обратить внимание царя на заслуги выдающегося деятеля русской культуры и испросить царской помощи его осиротевшей семье.

«Господин Новиков, — писал Карамзин, — в самых молодых летах сделался известен публике своим отличным авторским дарованием: без воспитания, без учения писал остроумно, приятно и с целью нравственною; издал многие полезные творения...» Он вспомнил, как много лет назад, совсем юным, пришел в гостеприимный дом Новикова на углу Лубянки и Мясницкой, где познакомился с молодыми и не слишком молодыми людьми, жаждавшими нравственного совершенствования и духовного обновления. И Новиков был для них не только сочинителем и издателем, но и учителем в трудной школе жизни — учителем страстным, ищущим, мудрым... «Новиков и его друзья, — продолжал Карамзин, — на свое иждивение воспитывали бедных молодых людей, учили их в школах, в университетах; вообще употребляли немалые суммы на благотворение. Императрица, опасаясь вредных тайных замыслов сего общества, видела его успехи с неудовольствием... Французская революция и излишние опасения московского градоначальника решили судьбу Новикова: его взяли в Тайную канцелярию, допрашивали и заключили в Шлиссельбургской крепости, не уличенного действительно ни в каком государственном преступлении, но сильно подозреваемого в намерениях, вредных для благоустройства гражданских обществ. <...>

Император Павел в самый первый день своего восшествия на престол освободил Новикова, сидевшего около четырех лет в душной темнице; призывал его к себе в кабинет, обещал ему свою милость, как невинному страдальцу, и приказал возвратить конфискованное имение»⁵.

Карамзин не скрыл и того, что «Новиков вел переписку с прусскими теософами,

хотя и не политическую, в то время, когда наш двор был в явной неприязни с берлинским»⁶.

Впрочем, это обстоятельство, послужившее для Екатерины II одним из основных пунктов обвинения, на Александра I должно было произвести, по мнению историка, впечатление скорее благожелательное. Карамзин хорошо знал, что в последнее время император все чаще читал книги немецких мистиков, в том числе и изданные когда-то Новиковым и его единомышленниками, московскими мартинистами.

Николай Михайлович даже специально подчеркнул, что в 1785 году Новиков «вошел в связь» с «берлинскими теософами, и сделался в Москве начальником так называемых мартинистов, которые были (или суть) не что иное, как христианские мистики ...»

Заканчивая свою «Записку», историк писал: «Заклучим: Новиков как гражданин, полезный своей деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы; он был жертвою подозрения извинительного, но несправедливого. Бедность и несчастье его детей подают случай государю милосердному вознаградить в них усопшего страдальца...»

Александр I прочел «Записку» Н.М. Карамзина. Мы не знаем, что он ответил прославленному историографу. Знаем только, что «государь милосердный» не пожелал ничего сделать для семьи Н.И. Новикова. Имение и вещи просветителя были проданы за долги с публичного торга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В канун столетней годовщины со дня смерти Н.И. Новикова в 1918 году в нашей стране был принят декрет Совнаркома «О памятниках республики». Государство, возникшее на развалинах Российской империи, решило воздвигнуть памятники тем, кого считало своими идейными и духовными предшественниками. Русский XVIII век был представлен в этом списке именами М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева и Н.И. Новикова.

Скульптор Вера Игнатьевна Мухина принялась за работу над памятником Николаю Ивановичу Новикову. А Государственный фарфоровый завод в Петрограде получил заказ от Наркомпроса сделать бюсты «великим людям в области революции». Среди тех, кого предполагалось воплотить в фарфоре, был и Новиков. В 1918 году скульптором Н.Я. Данько был выполнен его скульптурный портрет. Тогда же в серии «Кому пролетариат ставит памятники» вышла брошюра, посвященная Н.И. Новикову. Напечатанная на шершавой, дешевой типографской бумаге, немалым по тому времени тиражом, она несет в себе благородный порыв увековечить память замечательного соотечественника, вся жизнь которого была направлена на благо родного народа.

Памятник Н.И. Новикову, к сожалению, поставлен не был. Увы, нет его и по сей день ни в одном из городов страны. Впрочем, это не совсем так. Крупнейшие наши библиотеки бережно хранят изданные более двухсот лет назад «ижданием Новикова и компании» томики журналов и книг. В хрестоматиях и исследованиях по истории литературы и журналистики, этики и эстетики, философии и педагогики, искусствоведения и книгоиздательства многие страницы и главы посвящены Н.И. Новикову.

И это не просто дань уважения выдающемуся деятелю русского Просвещения. Без Н.И. Новикова невозможно представить себе развитие нашей истории, культуры, общественной мысли...

Полтора века назад, говоря об истоках идейно-нравственного развития русского общества XVIII столетия, Н.П. Огарев выделял двух великих деятелей этой эпохи — А.Н. Радищева и Н.И. Новикова. По его мнению, на рубеже XVIII–XIX веков «обе струи — струя Радищева и струя Новикова — оживали с удвоенной силой и сливались в одну потребность положить начало гражданской свободы в России»¹.

К сожалению, в дальнейшем развитии страны доминирующей оказалась тенденция насильственного революционного преобразования, впервые со всей

определенностью заявленная А.Н. Радищевым. «Струя Новикова» признавалась все менее и менее правомерной в обретении «гражданской свободы в России». Пути поиска мирного, эволюционного развития страны, нравственного самосовершенствования человека, просвещения сограждан во имя создания нового, справедливого и совершенного бытия были отвергнуты.

В 1930-е годы известный историк литературы Я.Л. Барсков писал: «Самая постанова имен Радищева и Новикова рядом, привычка брать их, так сказать, за одну скобку, сделала то, что для широкого круга читателей стерлись глубочайшие различия между ними: первый является подлинным революционером, а от второго путь ведет если не к Каткову и Победоносцеву, то по крайней мере к «новым христианам» — к автору «Бесов» и К.М. Леонтьеву».

В самом деле, Н.И. Новикова можно считать одним из предтеч внецерковного религиозного реформаторства в России XIX — начала XX века, в котором со всей очевидностью проявилась тенденция противопоставления революционному переустройству общества альтернативы мирного его преобразования на основе религиозного реформаторства. И в этом смысле Радищев и Новиков, разумеется, являются антиподами.

Для многих это обстоятельство стало определяющим. И вопреки утверждению Н.П. Огарева, Радищев и Новиков, имевшие общую боль о судьбе родной страны и равно стремившиеся к созданию нового, лучшего общества, но предлагавшие принципиально противоположные пути его достижения, были противопоставлены друг другу как революционер и консерватор, как революционер и реакционер.

«Правда, — замечает Я.Л. Барсков, — они стремились оба к одной и той же цели — положить конец тому состоянию России, в какое привел ее деспотизм...»². Это верно. Как верно и то, что «шли они путями полярно противоположными»³. Однако вывод исследователя: «Радищев был пророком и предтечей революции, Новиков — реакции», — не может быть принят безоговорочно. Если в отношении А.Н. Радищева это утверждение вполне правомерно, то его оценка Н.И. Новикова как предтечи реакции явно несправедлива.

Да, просветителю был страшен и чужд путь революционного насилия. Кстати, наблюдая развитие событий Великой французской революции от просветительской утопии к кровавому якобинскому террору, ужаснулся и усомнился в правильности революционного пути и сам Радищев.

Н.И. Новиков искал другой выход. По справедливому замечанию П.Н. Беркова,

«он поставил своей главной задачей пробудить в русском обществе инициативу, создать влиятельное общественное мнение, воспитать сознательных патриотов, способных сочетать здоровые национальные традиции и достижения новейших поколений русских людей с лучшими, оправдавшими себя на деле достижениями европейской культуры»⁴.

Путь, предлагавшийся Н.И. Новиковым, был основан на гуманистических традициях светского и религиозного мышления, на практической этике благотворительности и филантропии, на борьбе с безнравственностью и бездуховностью современного ему общества, на исправлении нравов в процессе нравственного самосовершенствования человеческой личности.

Гуманизм, милосердие, сострадание, филантропия, активное служение своему Отечеству и своим ближним — вот то, во что верил, чему отдал все свои силы, всю свою жизнь Н.И. Новиков. И, быть может, потому, что сегодня нашему обществу недостает именно этих возрождаемых ныне духовных ценностей, мы с особым вниманием вглядываемся в глубь веков, воскрешая в памяти образ одного из замечательных деятелей России эпохи Просвещения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- (1) Киреевский И. В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И. В. Избр. статьи. М., 1984. С. 41–42.
- (2) Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 9. С. 671.
- (3) Герцен А. И. Соч.: В 9 т. М., 1958. Т. 8. С. 361.
- (4) Огарев Н. П. О литературе и искусстве. И., 1988. С. 96.
- (5) Бороздин А. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906. С. 64–66.
- (6) Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1907. Т. 2. С. 208.
- (7) Цит. по: Модзалевский Б. Л. К биографии Новикова. СПб., 1917. С. 20.
- (8) Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 665.
- (9) Ключевский В. О. Воспоминания о Н. И. Новикове и его времени // Ключевский В. О. Соч. М., 1969. Т. 8. С. 249.
- (10) Блок А. А. Собр. соч. Т. 11. С. 78.

Глава первая. ИСТОКИ

- (1) ЦГАДА, ф. 1366, оп. 1, д. 778, л. 46.
- (2) Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. Лондон, 1868. С. 77–78.
- (3) Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1966. Т. 27. С. 97.
- (4) Винский Г. С. Мое время. СПб., 1916. С. 18.
- (5) Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1965. Т. 27. С. 119.

Глава вторая. ОТЕЧЕСТВУ МОЕМУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

- (1) Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 362.

(2) Т а т а р и н ц е в А . Г . Идейно-эстетическая позиция автора «Отрывка путешествия в И Т» // Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 89–90.

Глава третья. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОКРОВИЩЕ

(1) П у ш к и н А . С . Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1969. Т. 10. С. 61

(2) М о и с е е в а Г . Н . Археографическая деятельность Н.И. Новикова // Н.И.Новиков и общественно-литературное движение его времени. С 30–31

(3) Т а м ж е . С. 31–32.

(4) Цит. по: Д о л г о в а С . Р . Исторический журнал Н.И. Новикова «Сокровище российских древностей». М., 1986. С. 25–27.

(5) Т а м ж е . С. 27.

Глава четвертая. К ОБЩЕЙ ПОЛЬЗЕ

(1) П у ш к и н А . С . Полн. собр. соч. Т. 8. С. 274.

(2) Русский архив. 1872. С. 1885.

(3) Д м и т р и е в И . И . Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 14–16.

(4) Б о л о т о в А . Т . Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 186–189.

(5) М а к о г о н е н к о Г . П . Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.;Л., 1961. С. 366.

(6) С м . В е р н а д с к и й Г . В . Русское масонство в царствование Екатерины II. П-г. 1917 г.

(7) П у ш к и н А . С . Полн. собр. соч. Т. 7. С. 362–363.

(8) Л о п у х и н И . В . Записки. М., 1860. С. 130.

(9) П л е х а н о в Г . В . Соч. М.; Л., 1926. Т. 22. С. 277.

(10) Русская беседа. 1866. Т. 3. С. 121.

(11) П л е х а н о в Г . В . Соч. Т. 22. С. 278.

(12) Записки И.П. Елагина // Русский архив. 2-е изд. 1864. С. 592.

(13) Н о в и к о в Н . И . Избр. соч. М.; Л.; ГТХЛ, 1951. С. 627.

(14) В е р н а д с к и й Г . В . Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 107.

(15) Л о п у х и н И . В . Указ. соч. С. 147.

(16) К о б е к о Д . Ф . Цесаревич Павел Петрович. 3-е изд. СПб., 1887, С. 201–202.

(17) ГПБ, рукописный отдел. 0.III.86, л. 28.

(18) П л е х а н о в Г . В . Соч. Т. 22. С. 279.

(17) Пастырское послание к истинным и справедливым свободным каменщикам древней системы (Соч. Х.А. Гаугвица, пер. А.А. Петрова) // ГПБ, 0. III.27, л. 10 об.

(19) См.: В е р н а д с к и й Г . В . Русское масонство в царствование Екатерины II С. 244–246.

(20) Л о т м а н Ю . М . «Сочувственник» А.Н. Радищева А.М. Кутузов и его письма к И.П. Тургеневу // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 139. Труды по русской и славянской филологии. [Сб.] 6. 1963. С. 290.

(21) Советская книга. 1961. № 8. С. 97.

(22) М а к о г о н е н к о Г . П . Указ. соч. С. 614.

(23) К о ч е т к о в а Н . Д . Идеино-литературные позиции масонов 80–90-х годов XVIII века. М.; Л., 1964. С. 184. В статье Н.Д. Кочетковой справедливо указывается на возможность сочетания у русских масонов интереса к религиозным проблемам с широкой общественной активностью. Так, друг Н.М. Карамзина А.А. Петров, при его несомненном интересе к мистико-алхимическим масонским исканиям, ограничиться ими не мог: «Никакая религия не могла отвлечь Петрова от практической деятельности переводчика, критика, издателя». То же самое можно сказать и об И.П. Тургеневе, возглавившем в конце XVIII в. Московский университет. Говоря о деятельности Шварца, который способствовал организации системы народного образования в стране, исследователь считает возможным заметить, что «работа Шварца, стремившегося сделать все возможное для широкого распространения образования, служит практическим опровержением его агностицизма и мистицизма в теории».

(24) М а к о г о н е н к о Г . П . Указ. соч. С. 636.

(25) Л о т м а н Ю . М . Указ. соч. С. 291.

(26) М а р т ы н о в И . Ф . Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 44–46.

(27) Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л., 1934. Т. 46. С. 213–214.

(28) Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 343.

(29) Магазин Свободокаменщицкой. М., 1784. Ч. 2. С. 103.

(30) Утренний свет. М., 1779. Ч. 4. С. 116.

Традиционно считалось, что «Мнения Паскаля» — это перевод известной книги «Мысли», созданной великим французским ученым и религиозным моралистом. Правда, при этом нередко отмечалось, что перевод очень неточен и весьма далек от оригинала. Однако подробный сравнительный анализ оригинала и перевода долгое время не проводился. И лишь совсем недавно западно-германский исследователь Х. Кайперт проделал эту работу и убедительно доказал, что «Мнения Паскаля», напечатанные в «Утреннем свете», являются переводом сочинения П. Бриллона (1671–1736). (См.: Keipert H. Neue Quellen zu Novikovs «Utrennyi svet» // Sonderdruck Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1984. С. 284–285.

(32) Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 214.

(33) ГПБ, рукописный отдел, ф. 499, N 3, л. 1, об, 2.

(34) Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 310.

Глава пятая. НОВИКОВСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

(1) Антология педагогической мысли России XVIII века. М., 1985. С. 172.

(2) Библиограф. 1885. № 10. С. 60.

(3) Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1784. Кн. 1. С. 1035.

(4) Н. И. Новиков

(5) Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века: 1780–1792 гг. Пг., 1915. С. 254–255.

(6) Там же.

(7) Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 7. С. 190.

(8) Собеседник любителей русского слова. СПб., 1783. Ч. I. С. 147.

(9) Записки княгини Дашковой. СПб., 1907. С. 161–162.

(10) Цит по: Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 86–87.

- (11) Барсков Я. Л. Указ. соч. С. 243.
- (12) Записки И.П. Елагина // Русский архив. 1864. № 1. С. 98–99.
- (13) Новиков Н. И. Избр. соч. С. 254.
- (14) Плимак Е. Г. Масонская редакция против материализма в России. (70–90-е годы XVIII века) // Вопросы философии. 1957. № 2.
- (15) Отечественные записки. 1839. Т.К. Отд. 8. С. 27.
- (16) Цит. по: Державин Г. Р. Соч. СПб., 1869. Т. 5. С. 645–646.
- (17) Цит. по: Новиков Н. И. Избр. соч. С. 678.
- (18) Там же. С. 579.
- (19) Там же. С. 579–580.
- (20) Там же. С. 623.
- (21) Там же.
- (22) Там же. С. 620.
- (23) Там же.
- (24) ГАКО, ф. 203, оп.1, ед.хр. 1174, л. 4.
- (25) Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 202.
- (26) Храповицкий А. В. Дневник с января 1782 по 17 сентября 1793 г. / Под ред. Н.П. Барсукова Ю. М., 1901. С. 100.
- (27) Из бумаг протоиерея Петра Алексеева // Русский архив. 1882. Кн. 2. Вып. 4. С. 90.
- (28) Новиков Н. И. Избр. соч. С. 588–589.
- (29) Библиограф. 1886. № 10. С. 61.

Глава шестая. ЧЕРЕЗ ГОРНИЛО СТРАДАНИЯ

- (1) Пыпин А. В. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг. 1916. С. 187.
- (2) ГПБ, рукописный отдел, F. XVIII. 36, л. 75 об.–76.
- (3) Цит. по: Лихоткин Г. А. Оклеветанный Коловион. Л., 1972.
- (4) Цит. по: Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т.2. С. 148 (оригинал на фр. языке).
- (5) Новиков Н. И. Избр. соч. С. 690–691.
- (6) См.: Запатов В. А. К истории правительственных преследований Н.И.

Новикова // Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 47–48.

(7) Летописи русской литературы и древности. М., 1861. Т. 3. Ч. 2. С. 10.

(8) Там же. С. 92–93.

(9) ЦГАМ, ф. 16, оп. 64, л. 167.

(10) Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX–XX вв. М., 1960. Вып. 8. С. 762–766.

Глава седьмая. ВОЗВРАЩЕНИЕ

(1) Исторический вестник. 1882. № 12. С. 499–500.

(2) Русская старина. 1896. № 11. С. 318.

(3) Витберг А. Л. Записки // Русская старина. 1872. С. 561.

(4) Герцен А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1956. Т. 4. С. 282.

(5) Карамзин Н. М. Записка о Н.И. Новикове // Новиков Н.М. Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 139–140.

(6) Там же.

Заключение

(1) Огарев Н. П. О литературе и искусстве. С. 88.

(2) Барсков Я. Л. Литературное наследство А.Н. Радищева и Н.И. Новикова // Лит. наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 344.

(3) Там же.

(4) Берков П. Н. Насущные вопросы изучения общественной позиции Н.И. Новикова // Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. С. 11.